

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 2 (70)

Нижний Новгород
2025

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им.
Н. А. Добролюбова. Вып. 2 (70). — Н. Новгород: НГЛУ, 2025. — 180 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор
В. М. Бухаров

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), М. А. Ариян, О. В. Байкова (Киров),
М. К. Бронич, М. А. Викулина, Н. К. Гарбовский (Москва),
Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик (Москва),
С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск),
О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева, Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова,
В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2025

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

LINGUISTICS UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

LUNN BULLETIN

Issue 2 (70)

Nizhny Novgorod
2025

LUNN Bulletin. Issue 2 (70). — Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod, 2025. — 180 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Valeriy M. Bukharov

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov),
M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev,
B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Kysin (Moscow),
I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko,
E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France),
U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© LUNN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА	9
Субязык-опосредованная текстоцентричная культуроведческая лингвистика: в поисках универсальной методологии <i>Соснин А. В., Кабанова И. Н.</i>	9
Поликодовость как фактор эффективности коммуникации (на материале новостных постов в <i>Telegram</i>) <i>Фомин А. Г., Габитов Ш. Р.</i>	19
Языковая репрезентация метафорической модели «СПОРТ» в практике коучинга <i>Шнякина Н. Ю.</i>	33
Заглавия немецкоязычных романов в формате предложения <i>Штырова В. Э.</i>	46
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	60
О некоторых результатах и перспективах исследования оценки качества перевода как научной проблемы <i>Княжева Е. А.</i>	60
Оценка качества перевода аудиовизуального произведения: современные тенденции <i>Демидова А. С.</i>	75
Семантическая трансформация китайского политического выражения «доучжэн» и проблема его перевода на английский язык <i>Чжу Шисон, Чжао Гуоюэ</i>	91
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР	103
По другую сторону объектива: границы и последствия (на материале произведений <i>A Spoilt Negative</i> Э. У. Хорнунга и <i>The Little Photographer</i> Д. Дю Морье) <i>Полуэктова Т. А.</i>	103
О датировке публикации «Исэ моногатари» в переводе Н. И. Конрада <i>Кострова М. А., Лобков А. Е.</i>	117

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....	129
Лакуны семантического поля ‘телесность’ (на материале испанского перевода романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	
<i>Сандлер Ю. Н.</i>	<i>129</i>
Педагогические условия формирования лингвистической безопасности взрослых в системе дополнительного образования	
<i>Лазарева А. С., Дмитриева Е. Н., Жигалев Б. А.</i>	<i>151</i>
Методическая типология лексики турецкого языка в условиях взаимодействия трех языковых систем (на базе английского и русского языка как родного)	
<i>Бурла А. В., Глумова Е. П.</i>	<i>167</i>
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	178

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Sublanguage-Sensitive Cultural Linguistics Centred around Text: A Search for Universal Methodology <i>Alexey V. Sosnin, Irina N. Kabanova</i>	<i>9</i>
Multimodality as a Factor of Effective Communication (Based on News Messages on Telegram) <i>Andrey G. Fomin, Shamil R. Gabitov</i>	<i>19</i>
Verbal Representation of the Metaphorical Model “SPORTS” in the Practice of Coaching <i>Natalia Yu. Shnyakina</i>	<i>33</i>
Sentence-Format Titles in German-Language Novels <i>Valeriia E. Shtyrova</i>	<i>46</i>
CURRENT ISSUES IN TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES	60
Translation Quality Assessment: Research Results and Prospects for Further Study <i>Yelena A. Knyazheva</i>	<i>60</i>
Current Trends in Assessing Quality of Audiovisual Translation <i>Anna S. Demidova</i>	<i>75</i>
The Semantic Transformation of Chinese Political Discourse “Dou Zheng” and its English Translation <i>Zhu Shisong, Zhao Guoyue</i>	<i>91</i>
CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE	103
On the Other Side of the Camera Lens: Limits and Consequences (Based on E. W. Hornung’s <i>A Spoilt Negative</i> and D. Du Maurier’s <i>The Little Photographer</i>) <i>Tatyana A. Poluektova</i>	<i>103</i>
On Dating the Publication of <i>Ise Monogatari</i> Translated by N. I. Konrad <i>Maria A. Kostrova, Alexander E. Lobkov</i>	<i>117</i>

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION.	
TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	129
Lexical Gaps in the Semantic Field of ‘Corporality’ (Based on the Spanish Translation of M. A. Bulgakov’s <i>The Master and Margarita</i>) <i>Yulia N. Sandler</i>	129
Pedagogical Conditions for Fostering Linguistic Security in Adults within the System of Continuing Education <i>Anna S. Lazareva, Elena N. Dmitrieva, Boris A. Zhigalev</i>	151
Methodological Typology of Turkish Vocabulary in the Context of Three-Language Interaction (with English as a Foreign Language and Russian as a Native Language) <i>Anna V. Burla, Elena P. Glumova</i>	167
CONTRIBUTOR INFORMATION	178

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-9-18

СУБЪЯЗЫК-ОПОСРЕДОВАННАЯ ТЕКСТОЦЕНТРИЧНАЯ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: В ПОИСКАХ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

А. В. Соснин, И. Н. Кабанова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье изложен универсальный подход к объяснению языковой картины мира, присущей определенному лингвокультурному сообществу, названный субъект-опосредованным и представляющий собой моделирование культурно обусловленных характеристик языкового сознания с позиций типичных коммуникативных ситуаций, закрепленных в различных предметных или институциональных сферах и интегрированных в соответствующие им субъект-языки в качестве нормы. Последняя при этом рассматривается в качестве еще одной системы кодирования в дополнение к функциональной системе языка, поскольку, как указывается авторами, каждая коммуникативная ситуация конструируется в соответствии с конкретным сценарием, а специфическое лексико-грамматическое наполнение, которым располагает субъект-язык для выражения внутриситуативных отношений, подводится под общезначимую конвенцию, как вести себя и что говорить в данной ситуации. Текстцентричность культуроведческой лингвистики обнаруживается в выявлении присущей лингвообществам коллективной стандартизации, при этом в качестве ее стандартных элементов рассматриваются типические построения по типу сверхтекстов, или инвариатных, схематичных конструкторов. Модель культуроведческого языкознания, представленная в статье, включает три измерения: общее лингвокультурное пространство, субъект-языковая дифференциация и диахроническое развитие. Заключается, что методологические рамки субъект-опосредованной текстцентричной культуроведческой лингвистики устанавливаются относительно границ ее предметно-ситуативной локализации и анализа соответствующих языковых объектов, начиная с уровневых языковых микроструктур и заканчивая макроструктурными построениями по типу сверхтекстов и субъект-языков.

Ключевые слова: культуроведческая лингвистика; субъект-язык; норма; текстцентризм; сверхтекст.

Цитирование: Соснин А. В., Кабанова И. Н. Субязык-опосредованная текстоцентричная культуроведческая лингвистика: в поисках универсальной методологии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 9–18. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-9-18.

**Sublanguage-Sensitive Cultural Linguistics Centred around Text:
A Search for Universal Methodology**

Alexey V. Sosnin, Irina N. Kabanova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article suggests a universal approach to explicating the worldview shared by a particular linguistic-cultural community. The approach is termed sublanguage-sensitive and consists in modelling the culturally specific features of language consciousness from a standpoint of typical communicative situations pertaining to various practical or institutional spheres and integrated into respective sublanguages as a norm. The latter is viewed as an auxiliary coding system supplementing the functional language system because, as stated in the article, each communicative situation is constructed in accordance with a particular scenario, while the specific grammar and lexis which a sublanguage uses to express the relations within the given situation are selected following the universally accepted convention as to how to behave and what to say in it. Cultural linguistics is approached as centered around text, i.e. attempting to locate the standard collective semiotic entities employed by linguistic communities. These entities are essentially super-texts or, invariant schematic constructs. The model of cultural linguistics presented in the article incorporates three dimensions: the general linguistic-and-cultural space, its differentiation according to the sublanguage, and its diachronic evolvement. It is concluded that the methodological boundaries of sublanguage-sensitive cultural linguistics centered around text are drawn in accordance with its situational localization and the corresponding linguistic objects, from the microstructures of language levels to macro-constructs such as supertexts and sublanguages.

Key words: cultural linguistics; sublanguage; norm; text centrality; supertext.

Citation: Sosnin, Alexey V., & Kabanova, Irina N. (2025) Sublanguage-Sensitive Cultural Linguistics Centred around Text: A Search for Universal Methodology. *LUNN Bulletin*, 2 (70), 9–18. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-9-18.

1. Введение

С бурным развитием компьютерных алгоритмов лингвистического анализа, строящихся на совершенно иных принципах, чем консервативное языковедение, многие современные исследователи-разработчики наивно полагают, что они совершенно не зависят от каких бы то ни было воздействий и что создали себя сами — как бы в ответ на «засилье» в лингвистике давно ушедших корифеев. Но они не мертвы, они актуальны как никогда. Современная же прикладная лингвистика, напротив, это показатель их жизненной силы. Без них мы

не знали бы, как приступить к решению современных задач, куда приложить свои силы. Старая метафора бессмертности ученого по-прежнему здесь релевантна. Об уединенной беседе с великими предшественниками рассказал Ф. де Кеведо в своем сонете «Наслаждаясь уединением и учеными занятиями»: «Здесь у меня собрание небольшое / Ученых книг, покой и тишина; / Моим очам усопших речь внятна, / Я с мертвыми беседую душою. / И мудрость их вседневно правит мною, / Пусть не всегда ясна — всегда нужна; / Их стройный хор, не ведающий сна, / Сон жизни по́лнит музыкой немою» (Кеведо 1980). Как отмечает Н. Ю. Бокадорова, совершенно необходимо преодолеть «модерноцентристский» подход к развитию лингвистической науки, когда прошлое либо полностью отвергается, считаясь «донаучным», или же в нем ценность имеет только то, что утверждает современное (Бокадорова 1986: 69).

2. Характеристика материала и методов исследования

В настоящей статье предпринята попытка выработать интегрирующую методологию лингвокультуроведческих изысканий в русле традиционной нижегородской школы коллоквиалистики и субъязыков Ю. М. Скребнева (1985) без обращения к макропостроениям по типу дискурса или жанра, которые весьма популярны в настоящее время. С некоторыми оговорками и попытками адаптации к лингвистической материи дискурс в качестве глубинной методологической основы все же демонстрирует социальную составляющую, а жанр — литературоведческую. И хотя в условиях современного состояния науки требуется междисциплинарный подход, но построить лингвокультурологическую науку на федеративных принципах возможно лишь за счет подчинения всех включенных сюда ветвей знания примату общей цели изучения языка и центральной проблемы значения.

Основополагающим в заявленном подходе будет определение соотношения между культурными макро- и языковыми микроструктурами, или же, другими словами, как макроформы культур оказывают влияние на форму различных субъязыков, на план выражения.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В случае глобального сочетания любой этнической культуры с национальным языком мы говорим о гумбольдтианской лингвистике. Как известно, теоретико-методологическую базу гумбольдтианства составляет антропологический подход, в соответствии с которым адекватное изучение языка должно производиться в тесной связи с культурой и духовной жизнью человека, с его этнопространством (Тестелец 1990: 123). Если же макроформой выступает некоторая типическая культурная / нормативная ситуация, то речь идет

о субъязык-дифференцирующей обуславливающей и обусловленной культуроведческой лингвистике. В этой связи любопытно замечание немецкого философа культуры Р. Конерсмана о том, что культуры как универсального единства не существует вообще и что есть только множество событий и манифестаций, разнообразие форм освоения мира человеком, зафиксированного в словах, правилах и техниках. Из этого многообразия человеческой активности культура, согласно Конерсману, предстает как находящаяся в непрерывном развитии связь деятельности и ментальности, как открытое пространство коммуникации (Konerstmann 2003: 8). Таким образом, рассматриваются не просто универсальная культура и всеобъемлющий язык, а в первую очередь различные области коммуникации, человеческое поведение и ценности — как в обыденной жизни, так и в институциональных контекстах, которые демонстрируют языковые, прагматические и текстовые особенности и которые опосредованы различными коммуникативными условиями.

В этой связи современный немецкий филолог Х. Куссе говорит о т. н. дискурс-сенситивной культурологии (Куссе 2022: 11), мы же придерживаемся нашей школы и отдаем предпочтение терминам «субъязык» (Скребнев 1985: 21) и «субъязык-опосредованная культуроведческая лингвистика». Это представляется тем более обоснованным, поскольку Л. Ельмслев трансформирует традиционную сосюрговскую дихотомию «язык — речь» в четырехчастную модель: «схема (чистая форма) — норма (материальная форма) — узус (совокупность навыков; сюда же можно добавить сам процесс речепорождения ¹) — акт» (Ельмслев 2006: 160, 169).

Румынский языковед Э. Косериу также предлагает выделять наряду с системой еще и норму. Норма, согласно ему, это система обязательных реализаций, принятых данной культурой: норма сопоставлена не с тем, что можно сказать в принципе, а с тем, что уже было сказано и что конвенционально говорится в рассматриваемом лингвокультурном сообществе. Выделение нормы как систематики призвано продемонстрировать, что конкретный язык можно исследовать с множественных позиций: «как систему потенциальных возможностей, как набор прескриптивных вербализаций, как парадигму функциональных противопоставлений, как факт лингвокультуры, как идеальные формы реализации, т. е. эталоны соответствующей речевой деятельности, и как конструкты, уже реализованные исторически по данным шаблонам» (Косериу 1963: 175).

В системном, схематическом ракурсе изучаются, таким образом, функционально значимые различия, а с нормативной точки зрения — допускаемые системой / схемой разновидности функционирования языка. Однако вслед

¹ По А. А. Леонтьеву, это языковая деятельность (Леонтьев 1969: 27).

за Х. Куссе заметим, что языковая и культурная дивергенция не исключает существования нормативного литературного языка, который отличается поливалентностью и многофункциональностью (Куссе 2022: 33). По аналогии с нормативным языком можно выделить и понятие нормативной культуры, ему соответствующей. Это та культура, которую мы называем русской, английской или французской — не в неоромантическом понимании «господствующей культуры» *Leitkultur*, а в вандейковском смысле «общего основания культуры» *cultural common ground* (Van Dijk 2001: 15), т. е. в контексте общепринятых стандартов, формирующих жизненное пространство и ощущение его нормированности в лингвокультурном сообществе (cf.: Hansen 2003: 7). Таким образом, гумбольдтианское и субязык-опосредованное языковедение ни в коей мере не исключают друг друга.

Благодаря вышеизложенному снимается чисто структуралистская невозможность даже самой идеи культуроведческого языкознания. Ведь, казалось бы, культурология — это нечто свободное, открытое, имеющее дело с различными культурными предметами и явлениями. А лингвистика — это очень строгая наука, почти как математика. В общем, друг другу они не подходят. Но здесь мы бы имели дело лишь со схемой, системой чистых различий. Отходя от этого узкого, формально ориентированного определения лингвистики, мы обнаруживаем, что культуроведческое языкознание вполне может объединить методологическую транспарентность и закономерную открытость всех культурных объектов как средств коммуникации.

Действительно, как справедливо замечает И. В. Арнольд, чистый идеальный структурализм как метод едва ли используется, однако многие частные методики, созданные в его рамках, по-прежнему актуальны, т. к. ими последовательно обеспечивается объективность лингвистического описания и выделяется материал, который легко поддается количественной обработке (Арнольд 1991: 9).

Культуроведческая лингвистика только тогда является культуроведческой, когда она способствует расшифровке «культурной физиономии» типичных коммуникативных ситуаций лингвосообществ и эпох и когда она обнаруживает присущую им коллективную стандартизацию (cf.: Böhme 2000: 73). Очевидно, этими стандартными элементами лингвокультуры будут типичские построения по типу сверхтекстов, или эмических, инвариатных, схематичных конструкторов.

Это постулат московско-тартуской структурно-семиотической школы, являющейся предельно текстоцентричной и представляющей культуру в качестве системы текстов или как множество функций, которые этими текстами обслуживаются. Так, по замечанию культуролога и семиотика П. Торопа, стало возможным говорить о том, что процессы порождения культуры, текстов

и языка изоморфны (Тороп 1995: 226). Текст же, еще раз отметим, понимается как некоторая общая (языковая) схема для группы текстов — в рамках сверхтекстуальной теории текста, главная задача которой состоит в конструировании текста-модели, инкорпорирующего какую-то общую идею, и, далее, в порождении всевозможных субъязык-специфичных реализаций исходного текста и в их сопоставлении. Об этом, в частности, писали И. Беллерт, В. Дресслер, Р. Харвег, Я. Петёфи (Petöfi 1971; Harweg 1973; Беллерт 1978; Дресслер 1978). Текстовые сверхструктуры, типические схемы, передающиеся от поколения к поколению, выделяет и В. Я. Пропп (Пропп 2001), рассматривая инвариант волшебной сказки. В СМИ стало постоянно звучать слово «нарратив», опять же отсылающее нас к рекуррентным, массово воспроизводимым типическим смыслам.

В ельмслевском четырехчастном представлении «схема — норма — узус — акт» сверхтекст отнесем к схеме, а правила его развертывания в реальные тексты — к культурно-опосредованной норме и узусу, т. е. к субъязыку или его дифференцирующей характеристике стилю.

Представляется, что сверхтекст — это наиболее схематичная нефокализованная тема; ее культурно обусловленные, ситуативные или институциональные вербализации будут иметь конкретные фокусы за счет предикации определенных признаков из общего набора (акт выбора, прагматическим критерием для которого служит эффективность коммуникативного взаимодействия), за счет нормативных (*sic!*) вербализаций суперсегментных текстовых характеристик: выбора грамматических, лексических и стилистических средств, актуального членения предложения и т. д. На пропозициональном уровне фокализацию можно усмотреть в приписывании определяемому объекту интенционального предиката, который в языке может принадлежать лишь объектам из конкретного системного класса.

Если двигаться от интерсемиотики или полимодальности культуры к семиотике языковой, то как разновидность культуры обуславливает субъязык? По Ю. М. Скребневу, вычленение субъязыков как условно замкнутых подсистем представляет собой процедуру гипостазирования (Скребнев 1985: 23), т. е. приписывания самостоятельного бытия абстрактным сущностям. Хотя это выделение и произвольно, но оно, безусловно, отражает стратификацию культуры, ее институциональность и пр. Другими словами, семиотически нерасчлененная субстанция мышления сначала опредмечивается, а потом ей ставится в соответствие вербальная форма. Обратно, если мы движемся от субъязыка к разновидности лингвокультуры, то культурную норму, являющую часть его нормативно-узуальной систематики, можно рассматривать в качестве интерпретанта и на этой основе более полно реконструировать макрокультурные образования по типу сверхтекстов или культурных констант.

Социокультурная норма, так же как и норма языковая, это набор общепринятых установлений, имеющих прескриптивную природу. В применении к языку как общественному установлению и факту культуры это унифицированные доксистические представления, так или иначе в нем инкорпорированные в виде сопутствующих нормативных систематик в приложении к различным предметным областям и сферам человеческой деятельности. В феноменологическом отношении, в плане эмпирического восприятия они конституируют, перефразируя слова Э. Гуссерля, всеобъемлющий горизонт некоторого «жизненного мира», в который мы интегрированы и только в котором способны постичь, что для нас значат «в модусе актуальной обращенности» все обозначаемые словами вещи, которые лежат в пределах этого горизонта (Гуссерль 2009: 66–67). Как отмечает А. Е. Бочкарев, достоверны ли подобные системы в объективном, онтологически «верном» смысле, заранее знать нельзя. Тем не менее можно утверждать их однозначную достоверность для данного языкового коллектива (Бочкарев 2014: 170). Другими словами, этот возможный культурный подмир необязательно должен быть реальным — он может быть и вымышленным, литературным. В литературных произведениях истина во многом это соответствие нормативным требованиям стиля как дифференцирующей характеристики субъязыка. В антропоцентрическом, гумбольдтиански-культуроведческом представлении знания и мнения, опосредованные культурной установкой, сходятся так близко, что их противопоставлять больше не требуется. Так корреспондентная модель значения пересматривается коренным образом. При сохранении общей верификационной основы место истины занимают доксистические структуры, т. е. то, во что верит или что принимает — независимо от действительного положения вещей — бо́льшая часть данного языкового сообщества в данной культурной / коммуникативной ситуации. Так социокультурные конвенции «подправляют», можно сказать, закрепленное в языке системное значение в фокусе культурно регламентированной ситуации. Прагматика, так образом, интегрируется в семантику языковых единиц и формирует их прагмасемантический потенциал; понятными высказываниями будут те, которые ситуативно и культурно уместны.

4. Заключение

Представляется, что субъязык-обусловленная культуроведческая лингвистика позволит пересмотреть устаревшие воззрения на зарубежные лингвокультуры, которые предстают как «замедлители» культурных и интеграционных процессов: не полностью их отбросить, но выработать на их основе представления актуальные, релевантные, чего можно достичь в первую очередь через интегрированное культурологическое и семиотическое исследование субъязыков.

Структурирование культурно значимых фрагментов действительности в виде сверхтекстов, или надтекстовых системных единиц, во-первых, служит логичным развитием представлений о языке как об уровневой системе и, во-вторых, влечет за собой неизбежность обращения к национальным корпусам литературных произведений, что в силу универсальных морально-нравственных ценностей, в них заложенных, могло бы способствовать взаимному обогащению русской и зарубежных лингвокультур, развитию добрососедских отношений и эффективному разрешению политических противоречий в долгосрочной перспективе.

Субъязык-опосредованная текстоцентричная культуроведческая лингвистика может быть схематизирована в виде трехмерной модели со следующими осями: ось X — лингвокультурные особенности, присущие конкретному национальному сообществу (гумбольдтианское культуроведение); ось Y — предметная, институциональная диверсификация по субъязыкам с интегрированными в них сверхтекстами; ось Z — эволюция субъязыков, сверхтекстов и лингвокультуры в диахронии. В точке пересечения данных осей обнаруживается предмет исследования искомой ветви языкознания.

В целом методологические рамки субъект-опосредованной текстоцентричной культуроведческой лингвистики устанавливаются относительно границ ее предметно-ситуативной локализации и анализа соответствующих языковых объектов, начиная с уровневых языковых микроструктур и заканчивая макроструктурными построениями по типу сверхтекстов и субъязыков.

Список литературы / References

- Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991. [Arnold, Irina V. (1991) *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* (Fundamentals of Research in Linguistics). Moscow: Vyschaya Shkola. (In Russian)].
- Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 172–207. [Bellert, Irena. (1978) *Ob odnom uslovii svyaznosti teksta* (Towards One Condition of Text Cohesion). In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk VIII: Lingvistika teksta* (Update in Foreign Linguistics. Issue VIII: Linguistics of Text). Moscow: Progress, 172–207. (In Russian)].
- Бокадорова Н. Ю. Проблемы историологии науки о языке // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 68–75. [Bokadorov, Natalia Yu. (1986) *Problemy istoriologii nauki o yazyke* (Historical Issues of Language Science). *Voprosy yazykoznanija*, 6, 68–75. (In Russian)].
- Бочкарев А. Е. Нормы социальные // Семантика: Основной лексикон. Н. Новгород: Деком, 2014. С. 167–172. [Bochkaryov, Andrei Ye. (2014) *Normy social'nye* (Social Norms). In *Semantika: Osnovnoj leksikon* (Semantics: The Basic Lexicon). Nizhny Novgorod: Dekom, 167–172. (In Russian)].

- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. [Husserl, Edmund. (2009) *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* (Ideas towards Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy). Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian)].
- Дресслер В. Введение в лингвистику текста // Проблемы теории текста: Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР, 1978. С. 56–74. [Dressler, Wolfgang. (1978) *Vvedenie v lingvistiku teksta* (Introduction to Linguistics of Text). In *Problemy teorii teksta: Referativnyj sbornik* (Issues of the Text Theory: Abstract Journal). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Soviet Academy of Sciences, 56–74. (In Russian)].
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. [Hjelmslev, Louis. (2006) *Prolegomeny k teorii yazyka* (Prolegomena to a Theory of Language). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Кеведо Ф. де. Наслаждаясь уединением и учеными занятиями, автор сочинил сей сонет // Испанский Парнас. Л.: Художественная литература, 1980. С. 229. [Quevedo, Francisco de. (1980) *Naslazhdayas' uedineniem i uchenymi zanyatiyami, avtor sochinil sej sonet* (Enjoying Solitude and Studies, the Author Has Composed this Sonnet). In *Ispanskij Parnas* (Spanish Parnassus). Leningrad: Hudozhestvennaya literature, 229. (In Russian)].
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 143–343. [Coşeriu, Eugen. (1963) *Sinhroniya, diahroniya i istoriya* (Synchrony, Diachrony, and History). In *Novoe v lingvistike. Vyp. III* (Update in Linguistics, Vol. III). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 143–343. (In Russian)].
- Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. М.: Гнозис, 2022. [Kuße, Holger. (2022) *Kul'turovedcheskaya lingvistika* (Cultural Linguistics). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. [Leontjev, Alexey A. (1969) *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* (Language, Speech, Verbal Activity). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. [Propp, Vladimir Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoj skazki* (Morphology of the Fairy-Tale). Moscow: Labirint. (In Russian)].
- Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1985. [Skrebnev, Yuri M. (1985) *Vvedenie v kollokvialistiku* (Introduction to Colloquial Language Studies). Saratov: Saratov University Publishers. (In Russian)].
- Тестелец Я. Г. Гумбольдтианство // Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 123–124. [Testeleets, Jacob G. (1990) *Gumbol'dtianstvo* (Humboldtian Science). In Yarceva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* (Linguistic Encyclopaedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 123–124. (In Russian)].
- Торон П. Тартуская школа как школа // Лотмановский сборник 1. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 223–239. [Torop, Peeter. (1995) *Tartuskaya shkola kak shkola* (Tartu School as a School). In *Lotmanovskij sbornik 1* (Lotman Bulletin 1). Moscow: Garant Publishing Centre, 223–239. (In Russian)].
- Böhme, Hartmut. (2000) *Orientierung Kulturwissenschaft: was sie kann, was sie will*. Reinbek: Rowohlt. (In German).
- Hansen, Klaus. (2003) *Kultur and Kulturwissenschaft. Eine Einführung*. Tübingen, Basel: Francke. (In German).

- Harweg, Roland. (1973) Text Grammar and Literary Texts: Remarks on a Grammatical Science of Literature. *Poetics*, 9, 65–91.
- Konersmann, Ralf. (2003) *Kulturphilosophie. Zur Einführung*. Hamburg: Junius, 2003. (In German).
- Petöfi, János S. (1971) *Transformationsgrammatiken und eine ko-textuelle Texttheorie*. Frankfurt a. M.: Athenäum. (In German).
- Van Dijk, Teun A. (2001) Discourse, Ideology and Context. *Folia Linguistica*, 35, 11–40.

УДК 81'3

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-19-32

ПОЛИКОДОВОСТЬ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАЦИИ (на материале новостных постов в *Telegram*)

А. Г. Фомин, Ш. Р. Габитов

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Статья посвящена исследованию роли поликодовости в эффективности коммуникации на примере новостных постов русскоязычных телеграм-каналов, что и является материалом исследования. В исследовании выявляется, как сочетание вербальных и невербальных элементов формирует семиотическое пространство, способствующее реализации коммуникативных интенций. Основное внимание уделяется прагматическим механизмам, направленным на реализацию интенции автора посредством фреймов. Методы включали лингвопрагматический анализ; когнитивно-дискурсивный метод, количественный контент-анализ. Результаты демонстрируют, что поликодовые структуры усиливают прагматическую нагрузку сообщения, активизируют когнитивные и эмоциональные реакции аудитории, способствуют заданной интерпретации и позволяют авторам выражать отношение к денотату — от дискредитации до одобрения. Визуальные элементы поликодового текста могут осуществлять коммуникативную функцию, при этом несбалансированное использование кодов (например, чрезмерная ирония) может снижать доверие к информации у аудитории. Исследование вносит вклад в понимание роли поликодовости в цифровых медиа, подчеркивая ее значение для мониторинга интерпретации информации и повышения вовлеченности аудитории, отмечается необходимость дальнейшего изучения стратегий формирования поликодового семиозиса в новых медиа.

Ключевые слова: поликодовость; поликодовый текст; семиотическое пространство; эффективность коммуникации; стратегии формирования поликодового семиозиса.

Цитирование: Фомин А. Г., Габитов Ш. Р. Поликодовость как фактор эффективности коммуникации (на материале новостных постов в *Telegram*) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 19–32. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-19-32.

Multimodality as a Factor of Effective Communication (Based on News Messages on Telegram)

Andrey G. Fomin, Shamil R. Gabitov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

The article investigates the role of multimodality in enhancing communication efficacy through an analysis of news posts on Russian-language Telegram channels, which constitute the study's primary material. The research examines how the interplay of verbal and nonverbal elements constructs a semiotic space that facilitates the realization of communicative intentions. The analysis prioritizes pragmatic mechanisms designed to operationalize the author's communicative intent through framing. Methodologically, the study employs linguopragmatic analysis, cognitive-discursive methods, and quantitative content analysis. The findings reveal that polycode structures amplify the pragmatic force of messages, activate cognitive and emotional responses in the audience, and steer interpretations toward intended meanings, enabling authors to express evaluative stances toward the denotatum and ranging from discrediting to endorsement. While visual elements in polycode texts effectively perform communicative functions, an imbalanced use of semiotic codes (e.g., excessive irony) may undermine the audience's trust in the information. The study contributes to understanding multimodality in digital media, emphasizing its significance for monitoring information interpretation and enhancing audience engagement. It underscores the necessity of further exploration into strategies of polycode semiosis construction within new media environments to refine theoretical frameworks and practical applications.

Key words: multimodality; polycode text; semiotic space; communication efficacy; strategies of polycode semiosis construction.

Citation: Fomin, Andrey G., & Gabitov, Shamil R. (2025) Multimodality as a Factor of Effective Communication (Based on News Messages on Telegram). *LUNN Bulletin*, 2 (70), 19–32. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-19-32.

1. Введение

Современные цифровые коммуникативные практики все чаще демонстрируют переход от монокодовых текстов к сложным поликодовым структурам, где вербальные и невербальные элементы образуют единое семиотическое пространство (Kress, van Leeuwen 2001). Особую значимость этот феномен приобретает в контексте мессенджера *Telegram*, где мультимодальная организация контента становится ключевым инструментом воздействия на аудиторию. Поликодовость, понимаемая как стратегическое сочетание различных систем, позволяет авторам не только привлекать внимание, но и более эффективно реализовывать свои коммуникативные интенции (Jewitt 2014).

В научной литературе поликодовые тексты традиционно рассматриваются через призму креолизованных сообщений (Анисимова 2003), где вербальная и визуальная составляющие находятся в отношениях взаимодополнения. Однако в условиях цифровых медиа, особенно на таких платформах, как *Telegram*, этот феномен приобретает новые измерения, включая интерактивные элементы (стикеры, опросы) и гипертекстуальные связи (Herring 2019). При этом остается недостаточно изученным, к каким именно стратегиям поликодовых текстов в публицистическом дискурсе прибегают авторы для реализации своих интенций.

Настоящее исследование сосредоточено на анализе поликодовости как инструмента достижения коммуникативных целей автора в телеграм-постах. Мы исходим из предположения, что стратегическое сочетание вербальных и невербальных элементов не просто сопровождает основной текст, а активно участвует в формировании желаемого восприятия и реакции аудитории (Norris 2004). Под прагматическими механизмами в данном исследовании понимаются способы и приемы подачи информации в цифровой коммуникации, направленные на реализацию интенции автора. К ним относятся: привлечение эмоций (как правило, посредством невербальных элементов: картинок, видео, эмодзи, аудиосопровождения), использование языковых единиц с ярко выраженной коннотацией (при помощи языковых средств подчеркивается строго положительная или отрицательная коннотация) и повторение с целью усиления.

Данные механизмы основываются на следующих принципах:

1) принцип семиотической комплементарности, при котором текст, изображение и звук взаимно усиливают заложенный фрейм, например, «душевности» или «критики» (Bezemer, Kress 2008; Forceville 2016);

2) принцип квантификации — превращение статистических данных и точных цифр в «символы объективности», легитимирующие высказывание (van Leeuwen, 2007);

3) принцип авторитетности — отсылка к официальным программам, экспертным цитатам и институциональным авторитетам для усиления достоверности (van Leeuwen 2007);

4) принцип интерактивной вовлеченности — внедрение спойлеров и кликабельных ссылок, выполняющих фатическую функцию и повышающих уровень вовлечения (Forceville 2016);

5) принцип баланса — сочетание позитивных и критических элементов для имитации объективности (Fairclough 1989);

6) принцип меметизации контекста — использование узнаваемых культурных кодов и мемов для ускоренного декодирования и усиления сарказма (Machin, Mayr 2012; Forceville 2016).

Применение данных принципов позволяет поликодовым структурам реализовать прагматические установки коммуникатора.

Принцип семиотической комплементарности также является одним из основных принципов механизма креолизации текста (Анисимова 2003), который понимается как процесс семиотической интеграции, включающий:

1) семантическую синхронизацию: лексико-тематические соответствия, хронологическая согласованность событийного ряда, логико-смысловые параллели между компонентами;

2) структурную комплементарность: взаимодополнение информационных лакун, распределение смысловой нагрузки между модальностями, композиционное равновесие (например, фото ↔ подпись ↔ основной текст);

3) прагматическую координацию: единство коммуникативной цели, согласованность перлокутивного эффекта, совместное воздействие на эмоционально-оценочную сферу. В нашем материале такая координация реализуется при помощи сочетания статистических данных (чисел) и их визуализации (графика), взаимодействия официальных цитат и их неформальной интерпретации, координации временных маркеров в тексте и визуальном ряде.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что поликодовость интернет-коммуникации способствует повышению эффективности восприятия сообщения, поскольку задействование как вербальных, так и невербальных кодов усиливает выразительность текста и способствует более точной интерпретации коммуникативной интенции автора получателем.

2. Характеристика материала и методов исследования

В настоящей работе использовались методы лингвопрагматического анализа (рассмотрение оценочной лексики и цитат с целью продемонстрировать, как автор через выбор слов и цитирование формирует интенцию и оценочную оптику), мультимодального анализа (изучение семиозиса вербальных и невербальных компонентов, в частности анализ композиции изображений и видео), когнитивно-дискурсивный метод (выявление используемых фреймов, анализ пресуппозиций и эмоциональных реакций пользователей, выполняющих фатическую, экспрессивную и когнитивную функции поликодового семиозиса), количественный контент-анализ пользовательских реакций (статистика и распределение комментариев по категориям для оценки эффективности задействованных стратегий).

Материал в количестве 1575 поликодовых текстов (постов в новостных каналах *Telegram*), опубликованных в период с марта 2022 г. по апрель 2025 г. в *Telegram*, был отобран методом целенаправленной выборки по критерию наличия поликодовости (сочетание вербального и невербального кода, включая гипертекстуальность, метатекстуальность, а также интерактивные элементы постов) в сообщении.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Современные исследования цифровой коммуникации (Herring 2019; Jewitt, 2014) последовательно демонстрируют, что поликодовые тексты функционируют как сложные семиотические системы, где различные модальности (вербальная, визуальная, аудиальная) не просто сосуществуют, но и вступают в отношения взаимного усиления. В рамках социальной семиотики (Kress, van

Leeuwen 2001) такой подход позволяет рассматривать цифровые сообщения как целостные смысловые единства, где каждый элемент выполняет специфическую коммуникативную функцию, и эффективность поликодовых сообщений определяется не просто наличием разнородных элементов, а их системным взаимодействием, направленным на реализацию авторской интенции. При этом стоит отметить, что в условиях цифровых медиа именно визуальные компоненты (эмодзи, иллюстрации, видеоприложения) часто берут на себя основную прагматическую нагрузку, они выступают в роли катализаторов эмоционального воздействия, влияют на особенности восприятия информации аудиторией, функционируют как маркеры групповой идентичности (Norris 2004).

В рамках данного исследования поликодовые тексты рассматриваются как целостные системы, в которых вербальные и авербальные элементы объединяются для реализации коммуникативных целей автора. Данные элементы (тексты, эмодзи, изображения) взаимодействуют друг с другом при помощи прагматических механизмов, посредством которых формируется интенция высказывания, создается контекстуальная опора на знания реципиента, аудитория вовлекается в интерактивное взаимодействие (например, со скрытым текстом или гиперссылкой). Так интенциональность проявляется посредством использования оценочной лексики и цитирования авторитетов (Leech 1983; Cialdini 1984), контекстуализация посредством обращения к культурным кодам и мемам (Jewitt 2013), а интерактивная вовлеченность достигается спойлерами и кликабельными ссылками, выполняющими фатическую функцию (Forceville 2016).

Дополнительным способом легитимации, то есть придания сообщению статуса достоверного и авторитетного через вербальные и авербальные элементы, выступает квантификация, когда статистические данные и точные цифры превращаются в «символы объективности» и «неопровержимые факты», а также ссылки на официальные источники и экспертов (van Leeuwen 2007). В основе организации смысловых отношений лежат четыре ключевых принципа: принцип семиотической комплементарности предполагает, что текст, изображение и звук не дублируют друг друга, а вносят уникальный вклад в общий фрейм, например, «душевности» или «критики» (Bezemer, Kress 2008; Forceville 2016); принцип визуального исключения, при котором умышленное отсутствие альтернативных образов фокусирует внимание на выбранном знаке и ограничивает интерпретации (Kress, van Leeuwen 2006; Machin, Mayr 2012); принцип авторитетности опирается на официальную лексику и данные, укрепляя доверие аудитории (Cialdini 1984; van Leeuwen 2007); а принцип баланса сочетает позитивные и критические элементы для имитации объективности (Fairclough 1989).

Обобщая эти особенности, на примере материала работы выделим пять стратегий формирования поликодового семиозиса. Одобрение через поликодовую интеграцию объединяет оценочную лексику, официальные наименования и эмоциональный видеоряд (Fairclough 1989; Kress, van Leeuwen 2006). Натурализация преподносит, например, идеологию патриотизма как естественную для граждан без явных «заказных» маркеров (van Dijk 2008). Меметизация контекста активизирует культурные шаблоны, обеспечивающие мгновенный доступ к иронии или сарказму (Forceville 2016; Machin, Mayr 2012). Документирование успеха применяет квантификацию и инфографику для подкрепления позитивного нарратива (Cialdini 1984; van Leeuwen 2007). Наконец, создание информационного вакуума через провокационные заголовки и незавершенные фразы стимулирует клики (интерактивные действия пользователя по отношению к посту) и способствует удерживанию внимания (Austin 1962; Entman 1993).

В рамках поликодового текста также реализуются следующие основные фреймы, которые понимаются как структуры знания, организующие информацию в виде сценария или стереотипной ситуации и активирующиеся в процессе восприятия и интерпретации текста, что помогает объединить разнородные семиотические компоненты поликодового текста в единое смысловое целое:

1) оценочный фрейм задает эмоциональный тон («душевность») через сочетание вербального и невербального элементов (Goffman 1974);

2) диагностический фрейм («*Microsoft* убивает продукты») структурирует проблему и причинно-следственные связи (Entman 1993);

3) проблемно-ориентированный фрейм активизирует дефицит информации (спойлер, скрывающий от пользователя часть информации поста) и побуждает к действию (открытию скрытого текста);

4) когнитивно-поведенческий фрейм сочетает интерпретацию и стимул к конкретному поведению (клик, комментарий) через показатели вовлеченности (Entman 1993; Norris 2004).

Данные теоретические положения легли в основу анализа материала работы, что позволило исследовать, как конкретные сочетания вербальных и невербальных элементов в телеграм-каналах способствуют достижению коммуникативных целей авторов.

Рассмотрим поликодовый текст новостного поста телеграм-канала *Readovka* (см. Рис. 1).

Анализ данного поликодового текста позволяет выявить, что стратегия одобрения через поликодовую интеграцию включает в себя следующие особенности вербального компонента:

1) оценочная лексика в заголовке («душевное видео»);

2) использование официального названия праздника («День защитника Отечества»);

3) упоминание статусных исполнителей («заслуженные артисты Красноярского края»).

В то же время авербальный компонент включает видеоряд с эмоциональным исполнением патриотической песни, а также авербальными маркерами единства (совместное пение). Семиотическая комплементарность осуществлена путем заданного текстом оценочного фрейма («душевность»), который подтверждается прикрепленной видеозаписью эмоционального исполнения песни, а фрейм «живой» подкрепляется визуальными признаками аутентичности (общественный транспорт как фон). Автором были использованы языковые единицы с ярко выраженной коннотацией («заслуженные артисты» исполняют «душевную песню»), кроме того, адресант использовал стратегию натурализации для создания эмоционального эффекта: патриотизм представлен как естественная, спонтанная эмоция; отсутствуют явные «заказные» элементы в кадре.

Анализ пользовательских комментариев (включающих эмодзи с положительной валентностью (❤️, 👍, 😊) и высказывания, поддерживающие патриотический нарратив) к данному новостному сообщению позволил выявить его эффективность. Представим полученные данные в виде таблицы (см. Табл. 1):

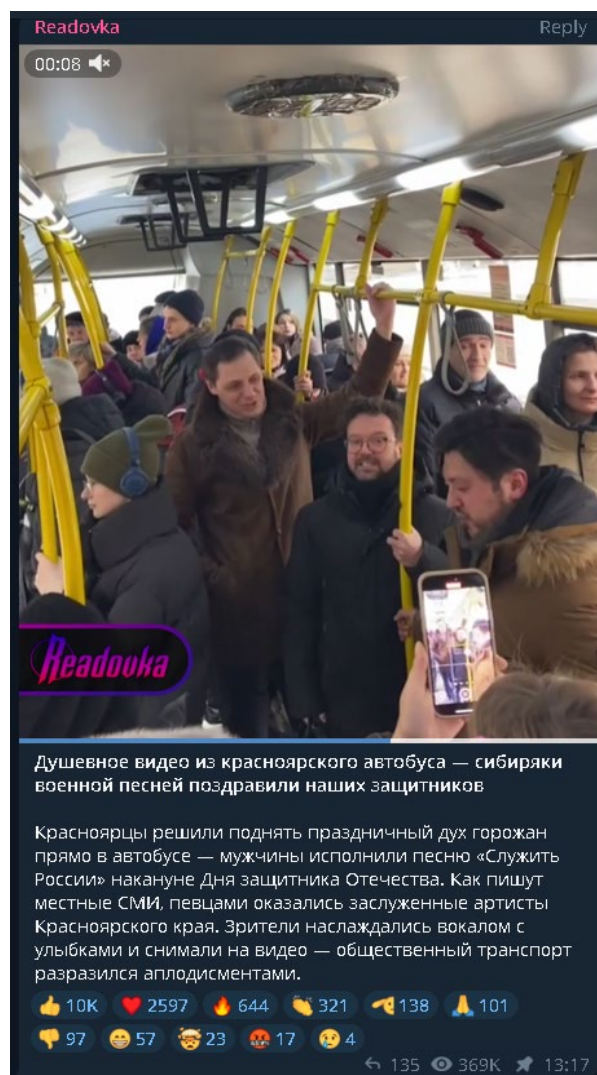

Рис. 1. Новостной пост канала *Readovka*

Таблица 1. Распределение пользовательских реакций к посту о песне в честь Дня защитника Отечества

Категория реакции	Количество комментариев	%	Характерные черты
Положительная	89	80	Пользователи присоединились к поздравлениям, выразили одобрение и солидарность
Неоднозначная	10	9	Пользователи выразили скепсис к форме поздравления, иронию
Критическая	12	11	Пользователи выразили осуждение безучастности / внешнего вида некоторых граждан, находившихся в автобусе во время поздравления

К «положительным» комментариям отнесены те, в которых эксплицитно (вербально или авербально) выражена положительная реакция (лексика с положительной окраской, использование одобрительных или позитивных эмодзи).

Эффективность авербального компонента данного новостного сообщения проявляется в активном обсуждении среди читателей содержания приложенного видеофайла. Так, 68 % прокомментировавших осудили «пассивных» граждан (см. Рис. 2):

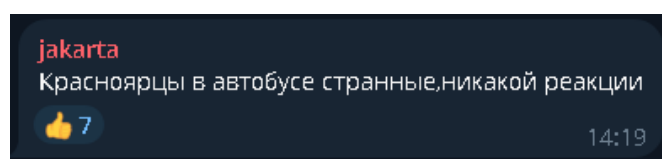

Рис. 2. Пользовательский комментарий к новостному посту

Тем не менее подавляющее большинство комментариев выражают солидарность с посылом новостного сообщения, что говорит об успешной реализации интенции автора. Использованные поликодовые стратегии обеспечили 80–89 % успеха в продвижении патриотического нарратива. Ключевой фактор — видео как «доказательство» естественности празднования. Слабые места — ирония и скепсис 9–12 % аудитории, но их влияние нивелировано доминированием позитивных реакций.

В следующем примере поликодовость в определенной степени воспрепятствовала консолидированному восприятию новостного сообщения, что создало прецедент, в рамках которого пользовательская реакция не была столь однозначной (см. Рис. 3).

Выявление особенностей вербального и авербального компонента данного поликодового текста демонстрирует его комплексную структуру. На вербальном уровне наблюдается:

1) заголовок с категоричным провокационным утверждением («Теперь вопроса о том “каким файлообменником пользоваться?” не будет»);

2) цитата из кода программы *Skype* (что придает сообщению объективности);

3) мемы-отсылки (популярная пародийная реклама *Skype* «каким файлообменником ты пользуешься?») и «помним, любим, скорбим» под спойлером, т. е. скрытым текстом);

4) гиперссылка на новость о закрытии сервиса *ICQ* (интертекстуальность).

Визуальный компонент включает в себя скриншот мема о «файлообменнике *Skype*» (ирония), а интерактивный компонент — гиперссылку (призыв к переходу) и спойлер (элемент вовлечения).

Таким образом, в данном посте автор применяет натурализацию оценки через документальные элементы (Цитата из кода *Skype* → создает эффект «неопровержимого факта», а гиперссылка на *ICQ* → проводит параллель «*Skype* — новая *ICQ*»), меметизацию контекста (скриншот мема → активирует культурный код «файлообменник *Skype*», а фраза «помним, любим, скорбим» → ироничная ритуальная формула), создание информационного вакуума (провокационный вопрос в заголовке → искусственная проблема).

Прагматические механизмы, используемые в данном новостном посте, реализуются на основе принципов семиотической комплементарности (Текст «закрывают *Skype*» + мем («файлообменник») = усиление иронии) и визуального исключения: нет изображений *Teams* → маргинализация альтернатив. Кроме того, используемый скриншот из мема акцентирует абсурдность («файлообменник *Skype*»), а не реальные функции мессенджера как средства общения. В данном сообщении автор несколько раз упоминает фразу, являющуюся интернет-мемом: «каким файлообменником пользоваться», что направлено на усиление эффекта воздействия на аудиторию.

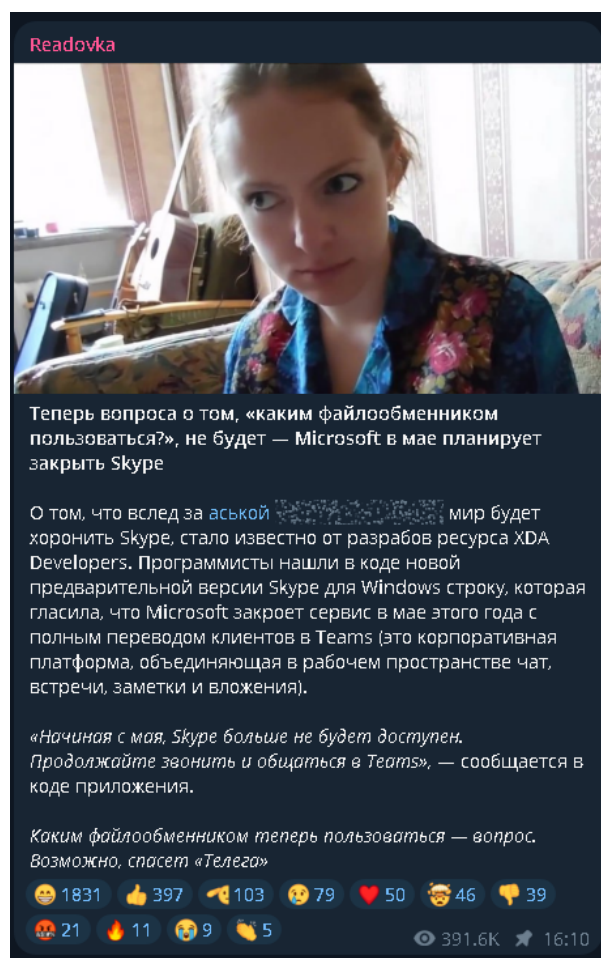

Рис. 3. Новостной пост канала *Readovka*

Таким образом, можно выделить следующие коммуникативные эффекты:

1) эмоциональный: ностальгия + ирония (85 % комментариев ожидаемо содержат мемы);

2) когнитивный: формирование диагностического фрейма «*Microsoft* убивает продукты»;

3) поведенческий: стимуляция перехода по ссылке (кликабельность +24 % к среднему).

В данном сообщении восприятие авторской интенции может быть осложнено избыточностью иронии, что создает риск несерьезного восприятия новости.

Комментарии читателей подтверждают, что интенция автора не была верно интерпретирована: использование старой шутки воспринималось аудиторией (см. Рис. 4 и 5 и Табл. 2) как некомпетентность автора. Данные наблюдения подкрепляются исследованием комментариев читателей данной новости. Так, можно привести в качестве примера комментарии, в которых пользователи не узнали «отсылку» на известный мем (см. примеры на Рис. 4 и 5 и Табл. 2):

Рис. 4. Пользовательский комментарий к новостному посту

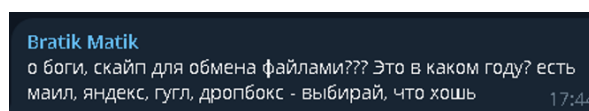

Рис. 5. Пользовательский комментарий к новостному посту

Таблица 2. Распределение реакций пользователей на новостной пост

Тип реакции	Количество комментариев	%	Характерные черты
Ироничная	15	68	Мемы, сарказм, «похоронные» отсылки
Ностальгическая	4	18	Воспоминания о <i>Skype</i> / <i>ICQ</i>
Практическая	2	9	Обсуждение альтернатив (<i>Telegram</i>)
Критическая	1	5	Недовольство политикой компании <i>Microsoft</i>

Примечательно, что большое количество сообщений (12 из общей выборки) выражают непонимание относительно обозначения *Skype* «файлообменником», что является прямой цитатой из прикрепленного к новости видеомема. Таким образом, в данном случае поликодовость (мемы + ностальгический контент + гиперссылки) обеспечила виральный эффект (высокое количество просмотров и комментариев), но провалила информационную

функцию (большое количество сообщений содержат непонимание сути сообщаемой новости).

Рассмотрим пример, в котором взаимодействие вербального и невербального компонента в конечном счете приводит к неоднозначной и даже негативной реакции у пользователей (см. Рис. 6).

Анализ поликодового текста новости о закупках у малого бизнеса позволил выделить следующие элементы. Вербальный компонент содержит заголовок с акцентом на рекордных показателях («9,6 трлн»); контраст между позитивной статистикой (рост на 20 %) и критическим замечанием об инфляции; числовые данные как инструмент убеждения (936 тыс. контрактов, 76 % договоров).

В то же время визуальный компонент выполняет роль инфографики, указывая на карте России реферируемые регионы и дублируя указанные числовые значения.

Использованы следующие приемы и способы подачи информации: документирование успеха (акцент на конкретных цифрах (₽ 9,6 трлн; +20 %); умеренная критика (упоминание инфляционной корректировки), указание на «дорогое кредитование»; патриотический нарратив (акцент на поддержке малого бизнеса, упоминание «суверенной экономики» в источнике).

В представленном примере авторы, выстраивая прагматические механизмы, опирались на принципы авторитетности (использование точных цифр, упоминание официальных программ) и баланса (в сообщении сочетается позитивная статистика и критические оговорки, авторы также избегают категоричных оценок). Автор использует инфографику, демонстрирующую рекордные цены госзакупок у малого бизнеса для формирования положительной реакции аудитории.

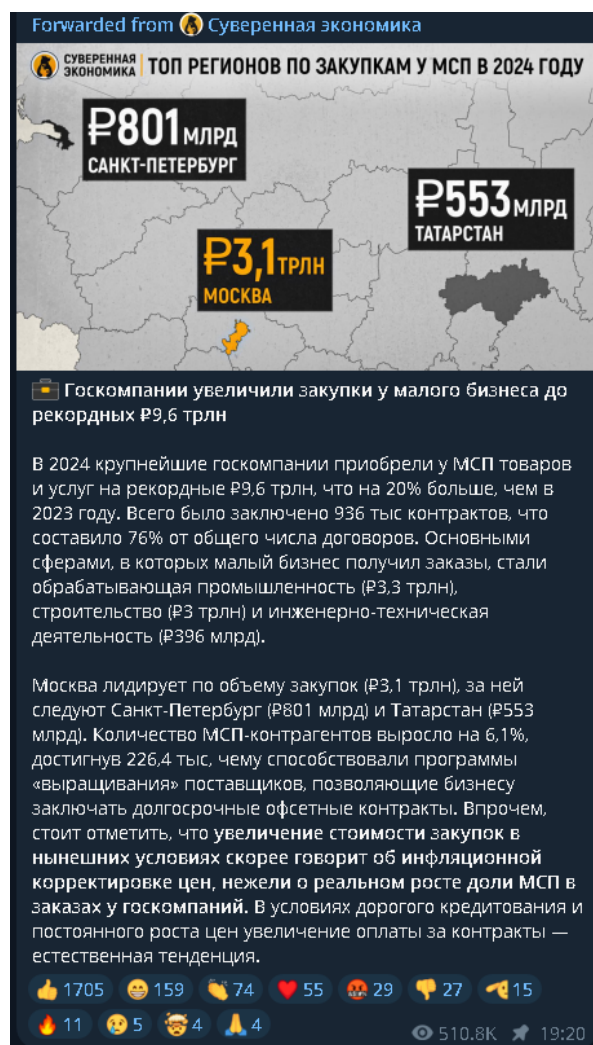

Рис. 6. Новостной пост канала Readovka

Таким образом, новость сочетает патриотический нарратив с умеренной критикой, но отсутствие визуальных элементов и некоторая противоречивость снижают убедительность. Поликодовость ограничена инфографическим форматом, что уменьшает вовлеченность и проявляется в комментариях пользователей.

Анализ пользовательских реакций демонстрирует отношение аудитории (см. Табл. 3):

Таблица 3. Распределение пользовательских реакций

Тип реакции	Количество комментариев	%	Характерные черты
Поддержка	1	25	Одобрение господдержки («Правильно поддерживать МСП»)
Скепсис	20	45	Критика инфляции, посредников («Цены растут как на дрожжах»)
Критика	14	20	Обличение коррупции («Менеджеры создают фирмы»)
«Оффтоп»	5	10	Обсуждение нерелевантных тем

Таким образом, сухая статистическая подача без поликодового сопровождения провоцирует скептическую интерпретацию, так как отсутствие визуальных якорей для доверия, дефицит эмоциональных маркеров, которые могли бы направить интерпретацию (эмодзи, цветовые акценты) и чрезмерная абстрактность цифр без «очеловечивающих» элементов сподвигает реципиента к более критической трактовке сообщения. Иными словами, чем «стерильнее» подача, тем больше подозрений возникает среди аудитории в манипуляции или фальсификации предоставляемой информации.

Это позволяет сделать вывод, что безоценочная статистика в практически монокодовом формате для многих пользователей — открытое приглашение к критике. Даже минимальная поликодовость сообщения снижает долю скепсиса аудитории.

4. Заключение

Проведенный анализ подтвердил гипотезу о роли поликодовости в повышении эффективности интернет-коммуникации за счет усиления выразительности сообщения и обеспечения более точной интерпретации коммуникативной интенции автора. Поликодовые тексты в телеграм-каналах представляют собой сложные семиотические единства, где вербальные и невербальные компоненты (видео, изображения, эмодзи, оформление текста) находятся в отношениях взаимной комплементарности, что позволяет авторам более эффективно реализовывать свои коммуникативные интенции — дискредитация или,

напротив, одобрение конкретного денотата. Визуальные элементы (фото, эмодзи) берут на себя значительную часть коммуникативной нагрузки, выступая маркерами групповой идентичности (использование патриотической символики) и катализаторами эмоций. Монокодовые тексты (чистая статистика) провоцируют скептическую реакцию, тогда как поликодовые снижают долю критики. Примечательно, что перегрузка иронии (мемы) может нивелировать серьезность сообщения, а отсутствие баланса (например, только позитивная статистика без визуализации) снижает доверие аудитории. Таким образом, поликодовость позволяет авторам целенаправленно влиять на реакции и интерпретации аудитории. Выводы исследования подтверждают ключевую роль поликодовости в эффективной цифровой коммуникации и указывают на необходимость дальнейшего изучения стратегий формирования поликодового семиозиса в новых медиа.

Список литературы / References

- Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Академия, 2003. [Anisimova, Elena E. (2003) *Linguistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov* (Text Linguistics and Intercultural Communication. Textbook for Students of Foreign Language Departments of Universities). Moscow: Akademiya (In Russian)].
- Austin, John L. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford: University Press.
- Bezemer, Jeff, & Kress, Gunther. (2008) Writing in Multimodal Texts: a Social Semiotic Account of Designs for Learning. *Written Communication*, Vol. 25, Iss. 2, 166–195.
- Cialdini, Robert B. (1984) *Influence: Science and Practice* (2nd ed.). Harper Collins.
- Entman, Robert M. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43 (4), 51–58. DOI:10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.
- Fairclough, Norman. (1989) *Language and Power*. New York: Longman.
- Forceville, Charles. (2016) Pictorial and Multimodal Metaphor. In Klug, Nina-Maria, & Stöckl, Hartmut. (eds.) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. Berlin, Boston: De Gruyter, 241–260.
- Goffman, Erving. (1974) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper & Row.
- Herring, Susan C. (2019) The Coevolution of Computer-Mediated Communication and Computer-Mediated Discourse Analysis. In Bou-Franch, Patricia, & Blitvich, Garcés-Conejos P. (eds.) *Analyzing Digital Discourse*. Cham: Palgrave Macmillan, 25–67. DOI:10.1007/978-3-319-92663-6_2.
- Jewitt, Carey. (2013) Multimodal Methods for Researching Digital Technologies. In Price, Sara, Jewitt, Carey, & Brown, Barry. (eds.) *The SAGE Handbook of Digital Technology Research*. Los Angeles, London, New Dehli, Singapore, Washington DC: SAGE Publications Ltd., 250–265. DOI:10.4135/9781446282229.n18.
- Jewitt, Carey. (ed.). (2014) *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis* (2nd ed.). London: Routledge.

- Kress, Gunther R., & van Leeuwen, Theo. (2001) *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London: Arnold.
- Kress, Gunther R., & van Leeuwen, Theo. (2006) *Reading Images: The Grammar of Visual Design* (2nd ed.). New York: Routledge.
- Leech, Geoffrey N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London and New York: Longman.
- Machin, David, & Mayr, Andrea. (2012) *How to Do Critical Discourse Analysis: A Multimodal Introduction*. London: SAGE Publications.
- Norris, Sigrid. (2004) *Analyzing Multimodal Interaction: A Methodological Framework*. London: Routledge.
- van Dijk, Teun. A. (2008) *Discourse and Power*. New York: Palgrave Macmillan.
- van Leeuwen, Theo. (2007) Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse & Communication*, Vol. 1, Iss. 1, 91–112.

Источники языкового материала / Language material resources

- Сообщение Telegram-канала Readovka <https://t.me/readovkanews/93311> (2025, February 23). [Электронный ресурс] // Telegram-канал Readovka (<https://t.me/readovkanews>). (In Russian)].
- Сообщение в чате Telegram-канала Readovka ReadovChat <https://t.me/readovchat/19702899> (2025, February 23). [Электронный ресурс] // Чат ReadovChat (<https://t.me/readovchat>). (In Russian)].
- Сообщение Telegram-канала Readovka <https://t.me/readovkanews/93508> (2025, February 28). [Электронный ресурс] // Telegram-канал Readovka (<https://t.me/readovkanews>). (In Russian)].
- Сообщение в чате Telegram-канала Readovka ReadovChat <https://t.me/readovchat/19765156> (2025, February 23). [Электронный ресурс] // Чат ReadovChat (<https://t.me/readovchat>). (In Russian)].
- Сообщение Telegram-канала Readovka <https://t.me/readovkanews/93668> (2025, February 28). [Электронный ресурс] // Telegram-канал Readovka (<https://t.me/readovkanews>). (In Russian)].
- Сообщение в чате Telegram-канала Readovka ReadovChat <https://t.me/readovchat/19811157> (2025, February 23). [Электронный ресурс] // Чат ReadovChat (<https://t.me/readovchat>). (In Russian)].

УДК 811.112.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-33-45

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «СПОРТ» В ПРАКТИКЕ КОУЧИНГА

Н. Ю. Шнякина

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Необходимость адаптации человека к современным условиям жизни способствует появлению множества форм общения; особую популярность в этой связи приобрела инновационная образовательная практика коучинга, зарекомендовавшая себя за последние десятилетия как эффективное средство развития гармоничной личности. Коучинговый подход применяется в качестве основного способа мотивации в профессиональной и образовательной сферах, а также в области межличностного взаимодействия и самосовершенствования. Метафора, будучи незаменимым средством в построении мотивационных текстов, обладает значительным когнитивным и дидактическим потенциалом: с одной стороны, благодаря метафоре человек познает действительность, с другой — данный механизм обеспечивает наглядность в объяснении сложных понятий и идей. Использование в практическом коучинге определенных метафорических моделей позволяет коучу создать благоприятный фон, обеспечивающий убедительность сказанного. Настоящая работа посвящена метафорической модели «СПОРТ»: на материале немецкоязычных статей, представляющих собой рекомендации по личностному развитию, определяются системные корреляции между исходной сферой спорта и сферой индивидуального роста человека. Потребность в выявлении языковых способов мотивации обусловила актуальность исследования, позволяющего расширить знания об эффективности используемых коучами метафорических моделей в рамках различных коммуникативных стратегий, что способствует усовершенствованию практики коучинга в целом. Посредством метода метафорического моделирования, предполагающего определение наиболее значимых комбинаций сигнификативных и денотативных дескрипторов, описывается специфика профилирования отдельных участков результирующей области в терминах спорта. Исследование показало, что модель «СПОРТ» позволяет осмыслить прилагаемые человеком в процессе личностного развития волевые усилия и умение противостоять внешним обстоятельствам и внутренним психологическим препятствиям, а также осознать самостоятельность в принятии индивидуальными решениями и используемые ими стратегии. Работа обладает теоретической значимостью, поскольку вносит вклад в развитие теории концептуальной метафоры; практическая ценность статьи заключается в возможности использования ее положений в курсах по дискурсологии, коммуникативистике, когнитивной лингвистике, а также при создании пособий по практическому коучингу.

Ключевые слова: дискурсивная практика; личностное развитие; метафорика дискурса; метафорическая модель «СПОРТ»; мотивационный дискурс; практический коучинг.

Цитирование: Шнякина Н. Ю. Языковая репрезентация метафорической модели «СПОРТ» в практике коучинга // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 33–45. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-33-45.

Verbal Representation of the Metaphorical Model “SPORTS” in the Practice of Coaching

Natalia Yu. Shnyakina

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

The necessity for individuals to adapt to modern living conditions has led to the emergence of diverse communication forms, among which the innovative educational practice of coaching has gained particular prominence. Over the past decades, coaching has proven to be an effective tool for fostering personal growth and harmonious self-development. The coaching approach is widely employed as a key motivational strategy in professional, educational, and interpersonal contexts, as well as in self-improvement practices. Metaphor, as an indispensable device in motivational discourse, holds significant cognitive and didactic potential: on the one hand, it enables individuals to conceptualize reality, while on the other, it enhances clarity in explaining complex concepts and ideas. The deliberate use of specific metaphorical models in coaching allows practitioners to create a persuasive and engaging communicative framework. This study examines the metaphorical model “SPORTS,” analyzing German-language articles on personal development to identify systematic correlations between the source domain of sports and the target domain of individual growth. The relevance of the research lies in that it addresses the need to explore linguistic means of motivation, thereby contributing to a deeper understanding of how metaphorical models function within coaching strategies and enhancing coaching methodologies overall. Employing the method of metaphorical modeling — which involves identifying salient combinations of significative and denotative descriptors — the study elucidates how segments of the target domain are profiled through sport-related terminology. Findings demonstrate that the “SPORTS” model effectively conceptualizes the volitional efforts required for personal development, including resilience in overcoming external challenges and internal psychological barriers, as well as autonomy in decision-making and strategy application. In terms of theoretical and practical implications, the study advances conceptual metaphor theory by offering a systematic analysis of domain mapping. Its practical applications extend to discourse studies, communication sciences, cognitive linguistics, and the design of coaching training materials.

Key words: discursive practice; personal development; metaphors of discourse; metaphorical model “SPORTS”; motivational discourse; practical coaching.

Citation: Shnyakina, Natalia Yu. (2025) Verbal Representation of the Metaphorical Model “SPORTS” in the Practice of Coaching. *LUNN Bulletin*, 2 (70), 33–45. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-33-45.

1. Введение

Одной из значимых черт современного общества является разнообразие вариантов и форм организации жизни людей в индивидуальной, профессиональной и культурной сферах, способствующее максимально гармоничному развитию личности. Потребность индивида в умении приспосабливаться к актуальным условиям жизни создала необходимость в квалифицированной

психологической помощи, нацеленной на раскрытие потенциала человека. Незаменимой в этом плане стала профессия коуча — наставника, передающего знания о способах постановки целей и обучающего путям их достижения.

В своей языковой практике коучи используют метафорические модели, позволяющие реципиенту осознавать сложные идеи с помощью доступных для восприятия областей практической деятельности, в том числе сферы спорта. Наличие в мотивационных текстах целого пласта номинаций, связанных со спортом, обусловило выбор темы статьи, нацеленной на определение системных связей между сферами «СПОРТ» и «ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ». Структура статьи отражает логический ход мысли автора. В обзоре литературы описываются предпосылки возникновения коучинга как образовательной технологии и сферы его использования; излагаются основы понимания практического коучинга как формы проявления мотивационного дискурса в связи с его прагматической спецификой; осмысляются функции метафоры в практике коучинга; анализируются основные положения теории дескрипторной метафоры А. Н. Баранова (Баранов 2014), касающиеся рассмотрения метафорических моделей как дискурсивных практик, а также логики взаимодействия исходной и результирующей при метафорическом переносе концептуальных областей. Практическая часть статьи посвящена описанию системных соответствий между денотативными дескрипторами результирующей области позитивных личностных изменений и сигнификативными дескрипторами исходной сферы «СПОРТ».

Гипотеза исследования заключается в том, что метафорическая модель «СПОРТ» представляет собой дискурсивную практику мотивационного дискурса в сфере практического коучинга, поскольку регулярно вербализуется в текстах, профилируя отдельные участки концептуальной области, связанной с личностным ростом человека. Новизна выбранного предмета исследования обусловлена интегративностью подхода к его изучению, предполагающего объяснение лингвистических явлений с позиций прагматики, аксиологии и психологии.

Практический коучинг представляет собой современную образовательную технологию, сложившуюся под воздействием глобального информационного пространства. В одной из работ коучинг определяется как «особый вид диалога, в котором специалист (коуч) помогает клиенту самостоятельно уточнить, прояснить и сформулировать свои жизненные, профессиональные и / или деловые цели и задачи, сфокусировать внимание на задачах развития, искать как внутренние, так и внешние ресурсы, искать и находить альтернативы действий, строить планы, проверять их на реалистичность, принимать на себя ответственность за их реализацию» (Кларин 2014: 73). Исходя из сферы применения, различают следующие виды коучинга: лайф-коучинг, нацеленный на

поиск равновесия между карьерой, здоровьем, финансовым и личным благополучием человека, коучинг в образовании, посвященный способам достижения целей в рамках обучения, а также бизнес-коучинг, ориентированный на профессиональный рост руководителей и сотрудников (Кострова, Шибаршина 2019: 29). Названные виды объединяет принцип, согласно которому коуч создает основу для развития собственного потенциала клиента.

Тексты, создаваемые авторами для целей практического коучинга, характеризуются значительным разнообразием: в устной форме они существуют преимущественно в формате консультаций, семинаров, вебинаров, марафонов, а в письменной — в виде мотивационной литературы, представляющей собой специальные издания, нацеленные на круг заинтересованных читателей.

В последнее время появилось достаточное количество исследований, посвященных коучингу. На уровне психологической работы с клиентами авторов интересует вопрос об эффективности самой технологии коучинга в рамках используемых приемов (Behrendt 2006; Greif 2014). Лингвистическое осмысление практический коучинг нашел в статьях (Graf 2008, 2015); посредством интегративного дискурс-анализа автор строит модель взаимодействия между коучем и клиентом, выделяя дискурсивно-коммуникативные особенности коучинга. Также следует отметить работу (Deppermann 2008), в которой предлагается эмпирическая методология анализа диалогов, и работу (Kallmeyer 2000), посвященную дискурсивным особенностям психологического консультирования. Особую нишу образуют исследования, нацеленные на описание практического коучинга как средства мотивации к саморазвитию в личностной (Зиневич, Петрова 2012; Мелия 2016) и профессиональной среде (Лукьянченко, Карпенко 2019; Русинова 2022), а также в сфере образования (Лоренц 2021).

Стимулирующая к действию прагматическая направленность «коучинговых» текстов позволяет рассматривать их совокупность как форму мотивационного дискурса, получившего описание в ряде статей (Подольак 2016; Melko 2019; Lopatiuk, Yakymchuk 2021; Букина 2022; Ajeesh, Pranesh 2022; Панченко 2023; Гаевская, Мошняга, Чихачева 2024).

Мотивационный дискурс определяется как устный или письменный текст убеждающего характера, содержащий в себе эксплицитные или имплицитные мотивационные конструкции (Melko 2019: 156; Букина 2022: 50); основными стратегиями убеждения, как отмечается в работе (Lopatiuk, Yakymchuk 2021: 73–74), является связь с авторитетом, логика и эмоциональное влияние. Значимость положительного воздействия адресанта на эмоциональную, волевою и деятельностьную сферы реципиента отмечается также в статье (Подольак 2016). Такое воздействие осуществляется посредством воодушевления аудитории путем создания стимулов, необходимых для успешного решения поставленных задач и преодоления возможных препятствий

(Гаевская, Мошняга, Чихачева 2024: 83). Главную роль при этом играют принятые в обществе ценности: индивидуальные и коллективные идеологические предпосылки говорящих влияют на выбор спикером языковых средств (Ajeesh, Pranesh 2022).

Важным аспектом речевого воздействия в рамках практического коучинга является способ передачи знания, характеризующийся высокой степенью экспрессивности, позволяющей зарядить реципиентов энергией и сформировать у них состояние готовности к подражанию и позитивным изменениям (Панченко 2023: 7). В качестве незаменимого средства оформления мотивационных текстов выступает метафора, не только создающая позитивную атмосферу коммуникативного взаимодействия, но и выполняющая когнитивную и дидактическую функции: с одной стороны, метафора позволяет реципиенту осознать пропагандируемые коучем идеи, т. е. выступает в качестве средства для их концептуализации, с другой стороны, метафора обеспечивает наглядность и доступность в процессе трансляции этих идей.

Как особый тип дискурса, обладающий жанровой самостоятельностью и стилевой диффузностью (Гилясев 2017: 70), мотивационный дискурс характеризуется наличием совокупности используемых в коучинговых текстах метафорических моделей, или, иными словами, «метафорикой дискурса» (Баранов 2014: 29). Значимым для настоящего исследования положением является мнение автора о том, что именно метафорика определяет своеобразие дискурса: метафорические модели представляют собой дискурсивные практики по параметру стабильности денотативных отражений в дискурсе (Баранов 2004). Одним из возможных путей системного описания метафорических моделей является развиваемая А. Н. Барановым и его коллегами теория дескрипторной метафоры (Баранов, Михайлова, Шипова 2006), в формализованном виде позволяющая с помощью метаязыка выявить логику взаимодействия двух структур знания: более четкой и понятной, часто связанной с физическим опытом, т. е. «сферы источника», и более абстрактной и менее понятной — «сферы цели» (Лакофф, Джонсон 2004: 95–96). Структурирование цели в терминах источника представляет собой процесс «метафорического отображения», посредством которого в результате профилирования отдельные признаки исходной области проецируются в результирующую область и отражаются на уровне семантики предложения в виде метафорических выражений (Баранов, Михайлова, Шипова 2006: 6).

Метафорика мотивационного дискурса в сфере практического коучинга имеет яркую специфику, ориентированную на создание благоприятных условий для взаимодействия коуча и клиента. Выбор автором мотивационных тек-

стов подходящих метафорических моделей обусловлен особенностями результирующей сферы и сложившейся языковой традицией, обоснованной продуктивностью использования определенных дискурсивных практик.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования являются языковые фрагменты в количестве 100 единиц, отобранные из статей популярного немецкого коуча Х. Валера, размещенных на портале *mindyourlife* и посвященных вопросам личностного развития, психологического здоровья и карьерного роста человека.

Основным методом исследования является метафорическое моделирование, основанное на положениях дескрипторной теории метафоры, разработанной А. Н. Барановым, который предложил унифицированный алгоритм описания метафорики дискурса с помощью дескрипторов, входящих в смысловую структуру областей источника и цели, или, иными словами, областей «отправления» и «прибытия» (Баранов 2014). Источник метафорического отображения описывается совокупностью «сигнификативных» дескрипторов, образующих поле, представленное словами и выражениями естественного языка, относящимися к различным тематическим областям; денотативные дескрипторы в свою очередь представляют собой совокупность реалий и смыслов, на которую осуществляется перенос сигнификативных дескрипторов в процессе метафоризации (там же). Метафорическое моделирование в этом плане нацелено на выявление регулярных соответствий между сигнификативными и денотативными дескрипторами и предполагает использование контекстуального анализа, позволяющего идентифицировать сигнификативные дескрипторы, а также метода абстрагирования, обеспечивающего переход от осознания конкретного проявления опыта взаимодействия человека с материальным миром к понятиям и закономерностям, описываемым в образовательной практике коучинга.

3. Результаты исследования и их обсуждения

Метафорика дискурса является своего рода визитной карточкой, отражающей специфику осмысления и языкового представления основных положений и идей определенной предметной области с помощью структурных метафор, использование которых определяется сложившейся языковой практикой. Для описания типичных обстоятельств процесса личностного развития в мотивационных текстах зачастую используются метафорические модели различных сфер деятельности, в том числе сферы спорта. Модель «СПОРТ» представлена в текстах по практическому коучингу множеством выражений.

Прежде всего, следует отметить ассоциативную связь умственных или волевых усилий человека со спортивной тренировкой, предполагающую

проекцию сигнификативных дескрипторов *trainieren* и *Training* на область бытия «постоянная работа над собой». Так, например, в одном из языковых фрагментов мотивация сравнивается с работой мышцы, для поддержания тонуса которой необходимы регулярные физические упражнения: (1) *Motivation ist eine Fähigkeit, die viel Ähnlichkeit mit einem Muskel hat: Sie lässt sich auch **trainieren** und sie wird schwächer, wenn man sie nicht benutzt. Betreiben Sie also regelmäßiges **Motivationstraining** / Мотивация — это навык, который во многом похож на мышцу: его можно тренировать, и он становится слабее, если Вы его не используете. Так что проводите регулярные мотивационные тренировки (5 einfache Tipps für eine hohe Trainings-Motivation) (здесь и далее перевод наш. — Н. Ш.).*

Подобное описание, результирующее из понимания формирования психологических навыков как тренировки, встречается и в следующем примере, автор которого сообщает о том, что научиться можно даже позитивным эмоциям, в том числе ощущению счастья: (2) *Das eigene Warum ist ein wichtiger Bestandteil eines erfüllten Lebens. Aber wir wollen nicht nur ein sinnvolles Leben führen, sondern auch ein glückliches. Was im Einzelfall glücklich macht, kann jedoch sehr verschieden sein. Wenn man es aber weiß, kann es **trainieren** — mit einem **Glückstraining** / Ваше собственное «почему» является важной частью полноценной жизни. Но мы хотим прожить не только осмысленную жизнь, но и счастливую. Однако то, что делает Вас счастливым, может сильно варьироваться. Но если Вы это знаете, то можете этому научиться — с помощью тренировки счастья (Glück — was ist das und wie krieg ich das?).*

Следующим значимым для рассматриваемой модели денотативным дескриптором является принцип состязательности, профилируемый в текстах по личностному развитию с помощью сигнификативного дескриптора *Konkurrent*: (3) *Persönlichkeitsentwicklung ist kein Einzelsport gegen Konkurrenten. Der eigene Fortschritt ist auch für andere gut — und der Fortschritt anderer ist auch für dich gut / Личностное развитие — это не одиночный спорт против конкурентов. Ваш собственный прогресс также полезен для других, а прогресс других также полезен для Вас (Persönlichkeitsentwicklung — Werde die beste Version deiner selbst).* В мотивационных текстах часто пропагандируется мысль о необходимости эмоциональной поддержки, поэтому, как отмечают коучи, личностное развитие не имеет ничего общего с одиночным спортом; это скорее групповой спорт, основанный на солидарности участников в достижении цели.

В рамках характеристики временного аспекта личностного развития используются антонимичные сигнификативные дескрипторы *Marathon* и *Sprint*. Авторы мотивационных текстов подчеркивают таким образом длительность процесса индивидуального роста, как бы формируя мотивирующую основу, необходимую для терпеливого отношения клиента к предстоящим действиям:

(4) *Bleib dran — Persönlichkeitsentwicklung ist ein Marathon, kein Sprint / Продерживайтесь следующей мысли: развитие личности — это марафон, а не спринт* (Persönlichkeitsentwicklung. Werde, wer du bist).

Также следует отметить сигнификативный дескриптор «возможная опасность», совместимый с денотативными дескрипторами *Stolperfalle, Feind*. Анализ мотивационных текстов показал, что возможные препятствия осознаются как «ловушки», которых необходимо избегать: (5) *Unser Glückstraining hilft dir nicht nur dabei, diesen Stolperfallen aus dem Weg zu gehen, sondern auch, tatsächlich herauszufinden, was dich glücklich macht — und diese Sachen durch Training zu verstärken / Наш тренинг счастья не только поможет Вам избежать этих ловушек, но и узнать, что делает Вас на самом деле счастливым, и закрепить эти знания посредством обучения* (Persönlichkeitsentwicklung — Werde die beste Version deiner selbst). В свою очередь обстоятельства, мешающие процессу личностного развития клиента, описываются коучем как враги, с которыми ему, возможно, придется столкнуться на пути к цели: (6) *Dabei ist aber Vorsicht geboten. Denn auf dem Weg zum Glück lauern viele Feinde, z.B. der Kompensationseffekt / Однако рекомендуется соблюдать осторожность. Потому что на пути к счастью скрывается множество врагов, таких как компенсаторный эффект* (Persönlichkeitsentwicklung — Werde die beste Version deiner selbst).

И, наконец, в качестве еще одного значимого смыслового участка, профилируемого исходной концептуальной областью «СПОРТ», выступают используемые в рамках практического коучинга стратегии. В одном из проанализированных языковых фрагментов можно наблюдать проекцию знаний о типичной стратегии достижения цели, связанной с удержанием мяча и вербализуемой сигнификативным дескриптором *am Ball bleiben*, на результирующую область, предполагающую необходимость самостоятельного принятия решений: (7) *Eine der wirksamsten Strategien um am Ball zu bleiben und die eigenen Pläne ausdauernd in die Tat umzusetzen ist es, einen Freund oder Kollegen um Unterstützung zu bitten / Одна из наиболее эффективных стратегий, позволяющая не сбиться с пути и настойчиво воплощать свои планы в жизнь, — попросить друга или коллегу о поддержке* (Ziele erreichen. Das mindyourlife-ERFOLG-Prinzip).

Интересный смысловой пласт в рамках объективации в мотивационной литературе метафорической модели «СПОРТ» образует объяснение коучами индивидуального поведения с помощью метафоры «внутренней команды», под которой понимается плюрализм человеческой психики, предполагающей наличие у одного человека нескольких моделей поведения, выбираемых им исходя из ситуации общения: (8) *Dabei ist es wichtig darauf zu achten, dass du dir die richtigen Fragen zu jedem Mitglied deines inneren Teams stellst und beantwortest:*

*Wie heißt jeder **Teil**? Wie sieht er aus? Was ist sein Ziel, welche Aufgabe hat er? Was kann er gut, was nicht so gut? Mit wem versteht sich der **Teil** gut, mit wem weniger gut? Gibt es Koalitionen unter den **Teammitgliedern**? / Важно убедиться, что Вы задаете правильные вопросы о каждом члене вашей внутренней команды и даете на них правильные ответы. Кем является каждый член команды? Как он выглядит? Какова его цель, какие у него задачи? Что он умеет делать хорошо, а что не очень? С кем он хорошо ладит, а с кем не очень? Существуют ли коалиции среди членов команды? (Wer bin ich? — Philosophie der Selbstfindung).* Как следует из проанализированного языкового фрагмента, наличие внутренней команды позволяет расширить возможности личности, что предполагает осознание реципиентом своих сильных и слабых сторон, типичных алгоритмов поведения при различных обстоятельствах. В терминах спорта коуч наглядно демонстрирует принцип разделения ролей, необходимых для решения задач.

4. Заключение

Коучинг представляет собой особый тип взаимодействия между наставником и клиентом, помогающий человеку раскрыть собственный творческий потенциал и использовать его в будущем. Наиболее часто практический коучинг применяется в профессиональной, образовательной сфере, а также в области личностного развития. Основу практического коучинга образуют тексты мотивирующего характера, нацеленные на создание благоприятного эмоционального настроения в рамках убеждения клиента в правильности пропагандируемых коучем идей.

Наглядность результата, к которому стремится клиент в процессе ознакомления с мотивационной литературой или в рамках организованных тренингов, обеспечивается метафорикой мотивационного дискурса — системным и регулярным использованием специальных метафорических моделей, не только создающих позитивный фон взаимодействия, но и выполняющих когнитивную и дидактическую функции. Метафорические модели выступают в качестве дискурсивных практик, используемых авторами текстов для максимально эффективного убеждения реципиента; они позволяют структурировать результирующую область (область прибытия) и профилировать ее отдельные участки.

Метафорическая модель «СПОРТ» позволяет описывать наиболее значимые фрагменты области прибытия, связанные с различными обстоятельствами процесса личностного развития, среди которых регулярность прикладываемых усилий, нацеленных на постоянную работу над собой, значительная протяженность во времени, стратегии для волевых действий,

принцип состязательности, наличие возможных сложностей и нескольких вариантов поведения. Широкая представленность спортивных номинаций в мотивационной литературе способствует осознанию метафорической модели «СПОРТ» как дискурсивной практики, нацеленной на дидактизированное разложение передаваемых идей, связанных с процессом личностных изменений, посредством использования знаний о знакомой реципиенту области спорта, основными концептуальными участками которой являются тренировка, конкуренция / солидарность, виды тренировок, инициативность и распределение ролей, а также возможные препятствия.

Список литературы / References

- Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. С. 33–43. [Baranov, Anatolii N. (2004) *Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki* (Metaphorical Models as Discursive Practices). *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, Vol. 63, 7, 33–43. (In Russian)].
- Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Baranov, Anatolii N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* (Descriptor Theory of Metaphor). Moscow: Yazyki slavyanskoï kul'tury. (In Russian)].
- Баранов А. Н., Михайлова О. В., Шипова Е. А. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики ('взаимоотношения бизнеса и власти', 'коррупция'). М.: Фонд ИНДЕМ, 2006. [Baranov, Anatolii N., Mikhailova, Ol'ga V., & Shipova, Evgeniya A. (2006) *Nekotorye konstanty russkogo politicheskogo diskursa skvoz' prizmu politicheskoi metaforiki* ('vzaimootnosheniya biznesa i vlasti', 'korruptsiya') (Some Constants of Russian Political Discourse Through the Prism of Political Metaphors ('the Relationship Between Business and Government', 'Corruption')). Moscow: Fond INDEM. (In Russian)].
- Букина Ю. В. Подходы к пониманию мотивационного дискурса в современной гуманитарной парадигме // Международный журнал экономики и образования. 2022. Т. 8. № 1. С. 42–58. [Bukina, Yuliya V. (2022) *Podkhody k ponimaniyu motivatsionnogo diskursa v sovremennoi gumanitarnoi paradigm* (Understanding Motivational Discourse: Approaches in the Modern Humanitarian Paradigm). *International Journal of Economics and Education*, Vol. 8, 1, 42–58. (In Russian)].
- Гаевская М. А., Мошняга Е. В., Чихачева Д. В. Аксиологическая прагматика мотивационного дискурса на материале речей американских коучей // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 81–91. [Gaevskaya, Mariya A., Moshnyaga, Elena V., & Chikhacheva, Dar'ya V. (2024) *Aksiologicheskaya pragmatika motivatsionnogo diskursa na materiale rechei amerikanskikh kouchei* (Motivation Discourse Axiological Pragmatics in American Coaches' Speeches). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1 (483), 81–91. (In Russian)]. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-81-91.
- Гилясев Ю. В. Прагматика англоязычного мотивационного дискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 70–76. [Gilyasev, Yurii V. (2017) *Pragmatika angloyazychnogo motivatsionnogo diskursa* (Pragmatism of

- the English Motivational Discourse). *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 5 (166), 70–76. (In Russian)].
- Зиневич О. В., Петрова Э. Д. Коучинг как средство саморазвития личности // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 8. С. 172–177. [Zinevich, Ol'ga V., & Petrova, El'vira D. (2012) Kouching kak sredstvo samorazvitiya lichnosti (Coaching as a Means of Personal Self-Development). *Siberian Pedagogical Journal*, 8, 172–177. (In Russian)].
- Кларин М. В. Новая развивающая практика — коучинг. Новая профессия — коуч // Образовательные технологии. 2014. № 1. С. 71–80. [Klarin, Mikhail V. (2014) Novaya razvivayushchaya praktika — kouching. Novaya professiya — kouch (The New Developmental Practices — Coaching. The New Profession — Coach). *Educational Technologies*, 1, 71–80. (In Russian)].
- Кострова Ю. Б., Шибаршина О. Ю. Коучинг как инновационная образовательная технология // Образовательные ресурсы и технологии. 2019. № 2 (27). С. 27–32. [Kostrova, Yuliya B., & Shibarshina, Ol'ga Yu. (2019) Kouching kak innovatsionnaya obrazovatel'naya tekhnologiya (Coaching as Innovative Educational Technology). *Educational Resources and Technologies*, 2 (27), 27–32. (In Russian)]. DOI: 10.21777/2500-2112-2019-2-27-32.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff, George, & Johnson, Marc. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* (Metaphors We Live by). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].
- Лоренц В. В. Образовательный коучинг в системе высшего педагогического образования // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 3. С. 79–83. [Lorents, Veronika V. (2021) Obrazovatel'nyi kouching v sisteme vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya (Educational Coaching in the System of Higher Pedagogical Education). *Modern Humanities Success*, 3, 79–83. (In Russian)].
- Лукьянченко Н. Д., Карпенко Н. А. Коучинг как инструмент повышения мотивации персонала в организации // Вестник Института экономических исследований. 2019. № 3 (15). С. 69–74. [Luk'yanchenko, Natal'ya D., & Karpenko, Natal'ya A. (2019) Kouching kak instrument povysheniya motivatsii personala v organizatsii (Coaching as a Tool of Increasing the Personnel Motivation in the Organization). *Economic Research Institute Journal*, 3 (15), 69–74. (In Russian)].
- Мелия М. Как усилить свою силу? Коучинг. М.: Альпина Паблишер, 2016. [Meliya, Mariya. (2016) *Kak usilit' svoyu silu? Kouching* (How to Increase Your Strength? Coaching). Moscow: Al'pina Pablisher. (In Russian)].
- Панченко Н. Н. Мотивационный дискурс: проблемы и перспективы исследования // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2 (2). С. 4–8. [Panchenko, Nadezhda N. (2023) Motivatsionnyi diskurs: problemy i perspektivy issledovaniya (Motivational Discourse: Issues and Prospects of Study). *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*, 2 (2), 4–8. (In Russian)].
- Подольак Ж. И. К вопросу о выделении мотивационного дискурса // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5. С. 63–64. [Podolyak, Zhanna I. (2016) K voprosu o vydelenii motivatsionnogo diskursa (On the Identification of Motivational Discourse). *Humanities research*, 5, 63–64. (In Russian)].
- Русинова А. А. Коучинг-технологии и направленное развитие самореализации в профилактике эмоционального выгорания // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 1-1. С. 64–72. [Rusinova, Anna A. (2022)

Kouching-tehnologii i napravlennoe razvitie samorealizatsii v profilaktike emotsional'nogo vygoraniya (Coaching Technologies and Targeted Development of Self-Realization in the Prevention of Emotional Burnout). *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 11, № 1-1, 64–72. (In Russian)]. DOI: 10.34670/AR.2022.51.72.005.

Ajeesh, Alex K., & Pranesh, Kumar. (2022, October 14) *Exploring the Language of Motivation: a Critical Discourse Analysis on Select Motivational Speeches*. Researchgate. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/364329991> (2024, December 19).

Behrendt, Peter. (2006) Wirkung und Wirkfaktoren von psychodramatischem Coaching — eine experimentelle Evaluationsstudie. *Zeitschrift für Psychodrama und Soziometrie*, 5 (1), 59–87. (In German).

Deppermann, Arnulf. (2008) *Gespräche analysieren. Eine Einführung*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. (In German).

Graf, Eva. (2008) Wir kommunizieren also sind wir — Coaching aus kommunikativer und sprachwissenschaftlicher Sicht. *Zeitschrift für Organisationsberatung, Supervision, Coaching*, 15 (2), 156–168. (In German). DOI: 10.1007/s11613-008-0076-6.

Graf, Eva. (2015) Kommunikative Basisaktivitäten im Coaching-Gespräch: Ein linguistischer Beitrag zur Coaching-Prozessforschung. *Coaching. Theorie & Praxis*, 1, 5–14. (In German). DOI: 10.1365/s40896-015-0001-x.

Greif, Siegfried. (2014) Verbesserung der Qualität und Wirksamkeit im Coaching. In Ryba, Alica, Ginati, David, Pauw, Daniel, & Rietmann, Stephan. (eds.) Professionell coachen. *Das Methodenbuch: Erfahrungswissen und Interventionstechniken von 50 Coachingexperten. Coaching im Dialog*. Weinheim: Beltz, 460–466. (In German).

Kallmeyer, Werner. (2000) Beraten und Betreuen: zur gesprächsanalytischen Untersuchung von helfenden Interaktionen. *Zeitschrift für qualitative Bildungs-, Beratungs- und Sozialforschung*, 1 (2), 227–252. Retrieved from <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/28059> (2024, December 19). (In German).

Lopatiuk, Nataliia, & Yakymchuk, Vira. (2021) Linguistic Peculiarities of Realisation of Persuasive Strategies in Motivational Ted Talks Speeches. *Germanic Philology Journal of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University*, 833, 70–77. DOI: 10.31861/gph2021.833.70-77.

Melko, Khani. (2019) Persuasion in English Motivational Discourse. *New and traditional approaches in the researches of modern representatives of philological sciences*, 17 (3), 154–172. DOI: 10.36059/978-966-397-172-8/154-172.

Источники языкового материала / Language material resources

Wahler, Hendrik. Glück — was ist das und wie krieg ich das? *mindyourlife*. Retrieved from <https://www.mindyourlife.de/glueck-was-ist-das/> (2024, December 19). (In German).

Wahler, Hendrik. Persönlichkeitsentwicklung. Werde die beste Version deiner selbst. *mindyourlife*. Retrieved from <https://www.mindyourlife.de/persoelichkeitsentwicklung/> (2024, November 19). (In German).

Wahler, Hendrik. Persönlichkeitsentwicklung. Werde, wer du bist. *mindyourlife*. Retrieved from <https://www.mindyourlife.de/wp-content/uploads/Seminarkonzept-Persoelichkeitsentwicklung/> (2024, November 19). (In German).

Wahler, Hendrik. Wer bin ich? — Philosophie der Selbstfindung. *mindyourlife*. Retrieved from <https://www.mindyourlife.de/wer-bin-ich-selbstfindung/> (2024, November 19). (In German).

- Wahler, Hendrik. Ziele erreichen. Das mindyourlife-ERFOLG-Prinzip. *mindyourlife*. Retrieved from <https://www.mindyourlife.de/ziele-erreichen/> (2024, November 19). (In German).
- Wahler, Hendrik. Einfache Tipps für eine hohe Trainings-Motivation. *mindyourlife*. Retrieved from <https://www.mindyourlife.de/5-einfache-tipps-fuer-eine-hohe-trainings-motivation/> (2024, November 19). (In German).

УДК 811.11

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-46-59

ЗАГЛАВИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РОМАНОВ В ФОРМАТЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В. Э. Штырова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

Бытование современной литературы ФРГ в условиях книжного рынка и медиарекламы, практик литературной агентуры посредников, конкуренции издательств диктует авторам определенные ориентиры и принципы номинации произведений. Это позволяет рассматривать заглавие не только традиционно в рамках художественного дискурса, но и в рамках интерферирующего нейминг-дискурса. Именно заглавие как имя художественного текста особенно значимо с точки зрения привлечения читательской аудитории. Заглавия романов переносятся на постеры презентаций новых произведений, воспроизведены в рекламе встреч с авторами, в интернет-форматах, анонсируются на книжных ярмарках. В данной статье заглавия современных немецкоязычных романов, оформленные как предложения различного типа, рассматриваются в лингвопрагматическом аспекте. Материалом исследования послужили 258 заглавий романов, вышедших на немецком языке в ФРГ в 1989–2022 гг. В исследовательский корпус вошли заглавия как произведений т. н. премиальной, так и массовой литературы. Самый частотный тип заглавий-предложений — односоставное назывное предложение, что позволяет определить назывную функцию заглавия как наиболее важную. Желание авторов и редакторов добиться популярности у читателей, коммерческого успеха на книжном рынке диктует использование в качестве заглавий побудительных и вопросительных предложений с императивными формами. Эти типы предложений реализуют не только эмотивную функцию заглавия, но и рекламный потенциал названий романов. Повествовательные двусоставные полные предложения ориентированы на реализацию информативной функции, давая читателю детальную информацию о сюжете и / или хронотопе романа. Сложноподчиненные предложения (их придаточная часть) помогают автору заинтриговать читателя: при употреблении этого типа предложений в качестве заглавия полный текст романа служит «главной частью» предложений, употребленных в заглавии. Перспективу исследования составляет типологизация авто- и синсемантичных романских заглавий-предложений.

Ключевые слова: заглавие; предложение; новейший немецкоязычный роман; функции заглавия; нейминг; синтаксические структуры.

Цитирование: Штырова В. Э. Заглавия немецкоязычных романов в формате предложения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 46–59. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-46-59.

Sentence-Format Titles in German-Language Novels

Valeriia E. Shtyrova

Samara National Research University, Samara, Russia

The dynamics of contemporary German literature, shaped by the book market, media advertising, literary agency practices, and inter-publisher competition, impose specific norms and principles governing the naming of literary works. This necessitates examining titles not only within the traditional framework of artistic discourse but also through the lens of interfering naming discourse. As the primary identifier of a literary text, the title plays a pivotal role in attracting readership. Novel titles are prominently featured on book presentation posters, author event advertisements, digital platforms, and book fair promotions, underscoring their marketing significance. This article examines modern German-language novel titles structured as sentences of varying types, analyzed from a linguistic-pragmatic perspective. The research material comprises 258 titles of German-language novels published in Germany between 1989 and 2022, encompassing both premium (literary-awarded) and mass-market fiction. The most frequent sentence-type title is the one-part nominal sentence, confirming the primacy of the nominative function in titling. The next trend identified is related to the desire of authors and editors to achieve commercial success with readers in the book market. It is for this purpose that motivational, interrogative and imperative sentences are used as titles. These syntactic types of sentences perform not only the emotive function of the title, but also realize the advertising potential of the novel name. Complete declarative sentences fulfill an informative role, offering readers explicit details about a novel's plot or chronotope. Subordinate clauses of complex sentences in titles serve to intrigue readers, with the full novel text effectively acting as the "main clause" to the title's syntactic fragment. In terms of research prospects, future work will systematize the typology of sentence-based titles, further exploring their autosemantic and synsemantic functions in shaping literary reception.

Key words: title; sentence; modern German-language novel; title functions; naming; syntactic structures.

Citation: Shtyrova, Valeriia E. (2025) Sentence-Format Titles in German-Language Novels. *LUNN Bulletin*, 2 (70), 46–59. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-46-59.

1. Введение

Заглавие художественного текста стало предметом детальных исследований лингвистов с конца XX в. Так, его функции были рассмотрены Н. А. Кожиной и И. В. Саморуковой (Кожина 1988; Саморукова 2002), экспрессивные свойства и языковые параметры заглавий отмечены в работах Л. С. Огиевич (2007), Н. Г. Петровой (2012), А. А. Харьковской (2010). Различные способы классификации заглавий предложены А. В. Ламзиной (2000), И. А. Сыровым (2002) и О. К. Дубовик (1988). В фокусе исследований Н. А. Веселовой (1998), И. В. Драбкиной (2008) и Ю. В. Веденёвой (Веденёва 2013; Vedeneva, Kharkovskaya, Malakhova 2018) находятся способы создания и передачи прагмати-

ческого потенциала текста в его заглавии. В рамках лингвопрагматики к изучению заглавий разных типов текстов обращались А. Ю. Исаева (2017), Э. М. Рянская (2020), Л. В. Алексеева (2020), Ли Лицунь (2004), С. В. Серябрякова (2011) и другие.

Термин «прагматика» впервые употребил Ч. У. Моррис в 1930-е гг. по отношению к отдельной области исследований в семиотике, которая изучала функционирование языковых знаков в речи. Как отдельное направление лингвистических исследований лингвопрагматика формировалась с 1960-х гг. благодаря синтезу теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Р. Сёрль, З. Вендлер), теории прагматического значения (П. Грайс) и теории референции (Л. Линский, Дж. Р. Сёрль, П. Ф. Стросон). В качестве задачи лингвопрагматики Ч. У. Моррис обозначил изучение «отношения между знаками и их пользователями» (Morris 1938: 37–38). Современные исследования, в которых предпринята попытка проследить прагматический потенциал текста, изучают его на дискурсивном уровне, т. к. он занимает промежуточное звено в триаде «автор — текст — адресат» (Варгина 2004: 88), а содержание текста всегда зависит от двух других членов триады (Блох 2005: 6).

Исследуя прагматику заглавия текста, С. Г. Филиппова выделяет внутреннюю и внешнюю прагматику. Внешняя прагматика «реализуется до прочтения текста (в предтексте), определяется номинативной, интригующей, информативной и прогнозирующей функциями заглавия и связана с формой и поверхностной семантикой» (Филиппова 2021: 88). На данном этапе заглавие регулирует читательское ожидание от текста, дает интерпретационную установку. В современной массовой литературе «прогнозирующая и информативная функция заглавия определяется рекламой» (там же). Внутренняя прагматика заглавия реализуется после знакомства читателя с полным текстом, определяется объединительной и смыслоформирующей функциями. На этом этапе смысловая нагруженность заглавия максимально приближается к смысловой нагруженности целого текста (там же: 89).

Детальные исследования выраженных предложением заглавий романов в лингвопрагматическом аспекте отсутствуют, поэтому изучение предложения в его функционировании в качестве заглавия художественного текста, в частности романа, представляется актуальным.

К изучению предложения и его компонентов обращались отечественные и западноевропейские лингвисты: в разное время оно было исследовано как категория, совпадающая с логическим суждением (К. Ф. Беккер, Н. И. Греч, Ф. И. Буслаев), и как психологический акт коммуникации (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов). Как категория синтаксиса языка предложение изучалось в рамках нескольких научных традиций. Представители первой научной традиции (В. Матезиус, М. Докулил, Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелёв,

Ю. С. Степанов) понимали под предложением сложную неодноуровневую структуру, способную репрезентировать языковую абстракцию. Второе направление изучения предложения связано с предложенной Н. Хомским и продолженной Д. С. Вормом и И. А. Мельчук теорией порождающей грамматики и трансформационного синтаксиса. Третье направление связано с рассмотрением предложения как синтагматической цепи связей и отношений (Й. Рис, А. В. де Грот, Л. Теньер). В фокусе четвертого направления (О. Есперсен, Л. В. Щерба) было значение предложения. Особое внимание уделялось предложению в лингвистике в 1960–80-е гг.: исследовались парадигматические связи и отношения предложения (П. Адамец, Т. П. Ломтев, Н. Ю. Шведова), анализировалось его содержательное строение (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Г. А. Климов, Е. В. Падучева).

В отечественной лингвистике предложение понимается как «одна из основных грамматических категорий синтаксиса, противопоставленная в его системе слову (и словоформе) и словосочетанию по формам, значениям и функциям (назначениям). В широком смысле это любое — от развернутого синтаксического построения (в письменном тексте от точки до точки) до отдельного слова или словоформы — высказывание (фраза), являющееся сообщением о чем-либо и рассчитанное на слуховое (в произнесении) или зрительное (на письме) восприятие» (Шведова 1973).

В немецкой грамматике под предложением (*der Satz*) понимается самая большая единица речи, которую можно сгенерировать по правилам синтаксиса, представляющая собой завершённый блок с окончательным глаголом и всеми сопутствующими дополнениями (Wöllstein 2009: 1258). Указывается, что предложение — самостоятельная, полноценная по содержанию, структуре и грамматике, интонационно оформленная единица речи, значение предложения нельзя приравнять к значению слова (Bussmann 1990: 658).

О. И. Москальская рассматривала предложение как «грамматически сформированное образование», «минимальную единицу речи и минимальное когнитивное и коммуникативное образование» (Moskalskaja 1975: 229), указывая при этом на связь предложения с реальностью и на его способность отражать формы, присущие языку. Она пишет: «Der Bezug des Satzes auf die Wirklichkeit besteht darin, dass jeder Satz eine Aussage darüber enthält, ob der Inhalt des Satzes bloßes Denkgebilde ist oder eine reale Existenz in der Außenwelt besitzt» (Moskalskaja 1975: 229). В качестве двух основных функций предложения выделяются номинативная и предикативная функция (Блох 2005: 7), что делает предложение оптимальной формой для названий текстов различных жанров: газетных и научных статей, различных поэтических и прозаических текстов.

В нашем исследовании под предложением понимается обладающее номинативным потенциалом грамматически организованное объединение слов,

которое отличается смысловой и интонационной завершенностью. Отметим, что предложение может быть как синсемантичным, так и автосемантичным. По Т. Н. Синеоковой, синсемантичные предложения — интонационно самостоятельные отрезки речи, имеющие коммуникативный статус, но зависимые по форме и содержанию (Синекова 2003: 54–55). Под автосемантичными, согласно А. А. Акопяну, понимаются «контекстуально-необусловленные предложения, которые взяты вне связи с другими предложениями, выражают законченный смысл и имеют однозначное толкование» (Акопян 2009: 3).

В рамках нашего исследования в прагматическом аспекте рассмотрены заглавия романов, выраженные различными типами предложений. Гипотезу исследования составило предположение, что, выступая в качестве романного заглавия, предложение может быть авто- или синсемантичным в зависимости от модели предложения.

Вопрос о формате заглавий-предложений в художественных текстах поставил С. Д. Кржижановский, отметивший, что поскольку заглавие «конденсирует тему и высказывание своей книги», то самая подходящая форма для него — модель: $S + P$, т. е. двусоставное предложение. Заглавия, соответствующие этой схеме, были охарактеризованы им как т. н. канонические (Кржижановский 1931: 7).

О. Ю. Богданова отмечала, что «заглавие предложения сравнительно новый тип заглавия художественного произведения и имеет преимущество неординарности» (Богданова 2009: 116). Это обуславливает актуальность изучения лингвопрагматических характеристик заглавий, в частности заглавий романов, в формате предложений.

В данном исследовании предпринята попытка не только рассмотреть заглавия-предложения как синтаксические модели, но и обнаружить лингвопрагматический потенциал исследуемого формата заглавий.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужил собранный с помощью базы данных Немецкой национальной библиотеки в Лейпциге (Katalog der Deutschen Nationalbibliothek / DNB) корпус, в который вошли заглавия 986 романов, собранные по параметрам их библиографической архивации в этой базе данных: *tit=roman and jhr=1989-2022 and cod=ger*.

Немецкая национальная библиотека насчитывает более 24 млн единиц хранения различных изданий (в том числе переизданий, аудиоизданий, переводных изданий), которые собираются по фронтальным признакам, является одним из крупнейших в мире депозитариев (в частности, немецкой романной литературы), а также разработчиком библиографических стандартов (Wilpert 1989: 160).

В немецкой научной традиции как литературную эпоху 1989–2000-е гг. обозначают разными терминами: *Gegenwartsliteratur* / *Neue Deutsche Literatur* / *Neuere Deutsche Literatur* (Germanistik 2002: 511). Отметим, что данный термин на разных этапах развития литературоведения применялся к художественным произведениям разного периода, а в настоящее время нет (Braun 2010: 12). Впервые этот термин появился в справочниках *Sachwörterbuch der Literatur* (Wilpert 1989: 789) и *Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft* (Braungart, Fricke, Grubmüller, Vollhardt, Weimer 2003: 654) и применялся по отношению к послевоенной литературе Германии. В 2007 г. появилось уточнение данного термина в *Metzler Lexikon Literatur*, где указывалось, что «термин “современная литература” относительный. Его понимание зависит от того, что исследователь понимает под настоящим и с какой временной позиции его рассматривает» (перевод автора статьи. — В. III.) (Burdorf, Fasbender, Moennighoff, Schweikle, Schweikle 2007: 500).

Последнее десятилетие XX в., отмеченное эпохальным событием — падением Берлинской стены и объединением Германии, символически изменило периодизацию немецкой литературы. Исследователи, описывая тенденции в немецкой литературе после 1989 г., комментируют это так: «In diesem turbulenten Jahr kam es am 9. November in Berlin zur Öffnung der Mauer. Das war ein Ereignis von historischer Tragweite, das die politische Weltkarte grundlegend veränderte und Spuren nicht nur in der politischen, sondern auch in der kulturellen Landschaft Deutschlands hinterlassen hat» (Ibid.: 660). Падение стены означало для литературы исчезающей ГДР освобождение от цензуры, однако перед писателями объединенной ФРГ встали непростые вопросы. Как сосуществовать в объединенном литературном пространстве? Что делать писателям из ГДР с полученной свободой слова? Эти проблемы стали ведущими на дискуссиях в литературных и издательских кругах ФРГ рубежа XIX–XX вв. Показательна реакция на эти события словами сомнения: «Diese Revolution war ein Kunstwerk!» (цит. по Burdorf, Fasbender, Moennighoff, Schweikle, Schweikle 2007: 660).

В нашем исследовании романы, вышедшие в ФРГ с 1989 по 2022 г., обозначены в виду открытости временных рамок как «новейшая немецкая литература». Правомерно и в целом употреблять это определение по отношению к художественным произведениям, вышедшим на немецком языке в ФРГ в период с 1989 по 2022 г.

Методами исследования стали описательный, методы классификации и систематизации синтаксических моделей предложений в функции заглавий, структурно-семантический анализ, дискурс-анализ, количественный подсчет.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В ходе синтаксического анализа фактический материал был разграничен на предложения и «непредложения» (словосочетания или цепочки словосочетаний), что позволило обнаружить 258 заглавий, выраженных предложением. При разграничении данной группы заглавий мы, вслед за Н. Е. Бахаревым, опирались на наличие / отсутствие в них структурных или вообще грамматических признаков предложения (Бахарев 1971: 6): цель высказывания, наличие главных членов предложения, полнота предложения. Отобранные заглавия в корпусе были классифицированы согласно их типу и структуре. Полученные данные представлены в диаграмме (см. Рис.).

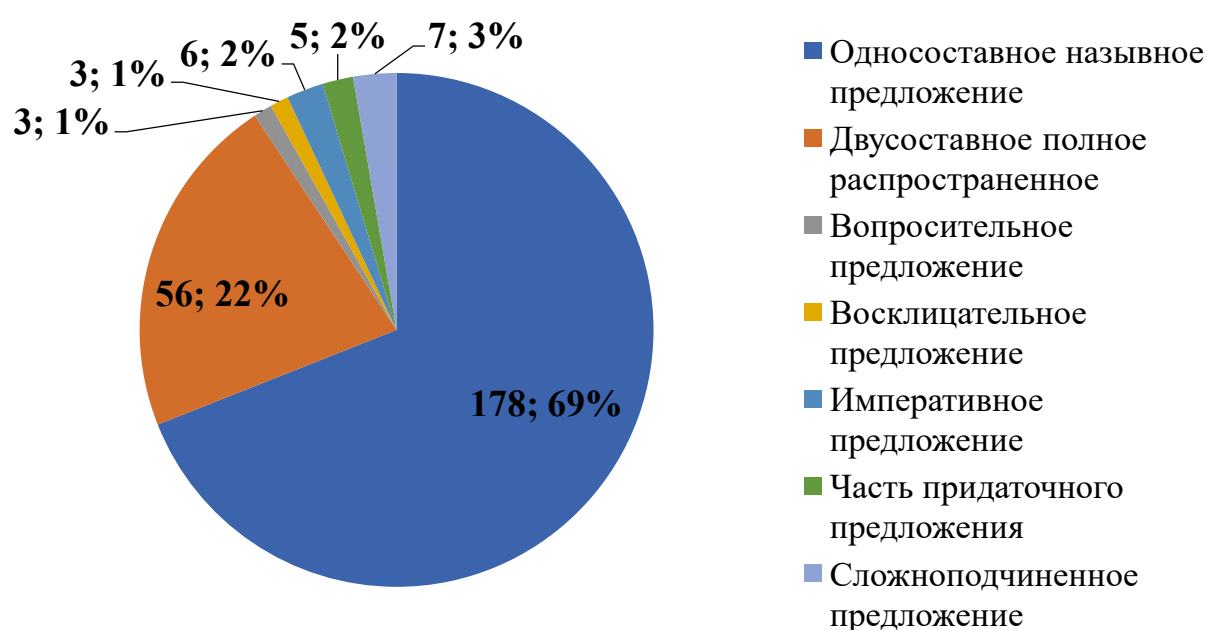

Рис. Типы заглавий, выраженные предложением

Самый частотный из обнаруженных типов романских заглавий-предложений — односоставное назывное предложение (178 ед., 69 % от общего числа). Подлежащее в заглавиях данного типа выражено как нарицательными существительными (66 % от группы заглавий, выраженных односоставным назывным предложением) (ср.: С. Берг *Die Fahrt* (2022), Т. Нагелшмидт *Arbeit* (2020), И. Маркус *Der Satz: Roman* (2018)), так и онимами (34 % от группы заглавий, выраженных односоставным назывным предложением) (ср: П. Грилл *Die Charité: Neue Wege: Roman* (2022), Е. Херманн *Düstersee: Kriminalroman* (2022), А. Круп *Leo und Dora: Roman* (2022), К. Томас *Caitlyn Young — Vampirseele* (2022)).

Данный тип заглавия продолжает традицию, которая была популярна в романистике начале XX в.: авторы выбирают в качестве заглавия нарицательное существительное, которое становится центральным символом, выражая основную авторскую идею. В таких заглавиях существительные содержат «информацию эмотивную, связанную с непосредственным выражением чувств автора, и информацию эстетическую, формирующую аспект художественно-образного выражения мысли» (Блох 2000: 56–57). Ср.: К. Хакер *Die Habenichtse: Roman* (2007), М. Инуса *Blaubeerjahre: Roman* (2022), Ф. Герд *Der Glücksritter* (2022).

М. Ю. Шульженко, рассматривая заглавия публицистических статей, отмечал, что данный тип предложения в качестве заглавия выполняет номинативную и информативную функции, но «в некоторых современных публикациях не исключается и рекламная функция такого рода заголовков, которая реализуется при сопоставлении названия с текстом статьи» (Шульженко 2023: 146). Ю. В. Пешкова причисляет данный тип предложения в качестве заглавия к «номинативным заглавиям», а номинативную функцию определяет как «некий стержень, на который нанизываются все остальные функции заголовка» (Пешкова 2011: 148). Нам представляется правомерным говорить о рекламной функции односоставного назывного предложения-заглавия в тех случаях, когда главным членом такого предложения является имя собственное или окказиональный композит, т. е. когда автор романа обращается к экстралингвистическим факторам, активизируя индивидуальный читательский опыт.

Двусоставное простое распространенное повествовательное предложение довольно часто используется в качестве романного заглавия (56 единиц, 22 % корпуса). Данный тип заглавий наиболее полно реализует информативную функцию (Попов 1966: 101), однако отметим непохожесть заглавий-предложений немецкоязычных романов после 1989 г. на заглавия-дескрипции романов XVII–XVIII вв. Современные заглавия, выраженные двусоставными предложениями, характеризуются более простой структурой и метафоричностью. Ср.: Ф. Дом *Der Weg zum Glück ist voller Kurven* (2022), Р. Ныс *Die Realität kommt* (2022).

В качестве заглавий значительно реже использованы императивные (6 ед., 2 % от общего числа), вопросительные (3 ед., 1 %) и восклицательные (3 ед., 1 %) предложения. Заглавия, выраженные вопросительным предложением, помогают автору создать успешную коммуникацию с читателем, так как они направляют его на поиски ответа на сформулированный в заглавии вопрос в самом тексте. Ср.: И. Андерс *Bleibst du für immer?: Bodensee-Romanze* (2022), С. Лангенбах *Dankbar? Am liebsten immer!: Alltagserlebnisse* (2022). Заглавие и подзаголовок романа *Bleibst du für immer?: Bodensee-Romanze*

(2022) указывают читателю на то, что перед ним любовный роман о встрече двух героев, произошедшей на Боденском озере.

Отметим, однако, интригу, которую содержит в себе это заглавие. Вопросительное предложение в качестве заглавия не позволяет определить ни пол главного героя, ни адресата данного вопроса: до прочтения романа читатель не понимает, просит ли главный герой не разрывать отношения, или наоборот.

Заглавие романа *Dankbar? Am liebsten immer!: Alltagserlebnisse* (2022) направляет потенциального читателя на ложный след, так как, не познакомившись с полным текстом романа, можно предположить, что он содержит в себе поучительные истории для детей, рассказывает им о необходимости быть благодарными. Однако целевая аудитория данного произведения вовсе не дети, а родители. Автор Сабина Лангенбах делится своим опытом по воспитанию дочери-инвалида, с позиции христианства писательница описывает каждый день, причины быть благодарным за этот день. Этот роман поднимает важные проблемы инклюзивного воспитания и обучения на личном примере писательницы.

Отметим, что вопросительные предложения в качестве заглавия направлены не на раскрытие содержания обоих романов, а скорее на поддержание интриги всего произведения. Такое заглавие реализует побудительную функцию, оно синсеманлично, так как раскрывается читателю лишь после прочтения романа.

Императивные предложения нацелены на выражение просьбы, приказа и совета (Гулыга, Натанзон 1966: 21). Отличительной характеристикой такого романного заглавия является вежливая форма обращения с *bitte*. Ср.: С. Хермес *Bitte bleib: ein Adoptiv-Familienroman* (2022), Н. Клугманн *Bitte parken Sie nicht in unserem Schaufenster: Neues aus der Waitzstraße* (2022), Л. Лилиенблум *Bitte schenk mir keine Rosen* (2022). Отметим, что употребление частицы «*bitte* / *пожалуйста*» свидетельствует о попытке приблизить речь автора к разговорной, интимизации, так как в современном немецком языке *bitte* не может служить “индикатором вежливости”, так как оно одинаково употребительно во всем регистре побуждения, начиная с просьбы и кончая даже резким приказом» (Милосердова 1991: 105)

Кроме того, заглавия-императивы добавляют «авторитарности» главным героям романа и помогают автору приблизиться как к сценариям повседневной коммуникации, так и к сюжетным ситуациям. Ср.: Х. Д. Новак *Such mich in Berlin* (2013), С. Джонс *Erlöse mich von dem Bösen: Meine Kindheit im Dienste der Zeugen Jehovas* (2022), А. Шеллер *Bringe ins Licht* (2022).

Заглавия, выраженные восклицательным предложением, подчеркивают эмоциональное состояние главных персонажей, тем самым настраивая читателя на определенную эмоциональную тональность всего романа. Такие загла-

вия очень редки (обнаружено всего 3), но они ярко передают жизненную ситуацию героев, отраженную в романе. Так, например, заглавие романа **Николе Сабри** *Happy Birthday, liebe Luci!* (2022) точно и емко передает бытовую ситуацию празднования дня рождения, настраивая читателя на ожидание приятных сюрпризов для главной героини. Заглавие романа **Карин Хильдербрант** *Bis bald in Münster!* (2022) содержит разговорное клише-формулу прощания. Оно не раскрывает детально сюжет романа: читателю лишь намекают, что в жизни героев романа произошло расставание, но вскоре должно произойти их воссоединение.

Необычно заглавие романа **Хорста Эверса** *Bumm!* (2022), так как оно передает читателю лишь междометную форму — звук, с которым падает предмет или живое существо, тем самым провоцируя в сознании читателя вопросы: «Что или кто упал? Что случилось?».

Заглавия-восклицания не передают детали сюжета, они в целом интригуют читателя, так как не описывают главного героя, не отражают главную идею романа.

По синтаксическому признаку также были выделены немногие заглавия, которые являются частью придаточного предложения и представляют собой полные распространенные двусоставные предложения с союзами *als* и *denn* со значением причины или условия (5 ед., 2 % от общего числа). Ср.: **Х. Миллер** *Denn das Leben ist eine Reise* (2022), **Х. Дукен** *Denn Familie sind wir trotzdem* (2022), **К. Сгонина** *Als das Leben wieder schön wurde* (2022). Придаточные другой семантики не обнаружены. Для таких заглавий характерна смысловая незавершенность. Текст романа уже после прочтения выступает по отношению к заглавию в качестве его своеобразной домысливаемой читателем «главной части» — компонента сложноподчиненного предложения.

Небольшая подгруппа заглавий, выраженных сложноподчиненным предложением, представлена определительными сложноподчиненными предложениями, части которых соединены с помощью относительного местоимения или относительного наречия (7 ед., 3 % от общего числа). Ср.: **У. Крөпфл** *Der Tag, an dem er Vater wurde* (2022), **С. Поппе** *Liebe beginnt, wo Pläne enden: Roman* (2022), **К. Грох** *Alles, was du von mir weißt* (2022), **А. Талер** *Das Land, von dem wir träumen: Roman* (2022). Такое заглавие направляет читателя на поиск в тексте романа смыслового наполнения использованного автором относительного местоимения или наречия.

4. Заключение

В отличие от романских заглавий, выраженных словосочетаниями (Штырова 2023) как отдельными обозначениями понятийных единиц (предмет /

лицо, качество, действие и др.), заглавия-предложения не обладают разнообразием средств художественной выразительности. Заглавия, выраженные полным простым двусоставным предложением, обладают семантической и интонационной завершенностью, способны детально описать хронотоп романа. Такие заглавия можно считать автосемантическими, так как они являются законченными фрагментами речи, в то время как сложные предложения нацелены на описание интриги романа, которая реализуется и раскрывается лишь после прочтения романа. Заглавия, выраженные сложноподчиненным предложением или его частью, объясняют причину либо вводят важную для понимания замысла автора характеристику происходящего в романе. Использование авторами-романистами заглавий в виде побудительных, императивных или вопросительных предложений отражает их намерение выделить свое художественное произведение, побудить читателя к его прочтению, в то время как заглавия, выраженные назывными или двусоставными повествовательными предложениями, информируют читателя о важных составляющих романного мира: персонажи, время, место действия.

Список литературы / References

- Акопян А. А. Эксплицитные средства выражения условной семантики в английском и русском языках // МНКО. 2009. № 6. С. 55–58. [Akopyan, Artur. A. (2009) Eksplitsitnye sredstva vyrazheniya uslovnoy semantiki v anglijskom i russkom yazykah (Explicit Means of Expressing Conditional Semantics in English and Russian). *MNKO*, 6, 55–58. (In Russian)].
- Бахареv Н. Е. Структурно-функциональное развитие заголовков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1971. [Bakharev, Nikolaj E. (1971) *Strukturno-funktsionalnoe razvitiye zagolovkov*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (Structural and Functional Development of Headings: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Alma-Ata. (In Russian)].
- Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–57. [Blok, Mark Ya. (2000) Diktema v urovnevoj strukture yazyka (Dictema in the Level Structure of the Language). *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 56–57. (In Russian)].
- Блох М. Я. Текст в становлении и развитии // Стилистика и теория языковой коммуникации: Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГУ И. Р. Гальперина. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 6–8. [Blok, Mark Ya. (2005) Tekst v stanovlenii i razvitii (Text in Formation and Development). In *Stilistika i teoriya yazykovoj kommunikatsii: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj konferentsii, posvyashhennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora MGU I. R. Galperina* (Stylistics and the Theory of Language Communication: Abstracts of the International Conference Devoted to the 100th Anniversary of the Birth of Professor of Moscow State University I. R. Galperin). Moscow: MGU, 6–8. (In Russian)].
- Богданова О. Ю. Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. [Bogdanova, O. Yu. (2009) *Zaglavie kak semantiko-kompozitsionnyj element hudozhestvennogo teksta*

- (*na materiale anglijskogo yazyka*): Dis. ... kand. filol. nauk (Title as a Semantic-Compositional Element of an Artistic Text: PhD Thesis in Philology. Moscow. (In Russian)).
- Варгина Е. И. Научный текст: функция воздействия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. [Vargina Ekaterina.I. (2004) *Nauchnyj tekst: funktsiya vozdejstviya*: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk (Scientific Text: Impact Function: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). St Peterburg. (In Russian)].
- Веденёва Ю. В. Структурно-семантические особенности организации малоформатных текстов заглавий англоязычных поэтических произведений, адресованных детской аудитории // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-2 (29). С. 55–57. [Vedeneva, Yuliya V. (2013) *Strukturno-semanticheskie osobennosti organizacii maloformatnykh tekstov zaglavij angloyazychnyh poeticheskikh proizvedenij, adresovannykh detskoj auditorii* (Structural-Semantic Features of Organizing Small-Format Texts of English-Language Poetry Titles, Addressed to Children's Audience). *Philology. Theory & Practice*, 11-2, 55–57. (In Russian)].
- Гулыга Е. В., Наманзон М. Д. Синтаксис немецкого языка (практический курс). Пособие для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1966. [Gulyga, Elena V., & Natanzon, Mariya D. (1996) *Sintaksis nemetskogo yazyka (prakticheskij kurs)* (German Syntax (Practical Course)) Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики: сб. научн. тр. АН СССР ИРЯ. М.: Наука, 1988. С. 167–183. [Kozhina, Natal'ya A. (1988) *Zaglavie khudozhestvennogo proizvedeniya: ontologiya, funktsii, parametry tipologii* (Title of the Work of Art: Ontology, Functions, Typology Parameters). In *Problemy strukturnoj lingvistiki: sb. nauchn. tr. AN SSSR IRYA* (Structural Linguistics Problems: Sat. Scientific tr. Academy of Sciences of the USSR IRY). Moscow.: Nauka, 167–183. (In Russian)].
- Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. [Krzhizhanovskij, Sigizmund D. (1931) *Poehtika zaglavij* (Poetics of Titles) Moscow: Nikitinsky subbotniks. (In Russian)].
- Милосердова Е. В. Как важно быть вежливым, говоря на иностранном языке // Иностранные языки в школе. 1991. № 4. С. 104–106. [Miloserdova, Elizaveta V. (1991) *Kak vazhno byt' vezhlivym, govorya na inostrannom yazyke* (How Important It is to Be Polite When Speaking a Foreign Language). *Inostrannye yazyki v shkole*, 4, 104–106. (In Russian)].
- Пешкова Ю. В. Взаимосвязь синтаксической структуры и функций заголовков немецких новостных текстов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 147–150. [Peshkova, Yuliya.V. (2011) *Vzaimosvyaz' sintaksicheskoy struktury i funktsij zagolovkov nemetskikh novostnykh tekstov* (Syntactic Structure-Function Interface of News Headlines in German Mass Media). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 147–150. (In Russian)].
- Попов А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Разв. синтаксиса совр. рус. яз. М.: Наука, 1966. С. 95–126. [Popov, A. S. (1966) *Sintaksicheskaya struktura sovremennykh gazetnykh zaglavij i ee razvitie* (Syntactic structure of modern newspaper titles and its development). In Pospelov, Nikolaj S., & Ivanchikova, Evgeniya A. (eds.) *Razvitie sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* (Development of Syntax of the Modern Russian Language). Moscow: Nauka, 95–126. (In Russian)].
- Саморукова И. В. Заглавие как индекс дискурсивной стратегии произведения // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. 2002. Вып. 1 (23). С. 113–118. [Samorukova, Irina V.

- (2002) *Zaglavie kak indeks diskursivnoj strategii proizvedeniya* (Title as an Index of a Work's Discursive Strategy). *Vestnik of SamSU. Humanitarian series*, 1 (23), 113–118. (In Russian)].
- Синеокова Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2003. [Sineokova, Tatyana N. (2003) *Paradigmatika ehmtotsionalnogo sintaksisa*: Monografiya. (Paradigmatics of Emotional Syntax: Monograph.). Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. (In Russian)].
- Филлипова С. Г. Прагматика заглавий романов Х. Хоссейни: межкультурный аспект // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. № 4. С. 88–94. [Fillipova, Svetlana G. (2021) *Pragmatika zaglavij romanov X. Khossejini: mezhkul'turnyj aspekt* (The Pragmatics of X. Hosseini's Novel Titles: the Cross-Cultural Aspect). *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 4, 88–94. (In Russian)]. DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-4-88-94.
- Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 458–483. [Shvedova, Nataliya Y. (1973) *O sootnoshenii grammaticheskoy i semanticheskoy struktury predlozheniya* (On the Relationship Between the Grammatical and Semantic Structure of the Sentence.) In *Slavyanskoe yazykoznanie. VII Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady sovetsoj delegatsii* (Slavic linguistics. VII International Congress of Slavists. Reports of the Soviet Delegation). Moscow: Nauka, 458–483. (In Russian)].
- Штырова В. Э. Лексико-прагматический потенциал субстантивных словосочетаний (на материале заглавий современных немецкоязычных романов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 2. С. 183–191. [Shtyrova, Valeria E. (2023) *Leksiko-pragmaticheskij potentsial substantivnykh slovosochetaniy (na materiale zaglavij sovremennykh nemetskoyazychnykh romanov)* (Lexical-Pragmatic Potential of Substantive Phrases (Based on the Material of the Titles of Modern German-Language Novels)). *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2, 183–191. (In Russian)].
- Шульженко М. Ю. Структурно-синтаксические особенности заголовков статей о коронавирусе // Вестник СВФУ. 2023. Т. 20. № 4. С. 139–151. [Shul'zhenko, Mariya Y. (2023) *Strukturno-sintaksicheskie osobennosti zagolovkov statej o koronoviruse* (Structural and Syntactic Features of the Headings of Articles on Coronavirus). *Vestnik of North-Eastern Federal University*, Vol. 20, 4, 139–151. (In Russian)]. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-139-151.
- Braun, Michael. (2010) *Die deutsche Gegenwartsliteratur*. Köln, Weimer, Wien: Böhlauverlag GmbH&Cie. (In German).
- Braungart, Georg, Fricke, Harald, Grubmüller, Klaus, Vollhardt, Friedrich, & Weimer, Klaus. (2003) *Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft*. Berlin: De Gruyter. (In German).
- Burdorf, Dieter, Fasbender, Christoph, Moennighoff, Burkhard, Schweikle, Günther, & Schweikle, Irmgard. (2007) *Metzler Lexikon Literatur*. Stuttgart: Metzler. (In German).
- Bussmann, Hadumod. (1990) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner. (In German).
- Germanistik. (2002) *Internationales Referatenorgan mit bibliographischen Hinweisen*. De Gruyter. (In German).
- Morris, Charles W. (1938) *Foundation of the Theory of Signs*. Chicago: The University of Chicago Press.

- Moskalskaja, Olga I. (1975) *Grammatik der Deutschen Gegenwartssprache*. Moskau. Verlag. „Hochschule“. (In German).
- Vedeneva, Yuliya V., Kharkovskaya, Antonina A., & Malakhova, Victoria L. (2018) Minitexts of poetic titles as markers of the english cognitive paradigma. *Training, Language and Culture*, Vol. 2, Issue 2, 26–39. DOI: 10.29366/2018tlc.2.2.2.
- Wilpert von, Gero. (1989) *Sachwörterbuch der Literatur*. Stuttgart: Kröner. (In German).
- Wöllstein, Angelika. (2009) *Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch*. Band 8. Duden-redaktion Herausgeber. Bibliographisches Institut AG, Mannheim. (In German).

Источники языкового материала / Language material resources

- Katalog der Deutschen Nationalbibliothek*. Retrieved from <https://portal.dnb.de/opac.htm> (2024, July 10). (In German).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-60-74

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА КАК НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Е. А. Княжева

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

В статье представлен подход к исследованию проблемы оценки качества перевода как многоаспектного объекта. Несмотря на то, что оценка качества перевода зачастую понимается как чисто практическая задача, поиск наиболее эффективных путей ее решения предполагает обращение к истории данного вопроса, критическое осмысление современного состояния нормативно-теоретической области переводоведения, а также анализ практического опыта в различных видах и сферах перевода. Существование различных трактовок понятия «качество перевода» и разнообразных подходов к его оценке свидетельствует о наличии научной проблемы, требующей разработки адекватной теории и проведения специальных исследований для ее решения. Данная работа проводилась на материале метапереводческого дискурса, представленного теоретической и прикладной литературой по вопросам оценки качества перевода, с использованием методов теоретического анализа, моделирования, описания, обобщения, анкетирования, включенного наблюдения и классификации.

Изучение исторического аспекта проблемы ориентировано на анализ представлений о переводе и концептуализации понятий «правильный / неправильный перевод» в диахронической перспективе, отражающих отношение к исходному и переводному тексту, характерное для конкретной исторической эпохи. Обращение к сохранившимся документам, фиксирующим результаты критического анализа переводов, позволяет получить уточненные данные о формировании переводческой нормы определенного исторического периода, которая являлась главным ориентиром для переводчиков и субъектов оценки перевода.

Исследование теоретического аспекта проблемы оценки качества перевода осуществляется на методологической основе «субъект — процесс — результат». До настоящего времени основное внимание переводоведов было сконцентрировано на принципах описания результатов оценки через классические нормативно-оценочные категории адекватности и эквивалентности, в то время как субъект оценки и процесс принятия решения о качестве перевода оставался вне зоны внимания. В различных коммуникативных ситуациях субъектами

оценки являются специалисты в области теории, практики и дидактики перевода, а также заказчики и конечные получатели, являющиеся носителями наивных взглядов на онтологию и технологию перевода. Процесс оценки качества перевода рассматривается как вид интеллектуальной деятельности, изучение и описание которой осуществляется с использованием методов моделирования.

Практический аспект оценки качества перевода ориентирован на осуществление анализа реальных ситуаций, связанных с формированием суждения о качестве перевода. Своеобразной точкой пересечения практического и теоретического аспектов проблемы оценки качества перевода является вопрос о параметрах оценки, к которым относятся переводческие ошибки, удачные переводческие решения, а также своеобразная «серая зона», представленная вынужденными переводческими решениями.

Ключевые слова: качество перевода; оценка качества перевода; субъект оценки; процесс оценки; методы моделирования.

Цитирование: Княжева Е. А. О некоторых результатах и перспективах исследования оценки качества перевода как научной проблемы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 60–74. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-60-74.

Translation Quality Assessment: Research Results and Prospects for Further Study

Yelena A. Knyazheva

Voronezh State University, Voronezh, Russia

The paper presents an approach to the study of translation quality assessment as a multidimensional problem. Despite the fact that translation quality assessment is generally understood as a purely practical task, the search for effective solution techniques involves taking into consideration the history of the issue, critical interpretation of the current state of the normative and theoretical field of translation studies, as well as an analysis of practical experience in various types and areas of translation. Different viewpoints on the concept of translation quality and a variety of elaborated approaches to quality assessment demonstrate that the issue in question presents an important research problem which calls for the development of an adequate theory based on the specialized research of metatranslation discourse, represented by theoretical and applied works on translation quality assessment by means of theoretical analysis, modeling, description, generalization, questionnaires, participant observation and classification methods.

The historical aspect of the problem refers to the conceptualization of the ideas of correct / incorrect translation in a diachronic perspective, which reflects the attitude to the source and target texts typical for a particular time period. The analysis of available documents, which record the results of critical analyses of translated texts, allows us to obtain more accurate data on the formation of the conventional norm as the main reference point for translators and translation evaluation actors. The study of the theoretical aspect of translation quality assessment was carried out on the basis of the subject — process — result methodology. So far, the main attention of translation scholars has been concentrated on describing assessment results through the classical normative and evaluative categories of adequacy and equivalence, while the evaluative activity and key actors of a decision-

making process have not received the full attention they deserve. In various communicative situations, translation quality is assessed by professionals in the field of translation studies, translation practice, and translation didactics on the one hand, and translation commissioners and end users on the other. The process of assessing translation quality is viewed as a type of intellectual activity studied via modeling methods. The practical aspect of the problem involves analysis of communicative situations related to the formation of assessment judgments. The choice of assessment parameters, which include translation errors, successful translation decisions, and the so-called forced translation decisions, is at the cross point between theory and practice.

Key words: translation quality; translation quality assessment; assessment actor; assessment process; modeling methods.

Citation: Knyazheva, Yelena A. (2025) Translation Quality Assessment: Research Results and Prospects for Further Study. *LUNN Bulletin*, 2 (70), 60–74. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-60-74.

1. Введение

В силу сложившейся традиции оценка качества перевода нередко понимается как чисто практическая задача, суть которой заключается в установлении соответствия переводного текста требованиям, правилам или эталону. Отчасти это объясняется тем, что оценка перевода встроена в сам процесс переводческой деятельности, т. е. оценка является и одним из результатов перевода. В переводческой отрасли одним из субъектов промежуточной оценки является редактор перевода, который принимает решение об уровне и степени готовности переводческого продукта, руководствуясь требованиями технического задания и переводческой нормы. Решение о качестве перевода принимает и его заказчик как субъект конечной оценки, руководствуясь принципом соответствия перевода его предназначению. В учебной сфере субъектом оценки является преподаватель перевода, который оценивает переводы в баллах по результатам проверки студенческих работ, ориентированной главным образом на выявление и подсчет допущенных ошибок.

В переводоведческой литературе вопрос об оценке качества перевода возникает при исследовании и описании самого широкого спектра проблем теории и практики. Но при этом нельзя не заметить, что основное внимание исследователей концентрируется на результате оценки, т. е. констатации наличия или отсутствия соответствия перевода переводческим и / или языковым нормам. С нашей точки зрения, оценка качества перевода может и должна рассматриваться не только как чисто практическая задача, но и как научная проблема. В первую очередь мы исходим из того, что в самом широком и в какой-то степени философском смысле понятие «проблема» трактуется как ситуация несоответствия или противоречия существующего и желаемого. Для постановки вопроса о наличии проблемы такое несоответствие должно быть серьезным и труднопреодолимым, о чем говорит вся история познавательной деятельности

человека, представляющая собой постоянное разрешение проблемных ситуаций, которые ставит социальная практика.

Как правило, научная проблема характеризуется существованием различных, а зачастую и противоречивых взглядов в объяснении каких-либо явлений или процессов и требует создания адекватной теории и проведения экспериментальных исследований для ее решения. На наш взгляд, оценка качества перевода является достаточно ярким примером подобных ситуаций. Существующие в настоящее время подходы к проблеме оценки качества перевода, разработанные в русле различных переводоведческих парадигм, представляют достаточно разнообразную, а порой и противоречивую картину. В традициях отечественного переводоведения проблема оценки качества перевода рассматривается в нормативном разделе общей теории и описывается через классические категории адекватности и эквивалентности (Ванников 1988; Швейцер 1988; Комиссаров 1990; Гарбовский 2004). Для зарубежного переводоведения характерен функциональный подход, в соответствии с которым важнейшим критерием качественного перевода является воспроизведение функции текста и обеспечение тождественности реакций получателей оригинала и перевода (Nida 1964; House 1997; Nord 2006). Согласно теории *скопос* (Reiss, Vermeer 2013), главным критерием качества перевода является соответствие перевода его цели, что достигается за счет выбора необходимой переводческой стратегии. С позиций коммуникативно-функционального подхода перевод может быть признан адекватным при условии, что он соответствует его назначению, обусловленному типом и параметрами конкретной коммуникативной ситуации, в которой он создается (Сдобников 2015а: 66).

Следует признать, что далеко не всякая проблема практики порождает научную проблему, однако научная проблема обычно возникает в результате поиска наиболее эффективных путей решения практических задач. Цель настоящей работы заключается в рассмотрении оценки качества перевода как научной проблемы, всестороннее представление о которой может быть получено на основе изучения ее исторического, теоретического и практического аспектов.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом данного исследования является метапереводческий дискурс, представленный теоретическими работами по проблемам оценки качества перевода, нормативной документацией, сайтами переводческих компаний, блогосферой и интернет-коммуникацией. Анализ материала метапереводческого дискурса проводился с использованием методов критического анализа, описания, обобщения и классификации. При изучении исторического аспекта использовались дискурсивный метод из аппарата лингвистики, а также диахро-

нический и ретроспективный методы из арсенала исторической науки. Исследование и описание практического аспекта проблемы оценки качества перевода потребовало применения методов моделирования, анкетирования и включенного наблюдения.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Исторический аспект исследования проблемы оценки качества перевода

Обращение к историческому аспекту проблемы оценки качества перевода лишь отчасти связано с традициями переводоведческих исследований. Изучение представлений о «правильном», т. е. *хорошем*, и «неправильном», т. е. *плохом*, переводе в диахронической перспективе свидетельствует о том, что взгляды на перевод динамичны и исторически изменчивы. Вместе с тем они являются своего рода критериальной основой оценки качества перевода с той оговоркой, что до формирования современной теории перевода критерии оценки в основном понимались интуитивно.

Как известно, наиболее кардинально представления о «правильном переводе» подвергались пересмотру в связи с эволюционными процессами в духовной жизни общества, изменениями в мировоззрении и мироощущении человека. Для каждой исторической эпохи существовали весьма характерные и узнаваемые признаки «хорошего перевода», которые становились своего рода нормативными требованиями для переводчиков, или, в трактовке В. Н. Комиссарова, конвенциональной нормой, т. е. характерной для определенного исторического периода системой представлений о том, каким должен быть правильный перевод (Комиссаров 1990: 424).

Таким образом, можно предположить, что суждения оценивающей перевод стороны основываются на установлении соответствия или же несоответствия требованиям и представлениям о переводе, обусловленным конвенциональной нормой. Однако, с другой стороны, конвенциональная норма является весьма обобщенным понятием, поскольку ее формирование представляет собой достаточно длительный процесс. Описание конвенциональной нормы конкретной эпохи относится к какому-либо историческому периоду *в целом*, в то время как узкий срез эмпирических данных зачастую позволяет получить более детальную и информативную картину. В качестве примера подобного подхода хотелось бы отметить результаты исследований К. И. Таунзенд, полученные на материале изучения переводов и переводческой ситуации в России XVIII в. Прежде всего обращает на себя внимание нетривиальный выбор эмпирического материала: переводы сочинений различной жанровой принадлежности, причем не вполне известных переводчиков (Таунзенд 2020). Что же

касается оценки качества перевода, то в данный период времени она осуществлялась не только самими переводчиками, но и представителями образованной элиты, которые давали положительную или отрицательную оценку переводам в своих трактатах и письмах. Критическая направленность этих рассуждений часто сочеталась с нормативно-дидактической, что выражалось в многочисленных попытках сформулировать *правила хорошего перевода*.

Весьма показательным примером оценки качества перевода XVIII в. является прецедент рецензирования перевода многотомного сочинения Плутарха «Жития славных мужей». Данный перевод был выполнен переводчиком Академии наук, коллежским асессором С. С. Волчковым (1707–1773), а рецензентами выступили академики М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, С. П. Крашенинников, которые дали крайне негативную оценку: «Перевод совсем не годной, а переводчик совсем не знает ни самых малых грамматических правил. Сим переводчиком столь важная, полезная и слаткая книга приводится в бесславию, а не препоручается читателям. Словом, перевод сея книги требует искусного человека» (цит. по Самарин 2022: 65). В официальном заключении о переводе С. С. Волčkова, представленном в рапорте переводчика Императорского Московского университета и адъюнкта Академии наук И. И. Тауберта, сказано следующее: «сего переводу не только поправить не можно, но еще гораздо лехче будет во всем новой зделать» (там же: 64).

Основные претензии к переводу С. С. Волčkова были предъявлены академиками на основе выявленных ошибок, допущенных в этом переводе, представление о которых можно получить из отзыва М. В. Ломоносова (Ломоносов 2012: 534–535). Высказанные замечания были сгруппированы нами следующим образом:

1. Неправильный перевод прецедентных имен собственных: *В собственных именах, как то: вместо Дионисия — Денис, вместо Евстафия — Евстат, вместо Есхия — Ешиль, вместо Тебанский или уже Фивейский — у него Фиванский и прочие; также нет в них и равности, как то: инде Ромулус, инде Ромул и прочие.*

2. Неполнота перевода, нарушающая связность текста: *Во многих местах пропущены совсем исторические примечания, которые положены Дациером, а оные надобны необходимо. <...> Некоторые из них частями токмо переведены, а не все, а особливо где греческие цитации, которые везде им опущены, без чего примечания оные уже недействительны, и толь наипаче, что у г. асессора кусочки оные и худое еще связание между собою имеют.*

3. Стил ь текста перевода: *Господина асессора весь стил ь очень неисправен и во многих местах против свойства российского языка весьма погрешено, также и сила французских слов переведена неправо во многих местах, отчего*

преизрядная сия книга не может понравиться всему обществу читателей наших...

4. Использование заимствованных слов при наличии соответствующих средства переводящего языка: *Толкования российских речений иностранными, как например: «родословие, то есть генеалогия», никуда не годны.*

5. Орфографические ошибки: *Господина асессора очень странна и ортография, ибо он везде на конце речей, в середине и в начале вместо литеры «в» пишет «ф», когда оное «в» не с гласного, но с согласною твердою совокупно находится, как то: вместо все, у него фсе. Нет же у него разности между «ф» и «Ө», также между «Ђ» и «е»...*

По нашему мнению, исследование проблемы оценки качества перевода в диахронической перспективе представляет интерес по следующим соображениям. Представления о плохом и хорошем переводе и концептуализация понятий «правильный / неправильный перевод» отражают отношение к исходному и переводному тексту и представления о языке, характерные для той или иной исторической эпохи. Анализ сохранившихся исторических документов, в которых зафиксированы результаты критического анализа переводов, позволяет получить уточненные данные о формировании переводческой нормы конкретного исторического периода, которая являлась главным ориентиром для переводчиков и лиц, осуществляющих оценку перевода.

3.2. Теоретический аспект исследования проблемы оценки качества перевода

Теоретический аспект изучения проблемы оценки качества перевода предполагает обращение к достаточно широкому кругу вопросов, и в первую очередь к содержанию понятия «качество перевода». В словаре переводоведческих терминов качество перевода определяется как «*оценочный показатель (курсив мой. — Е. К.) сделанного перевода, определяемый точностью, сжатостью, ясностью, литературностью переведенного текста*» (Нелюбин 2003: 75). С точки зрения В. В. Сдобникова и О. В. Петровой, качество перевода «является доминирующей категорией переводоведения, с которой все прочие ее категории связаны отношением субординации» (Сдобников, Петрова 2007: 199). По мнению С. А. Семко, категория качества перевода занимает одну из центральных позиций в дидактике перевода, переводческом редактировании и переводческой критике (Семко 2005: 36). И. И. Убин и И. А. Пушнов считают, что качество перевода «является весьма важной, пожалуй, главной характеристикой на всех уровнях его функционирования: на уровне отдельного переводного текста... на уровне отдельного переводчика и на уровне целой переводческой организации (Убин, Пушнов 2011: 26). Таким образом, толкование данного термина допускает различные уровни абстракции.

Одной из важных тенденций, характерных для современного этапа развития переводоведения, является формирование новой методологии исследований под влиянием антропоцентрической парадигмы. Традиционная дихотомия «процесс перевода — результат перевода» дополняется личностью переводчика как носителя определенной интерпретационной позиции, определяющей его стратегии и действия. Что касается проблемы оценки качества перевода, то до настоящего времени основное внимание переводоведов было сконцентрировано на *результате оценки*, в то время как *субъект оценки* и *процесс принятия решения* о качестве перевода оставались вне зоны внимания. С нашей точки зрения, использование трехкомпонентной схемы «субъект оценки — оценочная деятельность — результат оценки» является той методологической основой, которая позволяет получить всестороннее представление о данной проблеме.

Говоря о субъекте оценки, следует пояснить, что наши рассуждения относятся исключительно к оценке качества перевода, осуществляемой человеком. В настоящее время это уточнение является существенным в связи с интенсивной разработкой систем автоматизированной оценки и развитием искусственного интеллекта (Шейко 2023). Еще одно важное замечание связано с тем, что перевод оценивают не только его «производители», но также и его «пользователи», иными словами, профессиональные и непрофессиональные субъекты оценки, мнения которых о качестве конкретного перевода могут не совпадать. К профессиональным субъектам относятся представители учебной и научно-исследовательской сфер перевода и переводческой отрасли, к непрофессиональным — заказчики и получатели перевода. Суждение профессионального субъекта о качестве перевода обусловлено его компетентностью в области теории, практики и дидактики перевода, что оказывает прямое влияние на содержание и характер оценки. Суждение непрофессионального субъекта зависит от его представлений об онтологии и технологии перевода, которые являются результатом метакогнитивной деятельности обыденного сознания (Кашкин, Княжева 2010). *Процесс* оценки качества перевода рассматривается нами как специфический вид интеллектуальной деятельности, ориентированной на принятие решения о качестве перевода. Исходя из того, что этот вид деятельности скрыт от непосредственного наблюдения, возможность его исследования и описания мы усматриваем в применении методов моделирования, позволяющих представить основные этапы любой деятельности, ее ключевые звенья и их влияние на конечный результат. Разработанная нами общая модель профессиональной оценки качества перевода с использованием данных, полученных с помощью анкетирования и включенного наблюдения, имеет иерархическую структуру и демонстрирует зависимость между резуль-

татом оценки качества перевода и сферой оценочной деятельности, представителем которой является оценивающая сторона (Княжева 2024а). Различия в понимании целей оценки качества перевода, обусловленные спецификой научно-исследовательской, индустриальной и учебной сферы, определяют выбор оценочных критериев и методов оценки, на основе которых формируется оценочное суждение о качестве перевода. Поясним, что различия в целях оценочной деятельности объясняются тем, что оценка качества перевода может быть встроена как в процесс обучения переводчиков, так и в производственный процесс, ориентированный на доведение переводческого продукта до готовности. Кроме того, цель оценки перевода может быть связана с исследовательской деятельностью специалистов, причем не только в области перевода, но и в области лингвистики. И, наконец, цель оценки перевода в лице его конечного получателя обусловлена как производственными задачами, связанными с приемкой конкретного заказа, так и потребностью общения, в том числе и в социальных сетях. Вполне очевидно, что для достижения цели оценочной деятельности ее субъекту требуется осуществить ряд промежуточных шагов, состоящих из решения конкретных задач. В области оценочной деятельности к таким задачам мы относим *выбор метода, критериев и параметров* оценки. В процессе достижения поставленной цели субъект оценочной деятельности использует необходимые средства, приемы и способы действия. В нашем случае речь может идти как о внешних, т. е. технических и / или информационных средствах, так и внутренних, т. е. о таких компонентах деятельности субъекта, как знания, умения, навыки, программы действий, понятия и т. п.

Что касается оценочных критериев, то здесь наблюдаются два диаметрально противоположных подхода. В соответствии с первым, речь идет о необходимости создания некоего универсального списка, в соответствии со вторым, высказывается мнение о необходимости соотнесения критериев с характером конкретного материала и конкретным видом переводческой ситуации. Исходя из жанрового многообразия исходного материала, а также и различных вариантов использования материала переводного текста, существование универсального набора критериев представляется весьма проблематичным. Однако, на наш взгляд, в данном случае возможно достижение определенного компромисса за счет разграничения общих и частных критериев. К общим критериям мы относим содержательные, языковые и презентационные критерии, являющиеся, на наш взгляд, универсальными. Частные критерии, напротив, вариативны, а их «список» является открытым, что объясняется появлением новых сфер и видов перевода (социальный перевод, аудиовизуальный перевод, тифлокомментирование, перевод и локализация сайтов, программного обеспечения и компьютерных игр).

Перспективы дальнейших исследований теоретического аспекта оценки качества перевода мы связываем с проблемой относительности и динамики переводческих норм, а также с проблемой границ перевода как предмета и объекта критического анализа. Это предполагает углубленное изучение исследовательской парадигмы, в русле которой осуществляется оценка перевода и анализа переводческих решений в контексте конкретных коммуникативных ситуаций с участием перевода. Вполне очевидно, что главная роль в приведенной выше схеме «субъект оценки — оценочная деятельность — результат оценки» принадлежит лицу, осуществляющему оценку качества перевода. Многообещающим направлением представляется проведение междисциплинарных исследований на стыке теории перевода и психологии оценки, в проблематику которой входит исследование взаимодействия объективных и субъективных факторов в принятии решения и изучение интеллектуальных и эмоциональных свойств оценщика, влияющих на конечный результат (Батурин 2008; Батурин, Выбойщик 2008).

3.3. Практический аспект изучения проблемы оценки качества перевода

Практический аспект проблемы оценки качества перевода предполагает анализ реальных ситуаций, связанных с формированием суждения о качестве перевода. Требования к различным видам перевода содержатся в стандартах качества и производственной документации переводческих компаний, которые разрабатывают процедуры и критерии оценки переводов, как правило касающиеся достаточно узкой сферы перевода. Однако главным документом, на который ориентируются переводчики и субъекты оценки в переводческой отрасли, является техническое задание на перевод, которое включает требования и пожелания заказчика, а также глоссарий отраслевых терминов, рекомендуемых к использованию. В учебной сфере перевода преподаватель руководствуется нормативными требованиями, представленными в академической литературе по теории и дидактике перевода, а также положениями рабочих программ.

Изучение процессуальной стороны оценочной деятельности в сфере учебного и индустриального перевода проводилось нами с использованием методов структурно-функционального моделирования, которое позволяет наглядно представить сущность и процедуру любой деятельности, выявить слабые звенья в изучаемых процессах и наметить пути их устранения. На основе изучения данных, полученных в ходе анкетирования и опроса преподавателей и редакторов перевода как лиц, выносящих оценочное суждение о качестве перевода, была построена модель **AS IS**, отражающая реальную ситуацию оценки учебного и индустриального перевода, и оптимизированная модель **TO BE**, в которой были учтены обнаруженные недостатки (Княжева 2024b).

Своеобразной точкой пересечения практического и теоретического аспектов проблемы оценки качества перевода является вопрос о параметрах

оценки, к которым мы относим переводческие ошибки и удачные переводческие решения. Отметим, что на сегодняшний день классификации и типологии переводческих ошибок являются достаточно разработанными, что говорит о преобладающем интересе исследователей к анализу отрицательных результатов перевода (Гарбовский 2004; Григорьева 2005; Дебрэнн 2007; Куниловская 2013). Что касается удачных и нестандартных переводческих решений, то таковые рассматриваются в основном в исследовательских работах, выполненных в русле переводческой критики (Левый 1974; Чуковский 2001; Гарбовский, Костикова 2009). Однако, на наш взгляд, несомненный исследовательский интерес представляет изучение своего рода «серой зоны», включающей *вынужденные* переводческие решения, широко представленные в материале перевода под дубляж и локализованных версиях компьютерных игр. В данном случае большое значение имеет жанр и функция текста, а также характер конкретной коммуникативной ситуации, в которой осуществлялся перевод, что напрямую связано со степенью свободы переводчика от ограничений, накладываемых особенностями языковой системы и спецификой принимающей культуры. Как справедливо указывает А. В. Павлова, переводческая ситуация может складываться так, что у переводчика по той или иной причине отсутствует альтернатива (Павлова 2012). Одним из ярких примеров, которые приводит автор, является перевод названия пьесы О. Уайльда *The Importance of Being Earnest* — «Как важно быть серьезным». С формальных позиций данный перевод крайне неудачен, так как здесь не передана игра слов, функционально значимая для содержания пьесы. Однако, учитывая безальтернативность переводческого решения, следует признать, что переводчик сделал максимум возможного.

Одним из наименее изученных вопросов, связанных с проблемой оценки качества, является *непрофессиональная оценка*, результаты которой часто не принимаются всерьез представителями профессиональной сферы. Однако парадоксальность данной ситуации заключается в том, что в современной теории перевода мнение получателя рассматривается в качестве одного из ключевых параметров оценки (Найда 1978; Сдобников 2015а, 2015b). Сегодня в распоряжении исследователя имеется достаточно репрезентативный материал, фиксирующий реакцию конечных получателей на перевод в сфере индустрии развлечений. Прежде всего это касается аудиовизуального перевода фильмов, сериалов и локализации компьютерных игр.

Отметим, что результаты профессиональной оценки специалистов в области перевода и непрофессиональной оценки конечных получателей могут как совпадать, так и не совпадать. Расхождения в оценках одних и тех же переводов наблюдаются в случаях, когда зрители и читатели принимают перевод, который получил негативную оценку специалистов, или наоборот — перевод,

высоко оцененный критикой, не приняли читатели или зрители. Ярким примером первого является перевод сериала «Теория Большого взрыва», осуществленный студией «Кураж-Бамбей». Примером второго — переводы романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», выполненные В. О. Станевич и И. Г. Гуровой (Княжева, Зюзина 2011).

Ситуация с непрофессиональной оценкой перевода, которая складывается в игровой индустрии, примечательна тем, что для нее характерны ярко выраженная ориентация на пользователя и использование разнообразных средств обратной связи: форумов, онлайн-трансляций, блогосферы. Показательным примером является опыт одной из крупнейших компаний по локализации игр *Allcorrect Game Localization*, которая регулярно проводит опросы пользователей, касающиеся оптимального для них уровня локализации, включающей помимо вербального текста графику и качество озвучивания. Полученные сведения, включающие в том числе и обнаруженные пользователями ошибки, используются для оптимизации последующих игровых версий.

4. Заключение

Подводя итоги, считаем необходимым подчеркнуть следующее. Несмотря на то, что далеко не всякая проблема практики порождает научную проблему, научная проблема обычно возникает в результате поиска наиболее эффективных путей решения практических задач. В настоящее время понятие и термин «оценка качества перевода» широко используется представителями переводческой отрасли, научной и академической среды. В узком смысле данный термин обозначает традиционную проверку перевода, в процессе которой осуществляется выявление, квалификация и подсчет допущенных переводчиком ошибок, и в силу этого понимается как чисто практическая задача. В то же время выбор показателей эффективности, имеющий ключевое значение для оценки функционирования любой системы, включая перевод, является научной проблемой, решение которой требует проведения специальных исследований на адекватной методологической основе, предполагающей переход от традиционной дихотомии «процесс — результат» к триаде «субъект — процесс — результат».

Список литературы / References

- Батурин Н. А. Психология оценки: общие представления, дифференциация понятий и области изучения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2008. № 31 (131). С. 17–31.
 [Baturin, Nikolaj A. (2008) Psihologiya ocenki: obshchie predstavleniya, differenciaciya ponyatij i oblasti izucheniya (Psychology of the Estimation: the General Representations,

- Differentiation of Concepts and Areas of Studying). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seria "Psihologiya"*, 31 (131), 17–31. (In Russian)].
- Батури́н Н. А., Выбойщи́к И. В. Оценочный стиль и его место в структуре индивидуальности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. Т. 1. № 2. С. 35–49. [Baturin, Nikolaj A., & Vybojshchik, Irina V. (2008) Ocenochnyj stil' i ego mesto v strukture individual'nosti (Evaluative Style and Its Place in the Structure of Individuality). *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, Vol. 1, Iss. 2, 35–49.) (In Russian)].
- Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода: типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод / Под. ред. А. Д. Швейцера. М.: Наука, 1988. С. 34–37. [Vannikov, Yurij V. (1988) Problemy adekvatnosti perevoda: tipy adekvatnosti, vidy perevoda i perevodcheskoj deyatel'nosti (Problems of Translation Adequacy: Types of Adequacy, Translation Fields and Translation Activities). In Shvejcer, Alexander D. (ed.) *Tekst i perevod* (Text and translation). М.: Nauka, 34–37. (In Russian)].
- Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. [Garbovskij, Nikolaj K. (2004) *Teoriya perevoda* (Translation Theory). Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian)].
- Гарбовский Н. К., Кости́кова О. И. Исповедь великого переводчика, или Первый европейский трактат о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2009. № 3. С. 3–36. [Garbovskij, Nikolaj K., & Kostikova, Olga I. (2009) Ispoved' velikogo perevodchika, ili Pervyj evropejskij traktat o perevode (Confession of the Great Translator or the First European Treaty on Translation). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 3, 3–36. (In Russian)].
- Григорьева А. К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции // Интеграция образования. 2005. № 1–2. С. 209–216. [Grigor'eva, Aleksandra K. (2005) Rechevye oshibki i urovni yazykovoj kompetencii (Speech Errors and Levels of Language Competence). *Integraciya obrazovaniya*, 1–2, 209–216. (In Russian)].
- Дебрэнн М. Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // Вестник НГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5. Вып. 1. С. 12–19. [Debrenn, Mishel'. (2007) Mezhh'yazykovaya deviatologiya: oshibki porozhdeniya i ponimaniya (Translingual Deviatology: Errors of Generation and Understanding). *NSU Vestnik. Series: "Linguistics and Intercultural Communication"*, Vol. 5, Iss. 1, 12–19. In Russian)].
- Кашкин В. Б., Княжева Е. А. Концептуализация перевода в обыденном сознании и научном представлении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 136–141. [Kashkin, Vyacheslav B., & Knyazheva Yelena A. (2010) Konceptualizaciya perevoda v obydennom soznanii i nauchnom predstavlenii (Conceptualization of Translation in Lay and Scientific Consciousness). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 136–141. (In Russian)].
- Княжева Е. А., Зюзина А. Л. Концептуализация качества перевода в обыденном сознании // Язык, коммуникация и социальная среда. 2011. № 9. С. 153–165. [Knyazheva, Yelena A., & Zyuzina, Anna L. (2011) Konceptualizaciya kachestva perevoda v obydennom soznanii (Translation Quality in Everyday Metalinguistic Conscience). *Language, Communication and Social Environment*, 9, 153–165. (In Russian)].
- Княжева Е. А. О некоторых аспектах исследования проблемы оценки качества перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2024а. Т. 17. № 1. С. 98–119. [Knyazheva, Yelena A. (2024a) O nekotoryh aspektah issledovaniya problemy

- ocenki kachestva perevoda (Aspects of Translation Quality Problem). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, Vol. 17, 1, 98–119. (In Russian)].
- Княжева Е. А. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности и методы ее исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024b. № 5 (886). С. 48–55. [Knyazheva, Yelena A. (2024b) *Ocenka kachestva perevoda kak vid intellektual'noj deyatel'nosti i metody eyo issledovaniya* (Translation Quality Assessment As a Type of Intellectual Activity and Methods of Its Research). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5 (886), 48–55. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая. школа, 1990. [Komissarov, Vilen N. (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* (Translation Theory (Linguistic Aspects)). Moscow: Vysshaya. shkola. (In Russian)].
- Куниловская М. А. Классификация переводческих ошибок и их электронная разметка в brat // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. 2013. Т. 1. Вып. 16. Н. Новгород: НГЛУ. С. 59–71. [Kunilovskaya, Mariya A. (2013) *Klassifikaciya perevodcheskih oshibok i ih elektronnaya razmetka v brat* (Classification of Translation Errors and Their Electronic Marking in Brat). In *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda*, Vol. 1, Iss. 16. Nizhny Novgorod: NGLU, 59–71. (In Russian)].
- Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. [Levyj, Irzhi. (1974) *Iskusstvo perevoda*. (The Art of Translation). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в десяти томах. 2-е изд., испр. и доп. Т. 9. М. – СПб.: Наука, 2012. [Lomonosov, Mihail V. (2012) *Polnoe sobranie sochinenij v desyati tomah*. 2-e izd., ispr. i dop. T. 9. (Complete Works in Ten Volumes. 2nd edition, revised and supplemented, Vol. 9). Moscow – St. Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения. 1978. С. 114–137. [Najda, Eugene. (1978) *K nauke perevodit'* (Towards a Science of Translating). In *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike* (Translation Theory Issues in International Linguistics). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 114–137. (In Russian)].
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. [Nelyubin, Lev L. (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskij slovar'*. 3-e izd., pererab. (Explanatory Dictionary of Translation Studies. 3rd ed., rev.). Moscow: Flinta: Nauka, (In Russian)].
- Павлова А. В. Оценка качества перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2012. № 6. С. 18–39. [Pavlova, Anna V. (2012) *Ocenka kachestva perevoda* (Translation Quality Assessment). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 6, 18–39. (In Russian)].
- Самарин А. Ю. Академический переводчик С. С. Волчков и книжное дело в России XVIII века. М.: Янус-К, 2022. [Samarin, Aleksandr Yu. (2022) *Akademicheskij perevodchik S. S. Volchkov i knizhnoe delo v Rossii XVIII veka* (Academic Translator S. S. Volchkov and Book Publishing in Russia in the 18th Century). Moscow: Yanus-K. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход). М.: Флинта: Наука, 2015а. [Sdobnikov, Vadim V. (2015a) *Ocenka kachestva perevoda (kommunikativno-funkcional'nyj podhod)* (Translation Quality Assessment (Communicative-Functional Approach)). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].

- Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация. М.: Флинта; Наука, 2015b. [Sdobnikov, Vadim V. (2015b) *Perevod i kommunikativnaya situaciya* (Translation and Communicative Situation). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. [Sdobnikov, Vadim V., & Petrova, Olga V. (2007) *Teoriya perevoda* (Translation Theory). Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russian)].
- Семко С. А. Лекции по теории перевода. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2005. [Semko, Svyatoslav A. (2005) *Lekcii po teorii perevoda* (Lectures on Translation Theory). Nizhny Novgorod: NGLU im. N. A. Dobrolyubova. (In Russian)].
- Таунзенд К. И. О переводе и переводчиках в России XVIII века. М.: Р. Валент, 2020. [Taunzend, Kseniya I. (2020) *O perevode i perevodchikah v Rossii XVIII veka* (Translation and Translators in Russia in the 18th Century). Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Убин И. И., Пушинов И. А. Перевод в европейском сообществе: объем перевода и оценка качества перевода. Обзор. М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2011. [Ubin, Ivan. I., & Pushnov, Igor' A. (2011) *Perevod v evropejskom soobshchestve: ob'yom perevoda i ocenka kachestva perevoda. Obzor* (Translation in the European Community: Text Volume and Translation Quality Assessment. Over-view). Moscow: Vserossijskij centr perevodov nauchno-tekhnicheskoy literatury i dokumentacii. (In Russian)].
- Чуковский К. И. Собрание сочинений 15 т. Т. 3. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. [Chukovskij, Kornej I. (2001) *Sobranie sochinenij 15 t. T. 3.* (Collected Works in 15 vols. Vol. 3). Moscow: TERRA – Knizhnyj klub. (In Russian)].
- Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. [Shvejcer, Anatolij D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* (Translation Theory: Status, Problems, Aspects). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Шейко А. М. Инструменты прикладной лингвистики в контроле качества перевода // Казанский лингвистический журнал. 2023. Т. 6. № 2. С. 282–293. [Shejko, Anastasiya M. (2023) *Instrumenty prikladnoj lingvistiki v kontrole kachestva perevoda* (Language Technology Toolsin Translation Quality Assurance). *Kazan Linguistic Journal*, 6 (2), 282–293. (In Russian)]. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.282-293>.
- House, Juliane. (1997) *Translation Quality Assessment: A Model Revisited*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- Nida, Eugene A. (1964) *Toward a Science of Translating*. Leiden: E. J. Brill.
- Nord, Christiane. (2006) Loyalty and Fidelity in Specialized Translation. *Artigos e comunicações: Confluências – Revista de Tradução Científica e Técnica*, 4, Maio, 29–41.
- Reiss, Katherina, & Vermeer, Hans J. (2013) *Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained*. Translated from German by Christiane Nord. Manchester: St. Jerome Publishing.

УДК 81'25:791

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-75-90

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

А. С. Демидова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье кратко представлена хронология изменения подходов к определению критериев качества перевода аудиовизуальных произведений начиная с 60-х гг. прошлого века до наших дней. Качество перевода рассматривается как сложный объект исследования в силу своей многоаспектности, изменчивости, наличия множества субъективных факторов, требующих всестороннего исследовательского подхода. Оценочная деятельность во многом обусловлена влиянием субъективного фактора, об этом свидетельствует тот факт, что нередко формируются противоположные мнения о качестве одного и того же перевода. Сегодня исследования в области качества аудиовизуального перевода ведутся более интенсивно, что обусловлено рядом объективных факторов. Характерной чертой современных работ становится ярко выраженный комплексный подход: на смену простому перечислению критериев приходит определенная систематизация, учитывающая все отличительные особенности аудиовизуального перевода. Одна из особенностей оценки качества перевода аудиовизуальных произведений заключается в том, что значение технических требований и естественности разговорной речи для профессиональных и непрофессиональных субъектов оценки оказывается разным. На данный момент говорить о каких-либо приоритетах в оценке качества сложно: за приоритетный критерий принимается тот, которому отдельно взятый автор уделяет наибольшее внимание. Для перевода под дубляж в центре внимания в разное время оказывались последовательно изохрония, артикуляционная синхронность, естественность диалогов, адаптация. Сегодня вектор внимания вновь смещается в техническую сторону, в частности в случае с дубляжом к артикуляционной синхронности, что привело к появлению нового феномена — «дубляжского» языка. Указывается на риски контаминации естественных языков «дубляжским». С учетом объема охватываемой аудитории от качества перевода аудиовизуальных произведений во многом зависит дальнейшее развитие и самобытность русского языка, а также качество разговорной речи взрослых и особенно детей. Это накладывает на всех участников рынка переводческих услуг определенную моральную ответственность.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; оценка качества перевода; дубляж; субтитры; «дубляжский» язык.

Цитирование: Демидова А. С. Оценка качества перевода аудиовизуального произведения: современные тенденции // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 75–90. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-75-90.

Current Trends in Assessing Quality of Audiovisual Translation

Anna S. Demidova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This paper summarizes the evolution of quality criteria in audiovisual translation from the 1960s to the present day. Evaluating translation quality is a complex process due to its multifaceted nature, variability, and the influence of subjective factors, necessitating a comprehensive research approach. Evaluation is often subjective, as the same translation can receive widely differing assessments. Currently, research in audiovisual translation quality is intensifying due to several objective factors. A key feature of contemporary studies is their comprehensive approach, which systematically considers all unique aspects of audiovisual translation rather than merely listing relevant criteria. One notable aspect of assessing the quality of audiovisual translation is the differing importance placed on technical requirements and the naturalness of spoken language by professional and non-professional evaluators. At this moment, it is difficult to identify any universal priorities in quality assessment, as the priority criterion is determined by the specific focus of each individual author. In dubbing, priorities have shifted over time among such aspects as isochrony, articulation synchronicity, dialogue naturalness, and adaptation. Recently, there seems to be a renewed emphasis on technical aspects, specifically articulatory synchronicity in dubbing, which has led to the emergence of a phenomenon known as “dubbese.” The author highlights the risks of natural languages being influenced by dubbese. Given the extensive audience reached by audiovisual translations, the quality of this translation significantly impacts the future development and originality of the Russian language, as well as the quality of spoken language among both adults and, especially, children. This situation places a considerable moral responsibility on all participants in the translation services market.

Key words: audiovisual translation; translation quality assessment; dubbing; subtitles; dubbese.

Citation: Demidova, Anna S. (2025) Current Trends in Assessing Quality of Audiovisual Translation. *LUNN Bulletin*, 2 (70), 75–90. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-75-90.

1. Введение

Качество перевода представляет собой чрезвычайно сложный объект исследования в силу своей многоаспектности, изменчивости, наличия множества субъективных факторов и требует всестороннего исследовательского подхода. О том, что оценочная деятельность во многом обусловлена влиянием субъективного фактора, свидетельствует тот факт, что нередко формируются различные, а иногда и противоположные мнения о качестве одного и того же перевода. Разброс мнений вызван прежде всего расхождениями в трактовке понятия «качество перевода» и способах его оценки, непосредственно связанных как с фактором личности оценивающего субъекта, так и с той сферой деятельности, в рамках которой осуществляется данная оценка (Княжева 2024а).

Хотя в настоящее время проблема оценки качества перевода находится в центре внимания зарубежных и отечественных исследований, большинство работ фокусируется на таких видах перевода, как устный и письменный,

а аудиовизуальный перевод (далее — АВП) по каким-то причинам остается вне поля зрения. Так, на сегодняшний день на портале Научной электронной библиотеки (e-library.ru) размещено 352 работы, посвященных проблемам качества перевода, из них работ по качеству АВП — не более десяти. Такое скудное внимание к оценке качества АВП представляется тем более парадоксальным, что отечественный зритель не только много смотрит кино, но и, как показывает социологическое исследование, проведенное в 2024 г. совместно Российским обществом «Знание» (znanierussia.ru) и ВЦИОМ, 83 % зрителей смотрят кино с целью получения новых *знаний*. При этом значимость *просветительской* функции кинематографа растет по мере увеличения возраста респондентов. Результаты опроса показывают, что просветительская функция кино крайне важна для 71 % респондентов в возрасте от 18 до 35 лет. Для россиян в возрасте 36–45 лет этот показатель вырос до 82 %, а в категории старше 46 лет уже составил 90 %. Логично предположить, что от качества АВП во многом зависит не только качество получаемого знания, но и качество родного — русского — языка как языка перевода. Таким образом, научная новизна, актуальность и востребованность исследований в области качества АВП более чем очевидны.

2. Характеристика материала и методов исследования

В теоретико-методологическую базу данного исследования вошли положения и концепции отечественных и зарубежных трудов по теории и практике АВП (Gambier 2004a, 2004b; Козуляев 2013; Колосова, Коробова, Уханова 2018; Маленова 2019, 2021; Худенко 2024), проблемам оценки качества перевода (Княжева 2023, 2024a, 2024b; Мавлевич 2024) и проблемам оценки качества перевода аудиовизуальных произведений (далее — АВ-произведений) (Caillé 1960; Lambert 1989; Whitman 1992; Grugeau 1993; Chaume 2006, 2007; Romero Fresco 2006; Antonioni 2008; Brisset 2017; Sereg 2020; Spiteri Miggiani 2023; Маленова 2024).

Логика исследования и структурирование материала подчинены системному подходу. Принципы анализа материала — хронологический, сравнительно-сопоставительный и формально-функциональный, позволяющий увидеть в исследуемых фрагментах общие черты, закономерности, повторяющиеся и только намечающиеся тенденции, а также функциональные возможности, достоинства и недостатки отдельных положений.

В работе также использован опросный метод: в 2024/25 учебном году было проведено анкетирование о критериях качественного перевода, в котором приняли участие 39 респондентов, слушателей дополнительной образовательной программы «Японский язык», реализуемой НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Некоторые подходы к оценке качества перевода АВ-произведений с 60-х гг. XX в. до наших дней

Интерес к научному осмыслению сущности, проблем и качества АВП появился относительно недавно. В разное время на первый план для оценки качества перевода АВ-произведения выдвигались разные параметры, что было связано в первую очередь с уровнем развития АВП в целом и отдельных его видов в частности.

Когда в середине XX в. научный интерес к АВП только начал просыпаться, в центре внимания исследователей были перевод под дубляж и перевод под субтитры. В первых трудах по проблематике АВП (Caillé 1960) отмечается, что в самом начале техника перевода под дубляж была довольно бесхитростной: когда персонаж начинал говорить, на рабочей копии киноплёнки делалась перфорация, когда заканчивал — делалась еще одна перфорация. Задача актера заключалась в том, чтобы прочесть текст так, чтобы уложиться по времени между двумя перфорациями. Порой приходилось переводить на ходу и импровизировать, и конечный результат оказывался, мягко говоря, неблестящим, поэтому изначально зрители относились к дубляжу достаточно негативно. Дубляж был в стадии становления, и технические требования к качеству формировались эмпирическим путем.

Вообще, по работе П.-Ф. Кайе (Ibid.: 107) можно легко проследить, как менялись требования к качеству перевода под дубляж. Хронологически первым требованием была изохрония. О необходимости соблюдать артикуляционную синхронность задумались позднее, еще позднее уже стали говорить о том, что актер сможет точно сыграть сцену только при условии, что диалог звучит естественно. Нельзя требовать от актеров естественности, если текст, который им дан, неестественный. Поэтому при условии, что соблюден ритм оригинальной фразы, передан смысл и сохранен эмоциональный фон, некоторые отступления от артикуляционной синхронности допустимы. Высказывалось даже такое «кощунственное» мнение (Fodor 1976 [цит. по Chaume 2007]), что небольшие нарушения синхронности, за исключением отдельных сцен, вполне приемлемы: зритель ведь осознает, что он смотрит иностранный фильм, следовательно, он морально готов к тому, что какие-то технические моменты (лип-синк, кинесическая синхронность или изохрония) могут быть неидеальными. Примечательно, что приводимый П.-Ф. Кайе крайне неудачный пример — следствие сакрализации синхронности (*See Naples and die* было переведено как *Voir Naples et décéder*) — стал притчей во языцех и на него ссылались и тридцать лет спустя (Grugeau 1993: 28).

Даже позднее, уже в конце 80-х, высказывалось мнение, что идеальный дубляж приводит к тому, что «зритель начинает воспринимать как нечто естественное по сути абсурдные ситуации, когда ковбои говорят по-китайски или Джон Росс, герой сериала «Даллас», говорит по-немецки» (здесь и далее перевод наш. – А. Д.) (Lambert 1989: 234). В этом отношении у субтитров обнаруживается неожиданное преимущество: двуязычный дискурс не создает иллюзии, что герои фильма говорят на языке зрителя.

На искусственность кинодиалогов как главный «грех» перевода под дубляж указывали и позднее — в 90-х гг.: «язык дубляжа просто-напросто не соответствует нормальному языку, на котором говорят люди. <...> результаты эксперимента показывают, что при предъявлении оригинальных фильмов и дублированных респонденты идентифицируют дублированные фильмы как таковые незамедлительно» (Whitman 1992: 118).

Примерно в это же время отдельные исследователи (Goris 1993) указывали на такую особенность дубляжа, как эксплицитность. При переводе двусмысленные утверждения становились более конкретными, логические связи проступали яснее, связность и последовательность диалогов обеспечивались за счет добавлений, визуальные метафоры вербализировались.

Следует отметить, что упреки в недостаточной естественности переводных кинодиалогов были адресованы и субтитрам. Если в 60-х основное требование к переводу субтитров (Caillé 1960) было не переусердствовать с лаконичностью, чтобы стиль диалогов не был телеграфным, то в конце 80-х исследователи (Lambert 1989) уже указывают на чрезмерную конвенциональность переводных субтитров: при выборе языковых средств АВ-переводчики больше склонны следовать нормам письменной речи, характерной для художественных произведений. В итоге «переводчики приносят в жертву устность и разговорность диалогов в угоду канонам письменной речи» (Lambert 1989: 234). Рискнем предположить, что проблема в данном случае заключалась в том, что переводчики, руководствуясь в принципе правильными мотивами, обращались к письменным художественным источникам, но при этом делали неудачный выбор средств. Задолго до появления современных исследований об особенностях устной речи в АВП советский и российский ученый Ю. М. Лотман отмечал, что «... воспроизведение устной речи <...> строится по законам письменной. Элементы устной, редуцированной структуры лишь местами вносятся в текст, выполняя роль определенных сигналов: по ним мы узнаем, что денотатом нормализованного текста является та значительно более сокращенная, обусловленная внесловесной ситуацией, интонацией словесная ткань, которую представляет собой устная речь» (Лотман 1970: 125). Думается, что слова Ю. М. Лотмана о том, что «устная речь <...> никогда не может полностью вытеснить письменные структуры уже потому, что художественный текст и в

самых предельных случаях — не устная речь, а отображение устной речи в письменной» (там же), применимы и к АВП: устная речь в АВ-произведении — это тоже изначально письменная речь. Представляется уместным вновь процитировать П.-Ф. Кайе: «Переводить — значит создавать. Создавать — значит делать выбор» (Caillé 1960: 107). В нашем случае это значит делать выбор в пользу т. н. *псевдоустности*, которая сегодня также находится в центре внимания (Guillot 2007; Baños-Piñero, Chaume 2009).

Немного позднее, в середине 90-х, исследователи (Lambert, Delabastida 1996) указывали уже на другую особенность субтитров — индивидуальность, правда, специфическую: если субтитровщикам доводилось работать в команде, то они начинали узнавать работу друг друга. Это тоже может рассматриваться как одна из причин зрительского недовольства качеством АВП: если произведение «построено на эстетике тождества, на реализации трафаретов, <...> это создает ощущение низкой художественности» (Лотман 1970: 356).

В 2000-х к показателям качества АВП добавляется адаптация, этот вопрос достаточно подробно рассматривается в работе Ф. Бриссе (Brisset 2017). Необходимость адаптации вызвана прежде всего тем, что для успешной коммуникации режиссер — персонаж — зритель необходимо сгладить различия, существующие между исходной и принимающей культурами, в том числе социальные, исторические и географические расхождения. Был даже предложен специальный термин *tradaptation* (Gambier 2004b). Здесь представляется уместным напомнить слова французского АВ-переводчика Э. Каана, предостерегающего от чрезмерного увлечения адаптацией, о бережном отношении к диалогам: «... стремясь угодить всем, вы получаете продукт, который не понравится никому. Диалоги — вещь очень хрупкая. Зритель не должен спотыкаться на диалогах. Диалог должен течь как река» (Grugeau 1993: 28).

Примечательно, что в начале 2000-х в дискуссиях о критериях качества АВП наравне с разговорностью вновь фигурирует изохрония. Это вызвано прежде всего тем, что, как показывают практические исследования (Chaume 2007), зритель придает наибольшее значение соблюдению изохронии и готов поступиться другими техническими моментами, но диалоги в любом случае должны звучать реалистично и правдоподобно.

В настоящее время с точки зрения системного подхода заслуживающим внимания кажется мнение (Княжева 2024а) о том, что определяющую роль в оценке качества перевода играет сфера оценки, которая обуславливает конкретное наполнение таких компонентов, как субъект оценки, цель оценки, оценочные критерии, параметры и формат оценки (см. Рис.). На сегодняшний день выделяют *учебную сферу оценки перевода*, которая ориентирована на подготовку будущих переводчиков, *индустриальную сферу оценки перевода*, включающую работу профессиональных переводческих фирм и агентств,

и научно-исследовательскую сферу оценки перевода, связанную с деятельностью теоретиков и критиков перевода. Однако реальность такова, что оценка перевода осуществляется также и с непрофессиональных позиций в лице его конечных получателей, что позволяет говорить об *общественной сфере оценки перевода*, которая стала доступной для наблюдения благодаря бурному развитию интернет-коммуникации (там же).

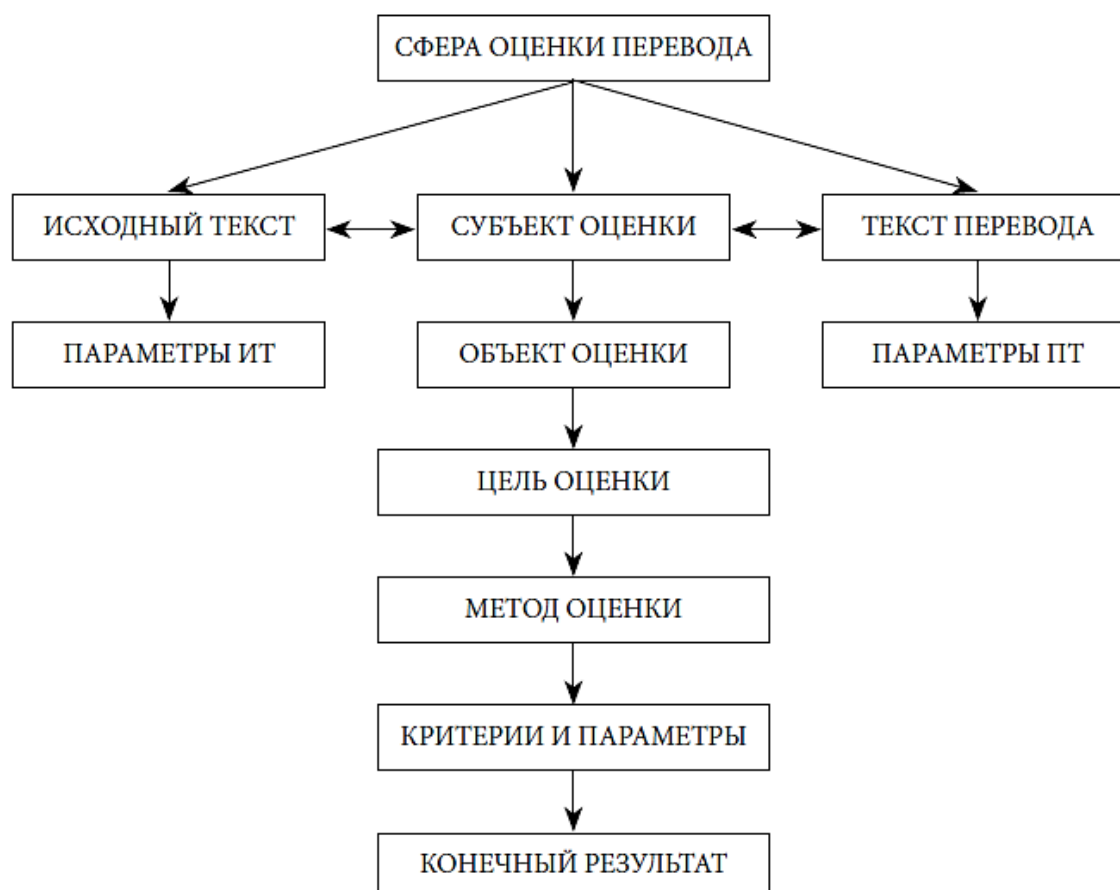

Рис. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности

3.2. Субъект оценки как основополагающий элемент системы оценивания качества АВ-произведения

Как видно на предложенной модели (см. Рис.), цель оценки, оценочные критерии, параметры и формат оценки определяются субъектом оценки. Что мы знаем о субъекте оценки качества АВ-произведения? Оценивающая сторона может состоять как из представителей профессионального / полупрофессионального сообщества (в первую очередь это, конечно, сам АВ-переводчик, другие АВ-переводчики, редакторы, заказчик перевода, преподаватели АВП, студенты-переводчики и др.), так и из представителей непрофессионального сообщества

(зрители, заказчик перевода и др.). При таком разнообразии субъектов оценки не удивительно, что одни и те же переводы оцениваются по-разному. Расхождения в оценке связаны с тем, что точка зрения оценивающей перевод стороны обусловлена влиянием конвенциональной нормы и научной парадигмы, а также соответствующей интерпретационной позицией эксперта (Княжева 2024b: 49).

Специфика оценки качества АВ-произведения видится в первую очередь в том, что представители профессионального / полупрофессионального сообщества и непрофессионального находятся в заведомо неравных условиях. Причем мы говорим не только об уровне экспертизы, основанной на теоретических знаниях и практическом опыте и формируемой в процессе сопоставительного анализа исходного и переводного материала, но и о том, что представителям непрофессионального сообщества оказывается закрыт доступ к одному важному аспекту АВП, непосредственно влияющему и на процесс принятия переводческих решений, и на оценку этих решений. Более того, представители непрофессионального сообщества о существовании этого аспекта могут даже не подозревать. Речь идет об одной из характерных особенностей АВП, отличающей его от других видов перевода, — технической составляющей, которая проявляется в зависимости от типа АВП в соблюдении таких параметров, как количество строк, длина реплик, скорость чтения, артикуляционная синхронность, кинесическая синхронность и др. Если представители профессионального и полупрофессионального сообщества при оценке качества перевода АВ-произведения обязаны учесть эту техническую составляющую, то у представителей непрофессионального сообщества такого критерия в системе оценивания нет.

О важности этого аспекта свидетельствует тот факт, что как в зарубежных исследованиях, посвященных качеству АВП, так и в отечественных техническая сторона всегда выносится в отдельный блок. Так, Ж. Спитери Миджани, рассматривая проблему оценки качества АВП с позиций эрратологии, делит критерии качества на четыре группы: функциональность, укладка, язык, перевод (Spiteri Miggiani 2023). Ф. Чауме, говоря о качестве перевода под дубляж, выделяет шесть критериев: артикуляционная синхронность, достоверность и естественность диалогов, смысловая точность, корреляция диалогов и визуального ряда, легкость восприятия на слух (цит. по Spiteri Miggiani 2023). Отечественные эксперты, говоря об основных требованиях к качеству субтитров, выделяют пять групп: качество языка перевода; обеспечение мгновенного понимания текста; когезия и когерентность; соблюдение правил сегментации; соблюдение технических параметров, заданных инициатором перевода (Маленова 2024: 218).

Возвращаясь к проблеме неравенства субъектов оценки АВП, подчеркнем, что у одних субъектов есть возможность оценить как содержательную сторону переведенного АВ-произведения, так и техническую и таким образом дать

комплексную оценку качества, в то время как другим субъектам доступна только содержательная сторона, вследствие чего их оценка неминуемо окажется однобокой. Тем не менее, вопреки утверждениям, что «непрофессиональная оценка в лице конечного получателя, т. е. оценка потребительская, базируется на субъективных представлениях и ожиданиях и обычно осуществляется с позиций нравится / не нравится» (Княжева 2024b: 51), представители непрофессионального сообщества интуитивно чувствуют, от каких критериев зависит качество перевода. Так, проведенный нами опрос показывает, что зрители подходят к оценке качества перевода с гораздо более профессиональных позиций, чем можно было предположить. В опросе приняли участие 39 респондентов. Заметим, что все респонденты — непрофессиональные эксперты: школьники и учащиеся колледжа НГЛУ, изучающие японский язык на вечерних курсах, любящие смотреть аниме и, что для нас крайне важно, постоянно смотрящие аниме («каждый день» — 6 ответов, «2–3 раза в неделю» — 9 ответов, «несколько раз в месяц» — 7 ответов, «несколько раз в год» — 6 ответов, «по настроению» — 6 ответов). Респонденты смотрят аниме как в любительском переводе (16 ответов), так и в профессиональном (22 ответа). На открытый вопрос «Что значит для вас “некачественный перевод”?» были даны развернутые ответы, которые касались содержательной и стилистической стороны диалогов. Они могут быть сведены к следующим критериям (см. Табл.).

Таблица. Мнения респондентов о критериях качественного перевода / признаках некачественного перевода

Критерии качественного перевода	Кол-во ответов	Признаки некачественного перевода	Кол-во ответов
Смысловая точность	32	Смысловая неточность	32
Соблюдение речевых характеристик персонажа	23	Несоблюдение речевых характеристик персонажа	23
Качественная речь	8	Низкое качество речи	8
Корреляция перевода с визуальным рядом	6	Грамматические ошибки	6
Корреляция перевода с эмоциональным фоном сцены	5	Отсутствие корреляции перевода с визуальным рядом	6
Культурная адаптация	5	Отсутствие корреляции перевода с эмоциональным фоном сцены	5
Отсутствие буквализмов	3	Отсутствие культурной адаптации	5
Понятность	3	Малопонятный перевод	3
Передача юмора	2	Буквализмы	3
Логичность и связность	1	Опущение шуток	2

Окончание таблицы

Критерии качественного перевода	Кол-во ответов	Признаки некачественного перевода	Кол-во ответов
Учет исторического контекста	1	Неуместные слова-реалии	1
Отсутствие смысловых добавлений	1	Смысловые добавления	1
		Упрощения	1
		Примечания переводчика	1
		Несоблюдение исторического контекста	1
		Нелогичность / бессвязность	1

Как видно, зрители, в силу рассмотренных выше причин, не учитывают в оценке технические параметры, и, анализируя ответы, следует учесть, что зрители могут слишком строго оценивать перевод по ряду критериев (как видно из таблицы, самые большие претензии предъявляются к смысловой точности перевода) именно из-за отсутствия профессиональных компетенций и незнания того, насколько сильно технические ограничения могут влиять на возможности переводчика. Ведь нередко «то, что кажется оплошностью переводчика, это просто решения в пользу укладки в губы, т. е. случаи, когда мимика определяет выбор слов при переводе» (Худенко 2024: 102). Тем не менее полученные в результате опроса ответы должны несколько снизить градус скепсиса по отношению к точке зрения получателя как представителя непрофессиональной среды, чьи «оценочные критерии, как правило, связаны с языковым оформлением текста перевода и имеют ярко выраженный вкусовой характер» (Княжева 2024а: 110). Как видно из данных (см. Табл.), зрители оценивают содержательную сторону перевода АВ-произведений почти так же, как и представители профессионального сообщества.

Более того, ряд претензий зрителей следовало бы принять во внимание (среди них логичность, связность, качество речи, отсутствие буквализмов, культурная адаптация и др.), т. к. соблюдение этих критериев обеспечивает комфортный просмотр. Здесь кажется уместным провести параллель с восприятием художественного произведения читателем: как и читатель, зритель «заинтересован в том, чтобы получить необходимую информацию с наименьшим расходом усилий» (Лотман 1982: 358).

Если задаться вопросом, для кого и с какой целью переводится аудиовизуальное произведение, то кажется, что ответ очевиден: переводится для зрителя, а «целью АВП является ситуация комфортного просмотра, когда зритель сидит и смотрит кино, не думая о том, что здесь что-то не то, здесь какое-то

несоответствие, а здесь непонятный русский язык. Если зритель посмотрел фильм, остался доволен и не заметил перевод, это значит, что вы суперклассный переводчик» (Маленова 2023: 241). Другими словами, во главу угла следовало бы ставить зрителя. Однако намечающиеся в настоящее время тенденции наводят на мысль о том, что практика движется от зрителя в обратную сторону.

3.3. Современные тенденции в оценке качества АВП. «Дубляжский» язык

В последние годы в научных и научно-популярных трудах переводчиков-исследователей стали встречаться высказывания, свидетельствующие о том, что техническая сторона АВП начинает превалировать над содержательной.

Так, Ж. Спитери Миджани, сравнивая разные модели оценивания АВ-произведений, утверждает, что эти модели не позволяют выявить и поощрить блестящие, нестандартные или даже просто более удачные переводческие решения, что, впрочем, вполне соответствует подходам, применяемым в настоящее время в индустрии АВП. Основное требование к переводу — функциональность, а тех переводчиков, которые предлагают более удачные решения, никак не отмечают. В лучшем случае им предложат новый проект (Spiteri Miggiani 2023). Эта тенденция имеет место и в нашей стране. Как показывают экспериментальные данные, если в академической среде при оценивании качества студенческого перевода удачные переводческие варианты в расчет принимаются, то в производственной — нет (Княжева 2023).

Схожие мысли прямо и косвенно высказывают и другие эксперты. Так, Е. Худенко в своей недавно вышедшей книге приводит несколько примеров, когда перевод кажется неестественным. Один из них — сцена из японского анимационного фильма «Унесенные призраками»: «когда Чихиро дает ответ, местные жители кричат: “Угадала ты-ы-ы!”, и это лично мне немного режет слух из-за странного порядка слов» (Худенко 2024: 102). Еще один пример — сцена из американского анимационного фильма «Шрек», автор сравнивает два варианта: 1. «Если ты правда ее любишь, ты ее отпустишь» (подстрочник). 2. «Если подлинна твоя любовь, то ты откажешься от Фионы» (дубляж) (там же). Думается, что первый вариант звучит более естественно, чем второй, который больше тяготеет к письменной речи из-за краткой формы прилагательного и обратного порядка слов.

Почему же в двух рассмотренных в книге примерах был сделан такой неоднозначный выбор? Ответ прост: «в мимику попадание идеальное» (там же). Напрашивается вывод, что при необходимости выбирать между естественностью речи и соблюдением технических требований выбор делается в пользу последних: это «те случаи, когда мимика определяет выбор слов при переводе» (там же). Эта тенденция ведет к появлению нового неоднозначного феномена —

т. н. «дубляжского» языка, или *dubbese* (Romero Fresco 2006; Antonioni 2008; Sereg 2020; Spiteri Miggiani 2023). В зарубежной научной литературе «дубляжский» язык известен также как *audiovisual translationese* (Chaume 2004), а в отечественной аналогичные языковые конструкторы иногда именуют *переводизмами* (Мавлевич 2024). «Дубляжский» язык — это неестественно звучащий язык прежде всего дублированных фильмов, иногда данный термин используют шире, применительно ко всем видам АВП. Исследователи отмечают, что элементы «дубляжского» языка — это не обязательно ошибки как таковые, зрители их могут даже не заметить, но наличие таких элементов негативно влияет на естественность диалогов (Romero Fresco 2006). Ряд авторов указывают на риски контаминации естественного языка «дубляжским» (Romero Fresco 2006; Antonioni 2008; Sereg 2020).

Примеры контаминации русского языка «дубляжским» уже есть: через закадровый перевод русский язык «обогатился» кальками наподобие *ты в порядке?, надрать зад, это имеет смысл, лучший ... что я видел в жизни* (Худенко 2024: 86–87), сюда же можно добавить пресловутых *бабочек в животе* и *мы сделали это*. Такие примеры все чаще наводят на мысли о том, что, учитывая, какую большую аудиторию охватывают АВ-произведения, от качества АВП во многом зависит дальнейшее развитие и самобытность русского языка, а также качество разговорной речи взрослых и особенно детей. Это накладывает на всех участников АВП-рынка определенную моральную ответственность.

С переводческой точки зрения, возникает закономерный вопрос, нельзя ли найти такой вариант, который и звучал бы естественно, и техническим требованиям удовлетворял? Безусловно, бывают случаи, когда это объективно невозможно. Однако не исключено, что оптимальное решение не было найдено просто потому, что переводчику что-то помешало. Одна из таких помех — время. А где время, там и деньги. «Если в 80-х над текстом для дубляжа работали месяц, то сейчас в среднем неделя, и срок продолжает сокращаться. Фильмов снимается много — некогда расслаиваться с каждым» (Худенко 2024: 58). Недостаток времени ощущает не только переводчик, но и редактор: его задача «не переписывать неудачный перевод, а либо точно выявить слабые места, исправить и вытянуть общее качество, либо отправить текст на доработку» (там же: 46). Думается, что если вы просто «вытягиваете» неудачный перевод до приемлемого уровня, то и качество на выходе вряд ли будет выше приемлемого. Стоит отметить, что такая тенденция свойственна не только сфере АВП: автору статьи довелось беседовать с одним редактором, который, выбирая между двумя переводами художественного текста — переводом с более выразительным русским языком, но требующим стилистической доработки, и переводом с приемлемым русским языком и грамматическими и орфографическими ошибками, — выбрал

последний со словами «такие ошибки легко исправить». В этой связи представляется уместным вспомнить о том, что «признание перевода эквивалентным, т. е. обладающим максимальной лингвистической близостью к тексту оригинала, еще ничего не говорит о его качестве» (Княжева 2024а: 105), а «залогом успешности перевода является воспроизведение прагматики исходного сообщения (текста), что во многих случаях обеспечивается именно благодаря отходу от эквивалентности, понимаемой как семантико-структурный параллелизм» (там же: 106).

Проблеме естественности диалогов в переводных АВ-произведениях уделяется сегодня достаточно большое внимание. Так, Ф. Чауме пишет о недостаточной диалогичности (Chaume 2007) и идиоматичности (Chaume 2006) переводных АВ-произведений, подчеркивая, что подобно тому, как читатель настраивается на определенный литературный жанр, так и зритель питает определенные жанровые ожидания, поэтому перевод любого АВ-произведения должен соответствовать конвенциональным нормам. Одна из таких норм — естественная разговорная речь. В уже цитировавшейся книге Е. Худенко (Худенко 2024) неоднократно подчеркивается, что базовый принцип АВП — разговорность речи. Справедливо было замечено, что зритель смотрит фильм, чтобы уйти от реальности, а переводные диалоги, не соответствующие нормам разговорной речи, не позволят этого сделать (Whitman 1992).

Одна из особенностей оценки качества АВП видится именно в том, что значение идеальной укладки и естественности разговорной речи для профессиональных субъектов оценки и непрофессиональных оказывается разным.

4. Заключение

На сегодняшний день исследования в области качества АВП ведутся гораздо более интенсивно, чем в середине XX в., что обусловлено рядом объективных факторов. Характерной чертой современных работ становится ярко выраженный комплексный подход: на смену простому перечислению критериев приходит определенная систематизация, учитывающая все отличительные особенности АВП. Примечательно, что пока говорить о каких-либо авторских приоритетах в оценке качества АВП достаточно сложно: за приоритетный критерий приходится принимать тот, которому отдельно взятый автор уделяет наибольшее внимание. Так, для перевода под дубляж в центре внимания в разное время оказывались последовательно изохрония, артикуляционная синхронность, естественность диалогов, адаптация. Сегодня вектор внимания вновь смещается в техническую сторону — в частности в случае с дубляжом к артикуляционной синхронности.

Думается, что за основу будущей системы критериев качества перевода АВ-произведения можно взять уже существующую отечественную модель —

модель Е. А. Княжевой, доработанную в соответствии со спецификой каждого вида АВП. Подобная модель позволит разрешить противоречия, связанные с разными оценками одного и того же перевода, и учесть мнение как профессионального, так и непрофессионального сообщества. В зарубежных научных трудах непрофессиональная оценка часто оказывается в фокусе внимания уже сейчас. При этом и российские, и зарубежные исследования показывают, что, хотя для профессионального сообщества и при выполнении перевода, и при оценке качества большое значение имеет техническая сторона, все, чего хочет зритель, — это удовольствие от комфортного просмотра. Разумно ли пренебрегать ожиданиями, которые возлагают на перевод участники коммуникации?

Такая тенденция, когда интересы зрителя отодвигаются на второй план, не может не вызывать тревогу в том числе и у представителей академической среды. Очень трудно учить студентов искать наилучший вариант, когда они сами как зрители видят, что и посредственные варианты оказываются приемлемы.

Если перефразировать слова П.-Ф. Кайе, сегодня для разработки системы оценки качества АВ-произведений — а это будет стоить больших усилий и затрат — нужен, выражаясь языком экономистов, спрос. Думается, что сегодня такой спрос есть: его порождает в том числе необходимость беречь родной язык, который вследствие смещения фокуса на техническую сторону АВП, испытывает и будет продолжать испытывать серьезное влияние со стороны т. н. «дубляжского» языка.

Список литературы / References

- Княжева Е. А. Оценка качества перевода в учебной и производственной сферах: взаимное дополнение или конфликт интересов? // Перевод как профессия, наука, творчество. Москва: МГЛУ, 2023. С. 341–348. [Knyazheva, Yelena A. (2023) Ocenka kachestva perevoda v uchebnoj i proizvodstvennoj sferah: vzaimnoe dopolnenie ili konflikt interesov (Translation Quality Assessment in Training Practice and Industry: Mutual Complementarity or Competitiveness). In *Perevod kak professiya, nauka, tvorchestvo* (Translation as a Profession, Science, Creativity). Moscow: MSLU, 2023. 341–348. (In Russian)].
- Княжева Е. А. О некоторых аспектах исследования проблем оценки качества перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2024а. Т. 17. № 1. С. 98–118 [Knyazheva, Yelena A. (2024a) O nekotoryh aspektah issledovaniya problem ocenki kachestva perevoda (Aspects of Translation Quality Problem). *Lomonosov Translation Studies Journal*, Vol. 17, 1, 98–118. (In Russian)]
- Княжева Е. А. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности и методы ее исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 5 (886) 2024б. С. 48–55. [Knyazheva, Yelena. A. (2024b). Ocenka kachestva perevoda kak vid intellektual'noj deyatel'nosti i metody ee is-

sledovaniya (Translation Quality Assessment as a Type of Intellectual Activity and Methods of its Research). *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5 (886), 47–55. (In Russian)].

- Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода // XVII Царско-сельские чтения. СПб.: ЛГУ им А. С. Пушкина, 2013. Т. 1. С. 374–381. [Kozulyaev, Alexey V. (2013) Audiovizual'nyj polisemanticheskij perevod kak osobaya forma perevodcheskoj deyatel'nosti i osobennosti obucheniya dannomu vidu perevoda (On Audiovisual Polysemantic Translation as a Special Form of Translation Activity and Training). In *XVII Tsarskosel'skiye chteniya*. St Peterburg: LGU im A. S. Pushkina, Vol. 1, 374–381. (In Russian)].
- Колосова Т. Ю., Коробова Н. В., Уханова О. А. Кинотекст как средство реализации (кино) дискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 1 (41). С. 39–47. [Kolossova, Tatiana Yu., Korobova, Natalia V., & Ukhanova, Olga A. (2018) Kinotekst kak sredstvo realizacii (kino)diskursa (Film Construct as Realization of Film Discourse). *LUNN Bulletin*, 1 (41), 39–47. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва: «Искусство», 1970. [Lotman, Yury M. (1970) *Struktura hudozhestvennogo teksta* (Structure of a Fiction). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Мавлевич Н. С. Сундук Монтеня, или Приключения переводчика. Москва: Иллюминатор, 2024. [Mavlevich, Natalia S. (2024) *Sunduk Montenya, ili Priklyucheniya perevodchika* (Montaigne's Chest, or The Adventures of a Translator). Moscow: Illuminator. (In Russian)].
- Маленова Е. Д. К определению понятия «аудиовизуальный перевод» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, 2019. Вып. 4 (48). С. 64–74. [Malenova, Evgeniya D. (2019) K opredeleniyu ponyatiya «audiovizual'nyj perevod» (Defining Audiovisual Translation). *LUNN Bulletin*, 4 (48), 64–74. (In Russian)].
- Маленова Е. Д. Аудиовизуальный перевод в СССР и России: краткая историческая ретроспектива // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 3 (55). С. 61–83. [Malenova, Evgeniya D. (2021) Audiovizual'nyj perevod v SSSR i Rossii: kratkaya istoricheskaya retrospektiva (Audiovisual Translation in the USSR and Russia: a Brief Historical Retrospective). *LUNN Bulletin*, 3 (55), 61–83. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-61-83.
- Маленова Е. Д. Переводим кино // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Нижний Новгород: ООО «Альба», 2023. С. 222–241. [Malenova, Evgeniya D. (2023) Perevodim kino (Translating Films). In *Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda* (Issues of Translation Studies and Translation Practice). Nizhny Novgorod: ООО «Al'ba», 222–241. (In Russian)].
- Маленова Е. Д. Качество перевода субтитров в аспекте коммуникативной ситуации аудиовизуального перевода // Вестник ТвГУ. Серия Филология. 2024. № 2 (81). С. 214–222. [Malenova, Evgeniya D. (2024) Kachestvo perevoda subtitrov v aspekte kommunikativnoj situacii audiovizual'nogo perevoda (Subtitling Quality in Relation to Communicative Situation of Audiovisual Translation). *Vestnik TvGU, Series: Philology*, 2 (81), 214–222. (In Russian)]. DOI:10.26456/vtfilol/2024.2.214.

- Худенко Е. В. Перевод и локализация: введение в профессию. М.: Эксмо, 2024. [Khudenko, Yelena V. (2024) *Perevod i lokalizaciya: vvedenie v professiyu* (Translation and Localisation: an Introduction to the Profession). Moscow: Eksmo. (In Russian)].
- Antonioni, Rachele. (2008) The perception of dubbese: An Italian study. In Chiaro, Delia, Heiss, Christine, & Bucaria, Chiara (eds.) *Between Text and Image*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 135–147. DOI: 10.1075/btl.78.15ant.
- Baños-Piñero, Rocio, & Chaume, Frederic. (2009) Prefabricated Orality. A Challenge in Audiovisual Translation. in *TRAlinea, Special Issue: The Translation of Dialects in Multimedia*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/340793237_Prefabricated_Orality_A_Challenge_in_Audiovisual_Translation_httpwwwintralineorgspecialarticle1714 (2025, March 10).
- Brisset, Frédérique. (2017) Le doublage, à la frontière entre traduction et adaptation ? *TranscUlturAl*, Vol. 9.2, 32–46. (In French).
- Caillé, Pierre-François. (1960) Cinéma et Traduction: Le traducteur devant l'écran. *Babel* 3: 6, 103–109. (In French).
- Chaume, Frederic. (2004) *Cine y traducción*. Madrid: Cátedra. (In Spanish).
- Chaume, Frederic. (2006) Dubbing. In Brown, Keith (ed.) *Encyclopedia of Language & Linguistics*. 2nd Ed., Chapter: Article number 00471. Publisher: Elsevier, 6–9. DOI: 10.1016/B0-08-044854-2/00471-5.
- Chaume, Frederic. (2007) Quality Standards in Dubbing: a Proposal. In *Tradterm*, Vol. 13, 71–89. DOI: 10.11606/issn.2317-9511.tradterm.2007.47466.
- Gambier, Yves. (2004a) La traduction audiovisuelle : un genre en expansion. *Meta*, 49 (1), 1–11. (In French).
- Gambier, Yves. (2004b) Tradaptation cinématographique. In Orero, Pilar (ed.) *Topics in Audiovisual Translation*, Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004, 169–181. (In French).
- Guillot, Marie-Noelle. (2007) Oral et illusion d'oral : indices d'oralité dans les sous-titres de dialogues de film. *Meta*, 52 (2), 239–259. (In French). DOI:10.7202/016068ar.
- Goris, Olivier. (1993) The Question of French Dubbing: Towards a Frame for Systematic Investigation. *Target*, Vol. 5, 2, 169–190. (In French). DOI: <https://doi.org/10.1075/target.5.2.04gor>.
- Grugeau, Gérard. (1993) Entretien avec Éric Kahane — Profession : adapteur. *24 images*, (65), 26–30. (In French).
- Lambert, José. (1989) La traduction, les langues et la communication de masse: Les ambiguïtés du discours international. *Target*, 1 (2), 215–237. (In French). DOI: 0.1075/target.1.2.06lam.
- Lambert, José, & Delabastita, Dirk. (1996) La traduction de textes audiovisuels : modes et enjeux culturels. In Gambier, Yves (ed.) *Les transferts linguistiques dans les médias audiovisuels*. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 33–58. Retrieved from <https://books.openedition.org/septentrion/124638> (2025, March 10). (In French).
- Romero-Fresco, Pablo. (2006) The Spanish Dubbese: A Case of (Un)idiomatic Friends. *The Journal of Specialised Translation*, Iss. 6, 134–151. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/253531959_The_Spanish_Dubbese_A_Case_of_Unidiotic_Friends (2025, March 10).
- Sereg, Judit. (2020) *A szinkronnyelv befogadói értékelése és hatása az anyanyelvi nyelvhasználatra*. Doktori disszertáció (Nyelvtudományi Doktori Iskola. Fordítástudományi Doktori Program). Budapest. (In Hungarian). DOI: 10.15476/ELTE.2020.063
- Spiteri Miggiani, Giselle (2023) Quality in Translation and Adaptation for Dubbing: Applied Research in a Professional Setting. *The Journal of Specialised Translation*, Iss. 40, 297–321.
- Whitman, Candace. (1992) *Through the Dubbing Glass*. Frankfurt: Peter Lang.

УДК 81'27+81'33=00

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-91-102

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ «ДОУЧЖЭН» И ПРОБЛЕМА ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Чжу Шисон¹, Чжао Гуоюэ²

¹ Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, КНР

² Педагогический университет Янцзы, Чунцин, КНР

Некоторые западные СМИ не совсем верно понимают и интерпретируют китайское выражение «доучжэн» (斗争). Из-за перевода его на английский язык как *fight* («сражение») или *struggle* («борьба») оно обретает смысл жестокого противостояния или войны. Но в современном китайском контексте это выражение семантически связано не только с физическим противостоянием или боевыми действиями. К такому информационному разрыву между Китаем и Западом привели две основные причины. С одной стороны, перевод «доучжэн» на английский язык как *fight* или *struggle* содержится в официальных китайских источниках; с другой стороны, англоязычная аудитория привычно использует значения «сражение» и «борьба» для интерпретации «доучжэн», не обращая внимания на другие многочисленные коннотации, соответствующие китайскому контексту. В этой статье делается попытка определить лучшие варианты для перевода выражения «доучжэн» на английский язык и, соответственно, исправить этот информационный пробел. Идеальное решение — переводить его на английский исходя не из непосредственного значения, а в зависимости от его коннотации в каждом предложении. Адекватный перевод — только одна из составляющих процесса, который должен улучшить взаимопонимание между Китаем и другими странами. Кроме этого, необходимо расширять культурный и образовательный обмен и интенсифицировать сотрудничество между китайскими и зарубежными экспертами.

Ключевые слова: доучжэн; сражение; борьба; перевод; политическое выражение.

Цитирование: Чжу Шисон, Чжао Гуоюэ. Семантическая трансформация китайского политического выражения «доучжэн» и проблема его перевода на английский язык // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 91–102. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-91-102.

The Semantic Transformation of Chinese Political Discourse “Dou Zheng” and its English Translation

Zhu Shisong¹, Zhao Guoyue²

¹ Sichuan International Studies University, Chongqing, China

² Yangtze Normal University, Chongqing, China

Some Western media have shown misunderstanding and misinterpretation of the Chinese political expression “douzheng” (斗争). Because this expression is translated into English as “fight” or “struggle,” it takes on the meaning of a violent confrontation or war. But in the current context of China, this expression is semantically associated with more than just physical confrontation or combat. Two main reasons have led to this information gap between China and the West. On the one hand, the translation of “Dou Zheng” into English as “fight” or “struggle” is contained in official Chinese sources; on the other hand, English-speaking audiences habitually use the meanings of “battle” and “struggle” to interpret “Dou Zheng”, without paying attention to its other numerous connotations appropriate to the Chinese context. This article attempts to identify the best options for translating the expression “Dou Zheng” into English and accordingly fill this information gap. The ideal solution is to translate it into English based on its immediate connotation and based on its connotation in each sentence. Adequate translation is only one part of a process that should increase mutual understanding between China and other countries. In addition, it is necessary to expand cultural and educational exchanges and intensify cooperation between Chinese and foreign experts.

Key words: “Dou Zheng”; fight; struggle; translation; political discourse.

Citation: Shisong, Zhu, & Guoyue, Zhao. (2025) The Semantic Transformation of Chinese Political Discourse “Dou Zheng” and its English Translation. *LUNN Bulletin*, 2 (70), 91–102. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-91-102.

1. Введение

В текстах и речах Си Цзиньпина часто встречается китайское выражение «доучжэн», которое в официальных переводах передается словами *fight* («сражаться, сражение») и *struggle* («борьба»). Такой перевод не вполне адекватен, для англоязычной аудитории он имеет смысл, связанный с конфликтностью, насилием, войной, что негативно влияет на восприятие политической позиции Си Цзиньпина и Китая в целом. Это может привести к нежелательным последствиям. Чем скорее будет решена эта проблема, тем более безопасным будет наш мир. Упоминания об этой проблеме можно встретить в публикациях последнего времени, но они носят несколько поверхностный характер (см., например: [Kim, Prytherch 2023]). В данной статье рассматривается семантика выражения 斗争 (доучжэн) в китайской культуре и политике в разные эпохи и в разных контекстах, ставится проблема не вполне точной ее передачи на английский словами *fight* и *struggle* и предлагается вариант решения, который серьезно улучшит взаимопонимание между Китаем и странами Запада.

В своем докладе на XX Всекитайском съезде КПК Си Цзиньпин еще раз напомнил, что все члены партии должны всегда быть готовыми к доучжэн против внутренних и международных сил, которые препятствуют реформам и открытости. В данном докладе, по сравнению с предыдущими, наиболее важным изменением является то, что к «трем императивам» были добавлены еще «два

императива». Самый новый из них заключается в том, что «мы должны осмелиться **сражаться** и уметь **сражаться**» (务必敢于斗争、善于斗争) (здесь и далее перевод наш. — Ч. Ш., Ч. Г.) (Xi Jinping 2023b).

Это политическое выражение стало одной из самых частых фраз в докладе Си Цзиньпина. Оно передавало такие понятия, как противостояние расколу, искоренение зла, борьба с вмешательством и с коррупцией и т. д. Некоторые даже посчитали это проявлением «маоистского наследия», которое «заметно возрождается в сегодняшнем китайском политическом дискурсе» (Zhao 2016; Bandurski 2019).

В англоязычном мире эта риторика вызвала определенную обеспокоенность в связи с тем, что имеет связь с подавлением инакомыслия и многообразия. Некоторые считают, что такой выбор формулировок может быть жестким сигналом тем, кто пытается выступать против Си Цзиньпина внутри партии, что может указывать на ожесточенную борьбу и раздоры внутри КПК (Bandurski 2019). По мнению других, «борьба» будет направлена на установление тотального социального контроля (Lam 2022). Также отмечается, что дискурс «доучжэн» Си Цзиньпина может увеличить риск конфликта и конфронтации с другими странами, особенно с США.

Китайский центр Джона Торнтона при Брукингском университете отмечает: «Поскольку Пекин стал более агрессивным на мировой арене, призывы Си Цзиньпина к Китаю “осмелиться сражаться” и “уметь сражаться” приводились в качестве свидетельства растущего милитаризма Пекина и решимости силой противостоять любым вызовам его суверенитету, безопасности и экономическим интересам, независимо от затрат» (Kim, Prytherch 2023). Джон Помфрет и Мэтт Поттингер своей статье в *Foreign Affairs* дали заголовок: «Си Цзиньпин говорит, что готовит Китай к войне» (Pomfret, Pottinger 2023). По их мнению, «доучжэн» означает «бороться» или «начать войну», что изображает Китай воинственной страной (Pomfret, Pottinger 2023). Такие трактовки ошибочны, но они серьезно влияют на восприятие слов Си Цзиньпина, искажая их и нанося ущерб имиджу Китая.

2. Характеристика материала и методов исследования

Для изучения обозначенного вопроса мы используем сочетание качественных и количественных исследовательских методологий. Качественное исследование направлено на достижение нескольких целей: во-первых, описать текущие переводы китайского политического дискурсивного термина «доучжэн» и выявить проблемы в его переводах; во-вторых, тщательно проанализировать семантическую эволюцию «доучжэн» на протяжении всей истории Китая и прояснить его коннотации и последствия разных трактовок

в современном китайском контексте; в-третьих, прояснить, что значения «доучжэн» динамичны и различаются в разных контекстах; и в-четвертых, подчеркнуть, что английские переводы *fight* и *struggle* не полностью отражают нюансы и динамические значения «доучжэн».

Для подтверждения этих положений мы используем многочисленные примеры. Во-первых, примеры английских переводов «доучжэн» взяты из авторитетных источников, таких как официальная английская версия доклада 20-го Всекитайского съезда КПК и Си Цзиньпина: Управление Си Цзиньпина. Том 3 и 4 (《习近平治国理政》[第三卷]和[第四卷]), опубликованного издательством *Foreign Languages Press*, отвечающим за публикацию и распространение литературы КПК и государства. Во-вторых, использование *fight* и *struggle* в английском контексте взято из самых авторитетных английских словарей, включая *Cambridge Dictionary*, *Longman Dictionary* и *Merriam-Webster Dictionary*, а также из широко используемого *Corpus of Contemporary American English (COCA)*. Эти источники предоставляют веские доказательства в поддержку наших аргументов. Объединяя эти исследовательские методологии и источники, мы стремимся предоставить всесторонний анализ вопросов перевода, связанных с «доучжэн», и предложить понимание его динамических значений в различных контекстах. Это исследование не только способствует пониманию китайского политического дискурса, но и подчеркивает важность точных и контекстно-зависимых переводов в межкультурной коммуникации.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Происхождение и семантические изменения выражения «доучжэн»

Выражение «доучжэн» имеет в китайском языке долгую историю и богатые коннотации. Оно появляется еще в «Книге перемен» (нач. I тыс. до н. э.) (Legge 1863) и проявляется в четырех концепциях: (1) противостояние инь и ян; (2) противоречивость движения и развития; (3) преодоление проблем и трудностей; (4) моральное развитие и внутреннее решение. Эта связь концепции с различением добра и зла и выбором между ними, сдержанностью и преодолением эгоистических желаний и личных интересов перешла в даосизм, мировоззрение которого представляет собой единый мир, который проявляется для людей в парных противоположностях (Freiberg 1977: 8).

Первоначально иероглифы «доу» и «чжэн» использовались по-отдельности. Одно из древних значений 斗 («доу») относится к конфронтации или битве, когда стороны соревнуются и не уступают друг другу. 爭 («чжэн») подчеркивает конкуренцию или борьбу за достижение определенной цели

и подразумевает также усилия и затраты, понесенные для достижения этих целей. В значении «драка, ссора» «доу» используется в «Сочинениях Мэн-цзы» (предположительно кон. IV в. до н. э.) (Mencius 1970: 337), а в «Книге документов» (Шан-шу, предположительно III или IV в. н. э.) «чжэн» означает «состязание» (Legge 1865: 60).

Когда 斗 и 爭 объединяются во фразу 斗争, они вместе выражают напряженное состояние соперничества и конфронтации, которое может проявляться в различных областях деятельности человека (общественная жизнь, политический выбор, военные конфликты). В этом сочетании иероглифы впервые появляются в тексте «Хань Фэй-цзы» (III в. до н. э.), где данное выражение означает войну (Han Fei Tzu 1964: 120). При этом семантически оно также связано с героизмом, жертвенностью и борьбой противоположностей.

За последние сто лет в культуре Китая произошли фундаментальные изменения (Louie 2008: 3), что затронуло и концепцию «доучжэн». Огромное влияние на нее оказали идеи Карла Маркса и Фридриха Энгельса, равно как и идеи Мао Цзэдуна. Имея в виду партийные конфликты и религиозную войну в современной ему Германии, Фридрих Энгельс писал: «...противоречия... всегда разрешаются борьбой». Английский перевод этого предложения звучит так: «Contradictions... are constantly being fought out» (Karl Marx·Friedrich Engels Werke 1979: 365). В китайском переводе «борьба» передается как 斗争 (доучжэн) (Marx 1975: 3). Мао Цзэдун, в свою очередь, расширил предложенный Энгельсом смысл слова «борьба» от партийных и религиозных конфликтов на гораздо более широкую область общества (Mao Zedong 1991: 335). Среди событий, с которыми имеет связь выражение «доучжэн», можно назвать Движение четвертого мая, революцию 1949 г. и культурную революцию 60-х гг. В этот период концепция «доучжэн» получила связь с революцией, прогрессом, развитием. Она больше не трактовалась как просто пассивное сопротивление и жертвенность, превратившись в активные революционные действия и устремления.

3.2. «Доучжэн» в современном контексте Китая

Еще более широкое значение выражение обрело после прихода к власти Си Цзиньпина (Kim Prytherch 2023). Это уже не исключительно политическое или военное противостояние, а скорее разносторонняя форма развития: «Общество развивается через движение противоречий, а там, где есть противоречия, будет доучжэн» (Xi Jinping 2020: 12).

Таким образом, «доучжэн» — динамичная и развивающаяся концепция, что отражено в современных китайских публикациях (Tang 2023: 26). В некоторых текстах прямо указывается, что «только постоянно разрешая социальные конфликты через “доучжэн”, партия сможет лучше завоевать поддержку

народа для своего управления, а также поддерживать и развивать социализм с китайской спецификой» (Li, Liang 2023: 11).

В этом свете «доучжэн» в текстах Си Цзиньпина более или менее несет в себе смысл и наследие той концепции, которую мы видим в «Книге перемен», со всей ее неоднозначностью. Очевидно, что диалектическая природа доучжэн подразумевает, что оно не всегда негативно или деструктивно. Хотя оно может включать в себя конфликты и противодействие, но также может способствовать инновациям, изменениям и улучшению понимания, т. е. являться катализатором прогресса и движущей силой перемен, духом соперничества, а также означать смелость и упорство в противостоянии рискам и вызовам и в достижении победы.

В официальном отчете XX Всекитайского съезда КПК и книге Си Цзиньпина «Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 4» (Xi Jinping 2023) «доучжэн» также переводится на английский либо как «сражение», либо как «борьба». Примеры английского перевода 斗争 представлены в следующей таблице.

Таблица. Примеры английского перевода «доучжэн»

Оригинальный текст	Перевод
...统揽伟大斗争、伟大工程、伟大事业、伟大梦想...	... the Party has united the Chinese people and led them in pursuing a great struggle , a great project, a great cause, and a great dream...
...是党在血与火的斗争中得出的颠扑不破的真理...	While it was engaged in violent struggle , the Party came to recognize the irrefutable truth that...
...必须进行具有许多新的历史特点的伟大斗争...	We must carry out the great historic struggle with many new features.
敢于斗争，善于斗争，逢山开道、遇水架桥，勇于战胜一切风险挑战！	We must be both brave and adept in carrying out our struggle , forging new paths, and building new bridges wherever necessary to take us forward.

«Сражение» имеет как физическое значение — столкновение или конфликт, так и переносное — интеллектуальная или эмоциональная битва. «Борьба» часто означает продолжительные усилия по преодолению препятствий или проблем. Оба слова имеют несколько словарных значений. Слово *fight* обычно используется для описания физического конфликта или сражения между двумя или более сторонами с применением насилия, поэтому обычно соотносится со словами «война» или «битва». Оно также может означать борьбу за что-то в разных контекстах: *I am fighting for my rights* (Я **борюсь** за

свои права); *The boxer **fought** bravely against his opponent* (Боксер мужественно **боролся** со своим противником); *The cancer patient is **fighting** for his life* (Больной раком **борется** за жизнь).

Struggle обычно указывает на постоянные усилия по преодолению трудностей, проблем, недостатков или невзгод, а не на отдельное конфронтационное событие. Оно используется для обозначения процесса по достижению чего-либо посредством упорного труда, хоть иногда это и связано с насильственными действиями: *They had to **struggle** against all kinds of adversity* (Им приходилось **бороться** со всеми видами невзгод); *Life became a **struggle** for survival* (Жизнь превратилась в **борьбу** за выживание); *Losing weight was a terrible **struggle*** (Похудание было ужасной **борьбой**).

Оба слова передают значение настойчивости и решимости, но «сражаться» может подразумевать более агрессивный, а «бороться» — более пассивный подход к ситуации. Это можно подкрепить примерами контекста употребления и сочетаемости слов «сражаться» и «бороться», приведенными в Корпусе современного американского английского языка (COCA), который имеет преимущества перед другими корпусами (Davies 2009) и дает представление об английской лексике и грамматике и реальной ситуации употребления слов (Ху 2014: 69). Авторами с помощью информационной программы *EViews* сделан статистический анализ контекстов и коллокации слов *fight* («сражаться») и *struggle* («бороться») в английском языке по COCA, результаты представлены на рисунках 1–4.

CONCORDANCE LINES (more)

1	FIC: 2015: Bk:FastShuffle	with a wide leather belt vaguely military as though she were fighting a war with her voluptuous figure . Her lipstick was a little
2	MAG: 2011: WashMonth	# The Pentagon is organized to plan a war , not fight a war Secretary of Defense Robert Gates recently observed .
3	WEB: 2012: ...ereswil.blogspot....	of her family . It 's one less thing they would fight about He felt good . He started the car and backed
4	MAG: 2012: HistoryToday	in Macedonia , where Bulgarian , Greek and Serbian irregulars fought against each other as well as against the the Ottoman
5	WEB: 2012: mobilitywod.com	trying to heal (in optimal time) we 'd want to fight against natures healing process ! # I asked the question to a
6	ACAD: 2000: AmerStudies	work as an American scholar in Indonesia I have tried to fight against such essentialist notions of identities carried by the
7	WEB: 2012: utne.com	the leader . There all superhuman in the gang and they fight all these gangs around the place . He likes this girl and
8	TV: 1998: Babylon 5	that 's what Earth wants : To pressure us so we fight among ourselves So they can ride in on a white horse
9	BLOG: 2012: collider.com	the idea of being Mrs Solo , and we 've just fought and fought and I killed him , but I 'm sorry .
10	NEWS: 2003: WashPost	is a sentimental look at Griffith Stadium , where Joe Louis fought and Walter Johnson pitched . There are even two seats from the
11	ACAD: 2006: EnvironHealth	and an incredible social sensitivity that tells you when you fight and when you fold - and that , when you fold ,
12	WEB: 2012: abcnews.go.com	2012 , 1:53 pm 1:53 pm # Too bad she couldnt fight back against those krispy kreme donuts ! # Posted by : Jumbo
13	MOV: 1993: Cool Runnings	push my teammate ... then blood fire , we have to fight back You do n't see the Swiss team fighting ' ,
14	BLOG: 2012: blog.heartland.org	while Beijing plays the good cop , showcasing its commitment to fighting climate change without targets . # While China is playing
15	NEWS: 1990: WashPost	in the six weeks preceding the Vista Hotel sting , have fought defense challenges to its reliability . But on Friday ,
16	SPOK: 2009: NPR_TalkNation	's to get girls active in under-served communities and also to fight discrimination and give a voice to professional female
17	WEB: 2012: vulture.com	(obviously) boxers , who come out of retirement to fight each other Kevin Hart will play the promoter who convinces them
18	FIC: 2014: FantasySciFi	into his voice . " We saw no choice but to fight fire with fire . " " I know that . " I
19	WEB: 2012: wvculture.org	. War Democrats , these allies were called , and they fought for and upheld the government to the end of the war .
20	BLOG: 2012: skepchick.org	sceptical blogs ... I thank you . # Thank you for fighting for both skeptics and women . Without a doubt I 'd still

Рис. 1. Топ-20 результатов анализа контекста слова *fight* («сражаться»)

COLLOCATES **FIGHT** **VERB** See also as: NOUN Advanced options [Collocates](#) [Clusters](#) [Topics](#) [Texts](#) [KWIC](#) [🔍](#) [📄](#)

+ NOUN	NEW WORD	?	+ ADJ	NEW WORD	?	+ VERB	NEW WORD	?	+ ADV	NEW WORD	?
7305	4.06	war	763	2.02	ready	281	2.01	defend	7057	2.59	back
3683	5.31	battle	633	2.62	civil	229	4.38	vow	2721	2.19	off
1281	2.83	fire	606	2.67	willing	200	2.34	preserve	2049	3.66	hard
1084	2.05	force	186	5.17	losing	66	2.33	regain	219	2.41	constantly
980	3.02	army	155	2.02	dirty	61	2.18	pledge	203	2.88	successfully
956	3.29	soldier	142	5.71	uphill	52	2.03	ready	193	6.54	bravely
870	3.53	enemy	140	2.65	brave	35	2.61	overthrow	163	4.99	fiercely
867	2.99	freedom	126	2.69	immune	30	2.30	liberate	132	3.08	desperately
855	4.75	terrorism	109	2.37	bitter	21	2.60	claw	125	4.96	bitterly
835	2.57	crime	107	2.39	bloody	14	2.50	fuss	122	7.65	valiantly
727	2.65	cancer	95	2.40	revolutionary	13	2.49	revamp	117	3.01	overseas
686	3.19	troop	58	2.07	fierce	12	2.58	bicker	110	2.48	actively
597	2.10	disease	54	2.86	rival	10	2.19	retake	106	4.24	vigorously
566	5.74	urge	39	5.95	pitched	7	2.60	disbelieve	70	3.05	aggressively
531	3.20	tooth	29	8.20	rear-guard	6	2.26	extradite	63	4.75	alongside

Рис. 2. Коллокация слова *fight* («сражаться»)

KWIC **STRUGGLE** **VERB** See also as: NOUN # lines: 100 200 500 1000 [Collocates](#) [Clusters](#) [Topics](#) [Texts](#) [KWIC](#) [🔍](#) [📄](#)

WEBSITE	SORT	SORT	SORT
1 WEB:2012:amazon.com	but at times , I got the impression the publishers were	struggling	a bit to fill pages . This is a minor complaint ,
2 BLOG:2012:marieforleo.com	shy away from it ? What I realized is that I	struggled	a lot with making my B-school video for various reasons . One
3 FIC:1994:LiteraryRev	sun hovered over the flower beds . A sensation of magic	struggled	against a growing feeling of guilt . When he reached the door
4 BLOG:2012:thefw.com	fantastic story of human vs. machine as a woman named Chell	struggles	against a murderous artificial intelligence known as Glados .
5 MAG:2011:NationalGeographic	to the Charleston Heritage Federation , " Charleston has	struggled	against and survived three centuries of wars , fires ,
6 NEWS:2013:Atlanta	resident , portrays his clients as small business owners	struggling	against government overreach , as pariahs operating legally
7 BLOG:2012:backstoryradio.org	n't kill , it enslaves . " # The United States	struggled	against malaria for most of its history before finally
8 WEB:2012:star-telegram.com	a fumble . Most notably , according to Garrett , he	struggled	against physical man-to-man coverage in Sunday's loss to the
9 ACAD:2003:ArabStudies	and the declaration of jihads are the only valid means to	struggle	against societies they consider to be Jahiliyya (
10 BLOG:2012:thebiglead.com	in the same conference as Andrew Luck and Matt Barkley ,	struggled	against the Ducks
11 ACAD:2019:Harvard J Law Publi...	States learns from birth that he must rely on himself to	struggle	against the evils and obstacles of life ; he has only a
12 MOV:1995:A Personal Journey w...	ever since the first man discovered his soul , he has	struggled	against the forces that sought to enslave him . He saw the
13 FIC:2009:Analog	module's cramped compartment creaked as she rocked and prayed-	struggling	against the terrifying thoughts that tormented her . Her blue
14 ACAD:1995:Raritan	not something we would aspire to ; it is what we	struggle	against with substitute memories . So we write , as
15 WEB:2012:huffingtonpost.com	increasingly predicting 2012 will be another year when growth	struggles	along at about 2 percent . The United States is holding up
16 MAG:1995:America	of their capital through inflation and devaluations , they have	struggled	along with projects of popular education , especially in the
17 NEWS:1996:NYTimes	Nuveen & Company , whose tax-exempt fixed-income funds have	struggled	along with that market the last two years . # EVEN as
18 WEB:2012:cgg.org	# Right here is one trouble . Too many Commandment-keepers are	struggling	along trying to keep the Commandments in their own power and
19 MAG:2015:NewRepublic	one hand , we're happy for the couples that are	struggling	and can't get pregnant . # But then from the other
20 BLOG:2012:sundaymorningqb.com	for quarterback Connor Shaw . In that game , while still	struggling	as a passer , he successfully compensated with 93 yards (not

Рис. 3. Топ-20 результатов анализа контекста слова *struggle* («бороться»)

COLLOCATES **STRUGGLE** **VERB** See also as: NOUN Advanced options [Collocates](#) [Clusters](#) [Topics](#) [Texts](#) [KWIC](#)

+ NOUN	NEW WORD	?	+ ADJ	NEW WORD	?	+ VERB	NEW WORD	?	+ ADV	NEW WORD	?
387	2.13	foot	171	2.29	civil	1874	2.07	find	1780	2.47	still
290	2.89	weight	129	2.35	mental	1401	2.40	keep	281	9.00	mightily
267	2.18	economy	92	6.32	afloat	710	2.57	continue	247	5.80	financially
229	3.85	depression	50	3.11	awake	524	4.23	survive	114	3.02	constantly
199	5.13	addiction	49	2.01	offensive	373	3.28	maintain	77	3.32	daily
181	3.54	offense	33	2.09	chronic	197	4.74	cope	74	3.80	desperately
160	2.57	identity	24	2.68	competing	176	3.40	breathe	72	2.01	meanwhile
159	2.84	breath	23	2.58	middle-class	161	3.84	overcome	67	2.12	first
132	2.68	balance	23	3.29	declining	152	3.28	recover	58	5.38	academically
106	2.04	injury	19	2.32	adolescent	151	3.89	balance	48	2.28	badly
103	2.89	illness	18	2.13	profitable	136	3.58	free	46	4.92	vain
88	2.90	survival	18	2.76	conflicting	132	4.88	regain	44	3.36	economically
83	2.46	poverty	17	2.01	immigrant	128	2.10	gain	41	5.93	offensively
77	2.19	emotion	14	2.95	working-class	86	4.85	reconcile	41	7.63	valiantly
71	2.25	disorder	14	2.97	hard-working	79	2.49	adjust	40	2.12	lately
66	3.28	grip	13	2.36	coherent	76	2.85	adapt	35	2.09	consistently
60	2.26	anxiety	13	4.34	disordered	73	2.02	escape	32	5.08	unsuccessfully
59	2.19	math	11	3.01	bipolar	65	2.05	compete	31	3.95	upright

Рис. 4. Коллокация слова *struggle* («бороться»)

Как можно заметить, контексты и коллокации данных слов соответствуют их смыслу, передающему противостояние, в той или иной степени агрессивное или пассивное. Это делает данные слова не всегда адекватными для передачи смысла выражения «доучжэн».

Некоторые западные журналисты уже заметили эту особенность китайского выражения «доучжэн» в современную эпоху. Ким и Притерч указывают, что в своей речи на XX съезде партии Си Цзиньпин использует «доучжэн» как призыв к партии принять «боевой дух и твердую решимость никогда не поддаваться силе принуждения». Фактически «доучжэн» встречается в шести различных контекстах. Четыре из них связаны с военной сферой, а еще два призывают китайский народ противостоять внешнему вмешательству. Чаще всего (семь раз) «доучжэн» использовалось по отношению к духу борьбы как личной ценности — например, в контексте 发扬斗争精神 («Продвигать вперед дух борьбы»). Еще пять связаны с антикоррупционной деятельностью, три — с «великой борьбой» КПК за продвижение дела социализма с китайской спецификой и одно — с внутренней борьбой с преступностью (Kim, Prytherch 2023).

Такая интерпретация еще не получила широкого распространения и не является полной. Более того, как недавно со всей очевидностью разъяснил Ву, «доучжэн обрело метафорическое значение в качестве средства / процесса достижения целей, преодоления трудностей и закрепления достижений», но «такой подход к пониманию этого выражения отсутствует в большинстве переводов» (Wu 2024). В любом случае, когда англоязычная аудитория видит слова

«сражаться» или «бороться», за ними через их базовое значение и употребление она предпочитает видеть «людей, эмоционально склонных к физическому конфликту» (Wu 2024: 13).

Многозначность «доучжэн» в китайской культуре требует более четких объяснений его конкретных значений в различных контекстах. Например, мы можем использовать фразу *to overcome difficulties* («преодолевать трудности»), чтобы передать 斗争 в предложении 务必敢于斗争, 善于斗争 («мы должны иметь мужество **преодолевать трудности** и уметь **преодолевать трудности**»), поскольку «доучжэн» здесь относится к общему отношению членов коммунистической партии к проблемам. *Development* («развитие») или *progress* («прогресс») можно использовать для передачи доучжэн в 义无反顾进行具有许多新的历史特点的伟大斗争 («без колебаний осуществлять великое развитие со многими новыми историческими чертами»), поскольку здесь оно подчеркивает развитие китайского общества. *Fight* («сражение») или *battle* («битва») можно использовать для перевода «доучжэн», когда речь идет о вмешательстве со стороны иностранных государств, отделении Тайваня от Китая и коррупции в самой КПК. Например: 我们坚决开展反分裂、反干涉重大斗争 («Мы решительно ведем великую **борьбу** против сепаратизма и внешнего вмешательства») и 反腐败斗争 («**борьба** с коррупцией») и т. д.

4. Заключение

«Доучжэн» не является выражением, означающим войну или борьбу против других людей. Оно воплощает более динамичные и непрерывные характеристики, чем термин «конкуренция», который часто использовал Дж. Байден, бывший президент США. Использование Байденом слова «конкуренция» фокусируется на желании и смелости получить преимущества и менталитете «Америка прежде всего». Напротив, «доучжэн» глубоко укоренен в китайских культурных особенностях и больше соответствует китайскому контексту. Этот контекст должен учитываться и при переводе выражения на какой-либо иной язык. Такой подход помогает преодолеть разрыв между различными культурными пониманиями.

Кроме того, «доучжэн» призывает к исследованию и анализу с различных точек зрения и дисциплин, таких как история, социология, психология и международные отношения. Рассматривая «доучжэн» через их призму, мы можем получить более глубокое и более тонкое понимание его значения и последствий данной трактовки этого выражения для Китая и мира.

Реализация этих стратегий может сократить неправильное прочтение «доучжэн» на Западе, способствуя лучшему пониманию и сотрудничеству между Китаем и Западом. Этот комплексный подход не только улучшает межкультурную коммуникацию, но и способствует взаимному уважению и сотрудничеству. Углубляясь в историческое и культурное значение «доучжэн», мы можем оценить его уникальную роль в китайском дискурсе и его более широкое влияние на мировое взаимодействие.

В общем, «доучжэн» — это многогранная концепция, которая выходит за рамки простых представлений о конкуренции или конфликте. Она отражает непрерывный и динамичный процесс, который является неотъемлемой частью китайской культуры и общества. Признавая и уважая эти нюансы, мы можем способствовать более точному и чуткому пониманию «доучжэн» и его значения как в китайском, так и в глобальном контексте. Это понимание имеет решающее значение для построения более крепких, более кооперативных отношений между Китаем и остальным миром.

Список литературы / References

- Bandurski, David. (2019, September 6) The Party Is Struggling. *China Media Project*. Retrieved from <https://chinamediaproject.org/2019/09/06/the-party-is-struggling/> (2024, January 24).
- Davies, Mark. (2009) The 385 + million word Corpus of Contemporary American English (1990-2008+): Design, architecture, and linguistic insights. *International Journal of Corpus Linguistics*, 14, 159–190. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.1075/ijcl.14.2.02dav> (2024, January 24).
- Freiberg, J. W. (1977) The dialectic in China: Maoist and Daoist. *Critical Asian Studies*, 1, 2–19.
- Kim, Patricia M., & Prytherch, Mallie. (2023, November 2) *Douzheng: Unraveling Xi Jinping's call for "struggle"*. 2023. Retrieved from <https://www.brookings.edu/articles/douzheng-unraveling-xi-jinpings-call-for-struggle/> (2024, January 29).
- Lam, Oiwan. (2022, October 26) *Explaining the 20th Congress of the Communist Party of China: Struggle and fight*. Retrieved from <https://globalvoices.org/2022/10/26/explaining-the-20th-congress-of-the-communist-party-of-china-struggle-and-fight/> (2024, January 24).
- Legge, James. (1863) Preface. In *The I Ching*. New York: Dover Publication, Inc.
- Legge, James. (1865) *The Chinese Classics. Vol. III. The Shoo King or The Book of Historical Documents*. London: Trubner & Co., Paternoster Row.
- Louie, Kam. (2008) Defining modern Chinese culture. *The Cambridge Companion to Modern Chinese Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 1–19.
- Pomfret, John, & Pottinger, Matt. (2023, March 29) Xi Jinping Says He Is Preparing China for War: The World Should Take Him Seriously. *Foreign Affairs*. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/united-states/xi-jinping-says-he-preparing-china-war> (2024, January 29).
- Wu, Yang. (2024) The fight metaphor in translation: From patriotism to pragmatism. *Target*, Vol. 36, Iss. 1, 50–75.

- Xu, Yusu. (2014) On the Application of Corpus of Contemporary American English in Vocabulary Instruction. *International Education Studies*, Vol. 7, Iss. 8, 68–73.
- Zhao, Suisheng. (2016) Xi Jinping's Maoist Revival. *Journal of Democracy*, Vol. 27, Iss. 3, 83–97.
- 李祺, 梁大伟. “三个务必”的生成逻辑、核心要义与实践要求. *湖南农业大学学报 (社会科学版)*. 2023, 1. 7–13+34. [Li, Qi, & Liang, Dawei. (2023) The generation logic, core essence and practical requirements of the “three musts”. *Journal of Hunan Agricultural University (Social Science)*, 1, 7–13+34. (In Chinese)].
- 汤志华. “三个务必”的深刻内涵、内在关系和重大意义. *新视野*. 2023, 1. C. 21–28. [Tang, Zhi-hua. (2023) Deep Meaning, Inner Connection and Significance of “Three Requirements”. *Expanding Horizons*, 1, 21–28. (In Chinese)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Corpus of Contemporary American English (COCA). Retrieved from <https://www.english-corpora.org/>.
- Han Fei Tzu: *Basic Writings*. (1964) New York & London: Columbia University Press.
- Karl Marx·Friedrich Engels *Werke*. (1979) Band 36. Berlin: Dietz Verlag Berlin.
- Mencius. (1970) *The Works of Mencius*. New York: Dover Publications, Inc.
- Xi, Jinping. (2023) *Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Strive in Unity to Build a Modern Socialist Country in All Respects: Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China*. Beijing: Foreign Languages Press.
- 毛泽东. 毛泽东选集 (第一卷). 北京: 人民出版社. 1991. [Mao Zedong. (1991) *Selected Works of Mao Zedong* (Volume 1). Beijing: People's Press. (In Chinese)].
- 马克思. 马克思恩格斯全集 (第三十六卷). 北京: 人民出版社. 1975. [Marx K. (1975) *Marx and Engels Collected Works* (Volume 36). Beijing: People's Press. (In Chinese)].
- 习近平. 习近平谈治国理政 (第三卷). 北京: 人民出版社. 2020. [Xi Jinping. (2020) *Xi Jinping: The Governance of China* (Volume 3). Beijing: People's Press. (In Chinese)].
- 习近平. 习近平谈治国理政 (第三卷). 北京: 人民出版社. 2020. [Xi Jinping. (2023) *Xi Jinping: The Governance of China* (Volume 3). Beijing: People's Press. (In Chinese)].

Словари / Dictionaries

- Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fight>.
- Longman Dictionary. Retrieved from <https://www.ldoceonline.com/dictionary/fight>.
- Merriam-Webster Dictionary. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/fight>.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111.09''1888/1952''

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-103-116

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ОБЪЕКТИВА: ГРАНИЦЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ (на материале произведений *A Spoilt Negative* Э. У. Хорнунга и *The Little Photographer* Д. дю Морье)

Т. А. Полуэктова

Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия

Статья посвящена практически не исследованному в отечественном литературоведении образу подглядывающего фотографа, проблеме пересечения этических границ и вытекающих из этого последствий. В рассказе *A Spoilt Negative* Э. Хорнунга и новелле «Маленький фотограф» Д. дю Морье пересечение границ, выступающее главной сюжетной коллизией, можно обозначить как смыслообразующее явление, способствующее конструированию иерархии смыслов. Так, фотограф в рассказе Э. Хорнунга создает фото своей тайной возлюбленной, желая обладать хотя бы ее изображением. Однако «фотоподглядывание» становится ей известным, а фотограф совершает роковую, на первый взгляд, ошибку: в результате наложения одного негатива на другой получается «испорченный» негатив. Несмотря на это, фотограф прощен, финал благополучен. Нарушение границ, окрашенное писательской иронией, приводит к созданию семьи как главной ценности викторианской эпохи. Трагический исход ожидает тайный союз курортного фотографа и замужней женщины в новелле Д. дю Морье «Маленький фотограф»: созданные снимки носят компрометирующий характер, после гибели фотографа ставя под угрозу брак маркизы. Статичные изображения, представляющие различные статусы маркизы, создают ее многогранный образ, способствуя углубленному психологизму всей новеллы. Автор статьи приходит к выводу о функциональности фотографии в рассказе *A Spoilt Negative* Э. Хорнунга и новелле «Маленький фотограф» Д. дю Морье. Принадлежность этих текстов различным историко-литературным периодам обуславливает как прагматику фотографий, так и образ их создателя — человека, стоящего по другую сторону объектива.

Ключевые слова: фотограф; фотографический экфрасис; Э. У. Хорнунг; *A Spoilt Negative*; Д. дю Морье; «Маленький фотограф».

Цитирование: Полуэктова Т. А. По другую сторону объектива: границы и последствия (на материале произведений *A Spoilt Negative* Э. У. Хорнунга и «Маленький фотограф» Д. дю

Морье) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 103–116. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-103-116.

**On the Other Side of the Camera Lens: Limits and Consequences
(Based on E. W. Hornung's *A Spoilt Negative*
and D. Du Maurier's *The Little Photographer*)**

Tatyana A. Poluektova

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia

The article is devoted to the image of a peeping photographer, which has remained virtually unexplored in Russian literary studies: the problem of crossing ethical boundaries and the consequences that follow. In the story *A Spoilt Negative* by E. Hornung and the novella *The Little Photographer* by D. du Maurier, crossing boundaries, which is the main plot collision, can be designated as a meaning-forming phenomenon that contributes to the construction of a hierarchy of meanings. Thus, the photographer in E. Hornung's story creates a photo of his secret lover, wanting to possess at least her image. However, this instance of "photo peeping" becomes known to her, and the photographer makes a mistake that looks fatal at first glance: as a result of superimposing one negative on another, a "spoiled" negative is obtained. Despite this, the photographer is forgiven, and the ending is happy. The violation of boundaries, colored by the writer's irony, leads to the creation of a family as the main value of the Victorian era. The secret union of a resort photographer and a married woman in D. du Maurier's short story *The Little Photographer* ends tragically: after his death, the pictures he had taken earlier become compromising, threatening the marriage of the Marquise. Static depictions of the Marquise's different statuses construct her multidimensional portrayal, enhancing the narrative's psychological depth. The author of the article comes to the conclusion about the functionality of photography in *A Spoilt Negative* by E. Hornung and *The Little Photographer* by D. du Maurier. Since these stories belong to different historical and literary periods, this fact alone in many ways determines both the pragmatics of the photographs in the narrative and the specifics of the image of their creator as the man on the other side of the lens.

Key words: photographer; photographic ekphrasis; E. W. Hornung, *A Spoilt Negative*, D. du Maurier, *The Little Photographer*.

Citation: Poluektova, Tatyana A. (2025) On the Other Side of the Camera Lens: Limits and Consequences (Based on E. W. Hornung's *A Spoilt Negative* and D. Du Maurier's *The Little Photographer*). *LUNN Bulletin*, 2 (70), 103–116. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-103-116.

1. Введение

Весьма вероятно, что образ подглядывающего фотографа в художественной литературе восходит к известной легенде XI в. о молодой леди Годиве, проезжавшей обнаженной на лошади ради спасения жителей города Ковентри от непомерно высоких налогов. Том, составивший исключение и тем

самым нарушивший договоренность, все-таки выглянул в окно, чтобы взглянуть на красавицу, заплатив за это потерей зрения. Известное крылатое выражение «подглядывающий Том» получило художественное осмысление в произведениях писателей о фотографах начиная со второй половины XIX в. Так, с 1860-х гг. в образцах малой прозы, преимущественно в рассказах и новеллах, главным героем зачастую становился фотограф — профессионал либо любитель, — фотографирующий человека без его ведома. При этом писатели уделяли особое внимание описанию как непосредственно процесса создания фотографий, так и их восприятия персонажами.

Рассмотрим репрезентативные образцы в произведениях английских писателей конца XIX и середины XX в., в которых мотив подглядывания фотографом является структурообразующим.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала данного исследования выступили образцы английской малой прозы — рассказ Э. Хорнунга «Испорченный негатив» (*A Spoilt Negative*) и новелла Д. дю Морье «Маленький фотограф» (*The Little Photographer*).

Теоретическую основу работы составили труды по философии фотографии (Р. Барт [Барт 2016], Е. Васильева [Васильева 2019], Л. Н. Полубояринова [Полубояринова 2014], С. Сонтаг [Сонтаг 2013], С. Кук [Cook 2019], С. Шелангоски [Shelangoskie 2013, 2020]), модернизму как явлению в культуре XX в. (Н. П. Михальская [Михальская 1998], Н. И. Рейнгольд [Рейнгольд 2017]), поэтике творчества Э. Хорнунга (М. Данн [Dunn 2016], Н. Мо [Мо 2023]) и Д. дю Морье (Г. А. Анджапаридзе [Анджапаридзе 1989], С. Жижек [Žižek 2005], К. Ренье [Reynier 2018]). В работе применялись следующие методы: культурно-исторический, интермедиаальный, типологический.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Смыслообразующий потенциал «испорченного» негатива в рассказе Эрнеста Хорнунга *A Spoilt Negative*

Образ фотографа представлен в творчестве английского писателя и журналиста Эрнеста Уильяма Хорнунга (E. W. Hornung, 1866–1921), дружившего с А. Конан Дойлом. Писательская ирония направлена на ситуацию с негативами в не переведенном на русский язык рассказе *A Spoilt Negative* («Испорченный негатив»), опубликованном в ежемесячном лондонском иллюстрированном литературном журнале *Belgravia* в 1888 г. и включенном в 1998 г. в критическую антологию *The Short Story and Photography: 1880's-1980's* под редакцией Дж. Рэбб.

Фотографический дискурс проявляется в этом рассказе на нескольких уровнях, начиная с заглавия, отсылающего читателя в мир фотографических

негативов конца XIX в. Главный герой — Дик Оберн (Dick Auburn), который, по словам повествователя, был «художником: ни живописцем, ни скульптором, ни музыкантом, ни тем более почитателем какого-либо изобразительного искусства — и все же художником» (здесь и далее перевод наш. — Т. П.) (Hornung 1998: 2). Опытный фотограф-любитель добросовестно относился к своему делу, предпочитая индивидуальные фотопортреты групповым. Однажды заводчик крупного рогатого скота, старый колонист, обратился к нему с просьбой — сделать снимок выставочных коровы и теленка породы Олдерни. После выполнения заказа Дик увидел Элси Кесвик, спящую в гамаке, свою тайную возлюбленную и «желанную модель» (Ibid.: 7). Желая тайно получить негатив с ее изображением, Дик успевает ее сфотографировать, чувствуя себя при этом успешным грабителем. Однако читателю, в отличие от Дика, становится известно, что Элси в этот момент притворялась спящей, преследуя определенную цель — разбить вдребезги негатив и «... пресечь в зародыше задуманное им продолжение, — и осыпать его оскорблениями и тем самым полностью уничтожить!» (Ibid.: 10). Для нее важно было понять, действительно ли она для него дороже, нежели его искусство. «Спящая» Элси пытается контролировать ситуацию. Зачастую «она была самой злостной нарушительницей... : дразнила его во время таких важных процессов, как проявка, печать и тонирование; и только она одна осмеливалась захлопнуть крошечной розовой ладошкой отверстие объектива, пока он наводил фокус, ... в результате чего изображение получилось перевернутым» (Ibid.: 5).

Поставив «темную палатку» — фотолабораторию, Дик приступил к проявлению негатива. Однако результат был ошеломляющим для обоих: «...на пластине были форма и лицо Элси — черные, как чернила, конечно, с обычной инверсией света. Но из стройной головы торчали два больших рога — из-под ног свисал безошибочно узнаваемый хвост — она явно опиралась на четыре раздвоенных копыта, а ее рука лежала на спине существа, напоминавшего уродливую черную собаку! ... В результате получилось буквальное и лаконичное изображение Красавицы и Чудовища» (Ibid.: 14). Этот непреднамеренный снимок явился результатом ошибки Дика: при фотографировании вместо нового негатива он использовал негатив с фермерской призовой коровой. Оскорбленная и плачущая Элси обвинила Дика в заранее продуманной вульгарной уловке, чтобы выставить ее схожей с этим животным. Не находя себе места, Дик был полон решимости выпить химикаты в качестве смертельного яда. После ситуации умолчания читатель становится свидетелем примирения и обоюдного принятия решения персонажами: «Мы сохраним негатив навеки веков. Он будет храниться для потомков как непрерывная летопись!» (Ibid.: 15).

Начиная с 1860-х гг. викторианцы были осведомлены не только о документальной силе фотографии, но и о возможности фотографических манипуляций. Достаточно распространенной была техника двойной экспозиции, суть которой заключалась в том, что объединение двух фотонегативов приводило к созданию одного позитивного изображения, предполагавшего различные варианты использования и интерпретации (Cook 2019: 74). Многие профессиональные фотографы использовали в различных целях технические знания о фотографии, нередко выступавшей средством обмана викторианцев, несмотря на то что «к середине девятнадцатого века широкая общественность была знакома с идеей о том, что с помощью фотографии можно манипулировать и что ее часто использовали с этой целью в определенных контекстах. Манипулирование было распространено в художественной и спиритической фотографии, и манипулятивные приемы, характерные для этих сфер, часто становились известными публике» (Ibid.: 75). Создававшийся эффект был наиболее применим в спиритуализме, а именно — в спиритических фотографиях, репрезентировавших псевдовстречу живых с духами умерших людей.

В рассказе Э. Хорнунга испорченный негатив, ставший результатом случайности, выступает определяющим мотивом в развитии любовной линии Дика и Элси (Ibid.: 80). В рамках своего исследования Ю. Т. Натали Мо (Y. T. Natalie Mo) рассматривает рассказ Э. Хорнунга с точки зрения романтического подтекста фотографии (Mo 2023: 82). С одной стороны, обладание негативом частично удовлетворяет его желание вступить со своенравной, но столь любимой им Элси Кесвик в романтические отношения, с другой стороны, «она — настоящий оригинал, гораздо лучший, чем негатив, который он обычно предпочитал вместо легко портящейся фотографии» (Ibid.: 113). Писатель, иронично обыгрывающий ситуацию с испорченным негативом, разрешает ее в романтическом ключе с благоприятным финалом: «...его руки совсем отпустили ее и на мгновение замерли, словно эполеты. Затем каким-то образом он наклонился вперед и привлек ее к себе через три фута стекла и химикатов. Тогда — о, благословенный рубиновый свет! Что значит покрасневшая щека в твоём багровом сиянии?» (Hornung 1998: 15).

Э. Хорнунг предвосхищает счастливый брак Дика Оберна и Элси Кесвик, основанный, безусловно, на искренности и гармонии. В рассказе «Испорченный негатив» писатель преследует цель, напрямую перекликавшуюся с одной из задач викторианского романа, дидактичного по определению, — утверждение культа семьи, семейных ценностей и добродетелей, в котором «крайне редко брак выступал ненадежным средством обеспечения счастливого финала» (Рейнгольд 2017: 68). Соответствует традиции и рыцарское поведение Дика Оберна, обусловленное природным благородством и кодексом викторианского джентльмена.

Таким образом, «испорченность» негатива способствует благополучной развязке в романтическом духе (Cook 2019: 80). С. Кук, рассматривая рассказ Э. Хорнунга в контексте историй второй половины XIX в. о двойных негативах, утверждает функциональность фотографического дискурса в их поэтике: «Это не просто рассказы о фотографии, а истории, в которых описанная специфическая техника негатива влияет на сюжет и форму. Двойная экспозиция влияет на сюжет каждой истории, в то время как двойные негативы усиливают этот эффект на уровне повествовательной структуры» (Ibid.: 78). Фотографический дискурс проявляется в том числе и на лексическом уровне рассказа, включающем такие маркеры, как: футляр с камерой, телескопический штатив, эбонитовые подносы, пирогалловая кислота, аммиак, бромид и др., отражающие специфику создания и проявления фотографий этого периода.

Главный герой — добродушный фотограф-любитель — представлен в рассказе на всех этапах процесса фотографирования: от выбора объекта до непосредственного проявления негативов. Читатель, погружаемый писателем в атмосферу фотографического, словно становится помощником Дика в его фотолаборатории, сравниваемой с подземным миром, откуда «исходили самые отвратительные запахи и испарения. Сам Дик следовал за этими запахами-завхватчиками из преисподней, бледный и измученный, с пятнами на руках — не от крови, конечно, а от какого-то ядовитого химического соединения, которое гораздо труднее было стереть» (Hornung 1998: 3). Представленный портрет фотографа воплощает образ мага, со свойственными ему стереотипными чертами, распространенный среди викторианцев: его «темная палатка» «соответствовала своему назначению, проливая зловещий свет на оккультную алхимию этого истинного волшебника, фотографа, чьи дела на самом деле являлись делами тьмы» (Ibid.: 7). Э. Хорнунг, несмотря на то что иронично обыгрывает фотографическую «неудачу» Дика, использует при создании его образа маркерные черты, отражающие распространенное восприятие фотографа второй половины XIX в.: маг, волшебник, «грабитель», принадлежащий подземному миру, окутанный тьмой и связанный с оккультизмом.

Образ фотографа, окруженный ореолом таинственного и сверхъестественного, часто встречается в мистической фотоэкфрастической прозе середины XIX в.: например, в рассказе *Tale of a Dry Plate* («Рассказ о сухой пластинке», 1885) британского прозаика Уильяма Гилберта (William Gilbert, 1836–1911). Детальное описание процесса проявления пластинок схоже с колдовством, а фотограф, проникающий в темный мир мертвых, подобен магу.

Социокультурная проблематика рассказа напрямую связана с интенцией фотографа, запечатлевающего человека без его ведома, и ее последствиями. Э. Хорнунг в рассказе обыгрывает эту ситуацию, в то время как уже в конце XIX — начале XX в. это стало настоящей проблемой, не говоря о конце XX —

начале XXI в. Обвиняя Дика в целенаправленной уловке, Элси называет его «чудовищем» и «Брутом». Ее страх заключается не только в том, что он создал чудовищный образ. Опасения Элси связаны с тем, что с негатива, в отличие от дагеротипа, возможно снять бесконечное количество копий, и тогда ее репутация будет поколеблена. Если бы Дик преследовал именно эти цели, опасения были бы не напрасны.

Исследователи, занимающиеся спецификой восприятия фотографии во второй половине XIX — начале XX в., единодушны в обозначении такого пространственного чувства, как опасения перед камерой, вызывающие «страх перед фотографией — это страх глубокого проникновения: в личное нутро, тело, разум — и в конечном итоге проникновение во что-то настолько глубокое и непознаваемое, что его можно обозначить лишь приблизительно такими терминами, как “душа” или “дух”» (Dunn 2016: 142).

Сьюзен Шелангоски отмечает определенную обеспокоенность человека конца XIX в. относительно фотографии, начинающей влиять на частную жизнь, и указывает на переосмысление в художественных произведениях реальных ситуаций: «...эти истории переосмысливают коммерческие сюжеты из периодической печати, изображающие фотографов как корыстных спекулянтов, наживающихся на ничего не подозревающей публике» (Shelangoskie 2013: 99). Одним из аргументов в подтверждение этого мнения служит иллюстрация на обложке американского еженедельного сатирического журнала *Puck* от 15 июля 1891 г. (vol. XXIX, iss. 749), отражающего злободневные вопросы. На ней изображена девушка, идущая по пляжу, на которую направлены фотоаппараты более двадцати довольных фотографов-мужчин, заполонивших все пространство: на пляже, воздушном шаре, пароходе и др. Изображение указывает на тенденцию, связанную с повсеместным распространением фотоаппарата, с тем, что с 1880-х гг. процесс фотографирования, как и сами фотоаппараты, упростился и стал более доступным для освоения, а нечистые на руку фотографы использовали это в своих корыстных целях: «...пресса начала изображать фотографа как надоедливую и потенциально опасную вредителя, а “кодакинг” рассматривался как социальная чума, которую следует сдерживать законом» (Madloch 2016: 378).

Опираясь на газетные материалы конца XIX в., С. Шелангоски отмечает, что в это время в активном употреблении было обозначение *camera fiend* («камер-монстр»), представляющее собой «особый дискомфорт относительно ... использования фотографических технологий в рамках установленных норм приличия» (Shelangoskie 2020: 721). Нарушение личных границ, принявшее угрожающую форму, отразилось и в не переведенном на русский язык романе Э. В. Хорнунга *The Camera Fiend* (1911). Воплощением фотозлодея выступает ученый-изобретатель, создавший камеру для антигуманных экспериментов: он

охотился за человеческой душой, покидающей тело. Экстраординарная кощунственность эксперимента воплощена и в самом устройстве, представлявшем собой пистолет и камеру с разных сторон. На обложке издания, выполненного в черно-красной гамме, изображен человек, сосредоточенно-злобно смотрящий на читателя и держащий портативную камеру, создавая эффект присутствия.

3.2. Прагматика компрометирующих фотографий в новелле Д. дю Морье «Маленький фотограф»

Спустя более полувека, в начале 1950-х гг., английская писательница Д. дю Морье, словно ведя диалог с Э. Хорнунгом, художественно осмысляет изменившиеся представления о фотографе, пересекающем границу дозволенного, и возможностях фотографии как таковой. Если в рассказе писателя конца XIX в. благодаря «испорченной» фотографии все заканчивается благополучно, то в новелле Д. дю Морье «Маленький фотограф» (*The Little Photographer*, 1952) снимки приобретают ярко выраженный компрометирующий статус и стоят фотографу жизни. Теперь не только и не столько технические возможности камеры становятся подспорьем его стратегии, сколько психологически-изощренные уловки, подкрепленные камерой.

В начале новеллы мы знакомимся с маркизой, отдыхающей с двумя детьми и гувернанткой на морском побережье. Брак с богатым, знатным и немолодым, за сорок, Эдуаром обеспечил ее финансовое благополучие, роскошь, повлекшие за собой однообразие и пресыщение жизнью: «Прилечь отдохнуть, встать, снова прилечь — вся жизнь проходит в чередовании этих нескончаемых “отдыхов”» (Дю Морье 1989: 100).

Знакомство с мосье Полем, местным курортным фотографом, дало ей необходимые эмоции — восторг и упоение, которых она не получала от занятого мужа. Ее привлекала в фотографе его покорность и самозабвенная преданность, а также врожденная хромота, вызывавшая жалость. Папоротниковая поляна на скалистом мысе вдаль от наполненного отдыхающими пляжа стала местом их тайных встреч и фоном для фотографий. Спустя две недели, когда маркиза, перестав ощущать прелесть этих свиданий, пыталась всячески задеть его самолюбие, фотограф решительно объявил, что всю жизнь, тайно, будет следовать за ней. Ощувив на себе ее презрение, мосье Поль со всей серьезностью пригрозил ей оглаской фотографий мужу, у которого, по его словам, «не останется никаких сомнений в том, что вы ему неверны, что вы испорченная женщина» (там же: 126). Ощувив панический ужас, маркиза, не владея собой, столкнула с обрыва нагнувшегося за своей палкой фотографа, тело которого было поглощено морем. Спешно приехавший через пару дней из Парижа по ее вызову Эдуар привнес, на первый взгляд, прежний покой в жизнь маркизы. Но ненадолго: сестра фотографа, убитая горем, практически перед отъездом

семейства предъявила маркизе найденные ею снимки — доказательства свиданий: «Собственно говоря, она (маркиза. — Т. П.) даже и не знала об их существовании. Это были фотографии, снятые в папоротниках. Да, да, там, на поляне, забыв обо всем на свете, полная страстной неги, она частенько дремала, положив под голову его куртку, и слышала сквозь сон, как щелкает камера. Это придавало их встречам особую пикантность. Некоторые снимки он ей показывал. Но этих она не видела» (там же: 136). Новелла заканчивается отъездом и долгосрочным соглашением между маркизой и сестрой фотографа, обещающей в самое ближайшее время навестить их в Париже.

Новелла Д. дю Морье, так же как и рассказ Э. Хорнунга, включена в упомянутую выше антологию под редакцией Дж. Рэбб, что уже само по себе указывает на основополагающую роль темы фотографии в произведении. В многочисленных зарубежных исследованиях, посвященных новелле Д. дю Морье «Маленький фотограф», точки зрения литературоведов во многом созвучны друг другу относительно функциональной специфики фотографии. Так, итальянский исследователь Ремо Цезерани отводит теме фотографии в новелле — и это действительно так — центральную роль и отмечает присущую ей функциональность на уровне образа главного героя, темы и проблематики (Ceserani 2011: 93). Кристин Рейнье, профессор английской литературы, исследуя в новелле взаимосвязь вербального и визуального (в данном случае — фотографического), утверждает, опираясь на терминологию Ирины Раевски, что «интермедиальные отсылки» (*intermedial references*) позволяют Д. дю Морье расширить потенциал фотографии в художественном тексте (Reynier 2018: 90). Выступая в качестве смыслообразующих стратегий, они представлены «только одной средой — референтной (в отличие от среды, на которую ссылаются). ...данный медиапродукт тематизирует, вызывает в памяти или имитирует элементы или структуры другой, традиционно отличной среды, используя свои собственные медийные средства» (Rajewsky 2005: 53). Исходя из фотографической насыщенности (*photographic saturation*), усложняющей тривиальный сюжет новеллы «Маленький фотограф», К. Рейнье определяет функциональность фотографии как структурного мотива и катализатора сюжета (Reynier 2018: 91).

Как видим, по сравнению с рассказом Э. Хорнунга, в котором фотографический казус приводит к созданию семьи, в новелле Д. дю Морье фотографии выступают компроматом, который в одно мгновение может разрушить столь успешный и респектабельный брак. Брак сохранен. Однако какой ценой?

Концептуальным в новелле является мотив пересечения границ (этических, личных, социальных): маркиза, желая приблизить фотографа к себе, позволяет ему фотографировать себя, и с каждым разом все ближе и ближе. Инициатором пересечения границ в отношениях с фотографом становится именно

маркиза, давшая ему возможность для дальнейших ухаживаний. Однако, когда он стоит по другую сторону объектива, власть, несмотря на социальную дистанцию, находится в его руках. Изначально это представлено в эпизодах создания общего фото с детьми, затем ее портрета: «Он взял ее руку и придал ей желаемое положение, а потом, очень осторожно и нерешительно коснувшись подбородка, слегка приподнял ей голову» (Дю Морье 1989: 109). Встречи во время утренних сеансов контрастны по сравнению с «неожиданной интимностью дневных свиданий в папоротнике под палящими лучами солнца» (там же: 122), когда весь городок погружен в сиесту. Оказавшись наедине с маркизой, мосье Поль выступает инициатором, создавая фото на фоне пейзажа, приближаясь к ней и фамильярно сравнивая ее с «красавицей в заколдованном лесу»: «На этот раз он не делал никаких указаний, не просил ее принять позу или переменить положение. Он фотографировал ее так, как она сидела, лениво покусывая стебелек цветка. Теперь двигался он сам, заходя то с одной, то с другой стороны, делая снимки во всех ракурсах — анфас, профиль, три четверти» (там же: 115). Согласимся с К. Рейнье, определяющей фотографа в новелле как манипулятора: пассивность маркизы среди папоротников оттеняется его деятельной активностью, несмотря на физический недуг. Очевидно, что фотоаппарат, как впоследствии и компрометирующие фотографии, становится в новелле символом силы, власти и подчинения. В этом единодушны как зарубежные, так и отечественные исследователи. Так, например, с точки зрения С. Сонтаг, «сфотографировать человека — значит совершить над ним некоторое насилие: увидеть его таким, каким он себя никогда не видит, ... словом, превратить его в объект, которым можно символически владеть» (Сонтаг 2013: 27). Созвучным является утверждение: «Кадр — это форма владения миром, способ подчинения его своим желаниям и воле. ...[он] обладает силой изменить мир» (Васильева 2019: 222). Сестра мосье Поля, обладательница этих фотографий, несмотря на разницу статусов, становится хозяйкой положения и, по сути, властительницей жизни бездушной маркизы, сравниваемой Р. Цезерани с чудовищем: «Il vero mostro, naturalmente, è lei» (Ceserani 2011: 94).

Славой Жижек (Slavoj Žižek), анализируя рассказы Д. дю Морье, в т. ч. и новеллу «Маленький фотограф», определяет общую черту, свойственную поэтике ее малой прозы: «вторжение неожиданного фактора», нарушающего «“нормальный” ход вещей» и разрушающего «перспективу счастливой, спокойной жизни пары» (Žižek 2005). «Странное влечение к низкопробному, по-собачьи преданному, отталкивающему любовнику» — прямолинейная констатация С. Жижеком «вторжения» в жизнь маркизы (Ibid.). Также небезынтересно и другое его наблюдение, основанное на альтернативной версии, т. е. без «вторжения». В таком случае эта история была бы зарисовкой о красивой девушке, достигшей главной цели в жизни — выгодного замужества, однако обреченной

вести «удушающее, стерильное существование», наполненное «пустыми семейными ритуалами», ограничивающими ее от животворящей наполненности реальной жизни (Ibid.). По авторитетному мнению Г. Анджапаридзе, «“Маленький фотограф” может показаться историей довольно банального адюльтера пресыщенной, скучающей молодой маркизы и бедного фотографа-инвалида» (Анджапаридзе 1989: 7). Обозначенные точки зрения подтверждают функциональную нагрузку образа фотографа в структуре всей новеллы.

Поэтика фотографии, лежащая в основе структурно-содержательного уровня новеллы Д. дю Морье, эксплицируется в заглавии, оправдывающем читательские ожидания. Определение «маленький», в первую очередь, спроецировано на физические особенности фотографа: его невысокий рост и присущую ему хромоту. Кроме того, писательница метафорически это обыгрывает: созданные им фотографии становятся после его смерти воплощением силы, приобретая всеохватывающий масштаб в дальнейшей судьбе маркизы. Недосказанность, открытость и неопределенность финала, являющиеся визитной карточкой художественного метода Д. дю Морье, позволяют читателю — свидетелю закадровых событий — простроить вариативность их компрометирующей силы в дальнейшем развитии семейной линии новеллы.

Творческий метод Д. дю Морье, включающий элементы модернистской поэтики (Михальская 1998; Рейнгольд 2017 и др.), репрезентирован в анализируемой новелле на разных уровнях: повествовательном, характерологическом и др. Так, отсутствие всезнающего автора восполняется повествованием, представляющим собой скользящий взгляд рассказчика, подобный объективу фотоаппарата.

Несмотря на то, что в новелле отсутствуют фотографические экфрасисы, т. е. описания фотографий, категория взгляда реализуется за счет авторского внимания, сконцентрированного на восприятии снимков сквозь призму сознания того или иного персонажа (маркизы, сестры фотографа). В случае с предположительно откровенными снимками маркизы, выступающими «пуантирующими» элементами новеллы, можно говорить о них как о воплощении бартовского пункта (*punctum*) (рана, укол, отметина) (Барт 2016). Фотография, используя характеристику Р. Барта, «приключается» в маркизе, а пункт, воплощенный в фотографии, воспринимается ею как «переживаемый момент “катастрофальности” фотографического изображения» (Полубояринова 2014: 621).

Д. дю Морье, вслед за В. Вулф, демонстрирует изменчивость и подвижность истинного «я» человека, что, безусловно, усиливает психологизм новеллы. Так, статика запечатленных образов маркизы, например на фото с детьми, дополняется тайной компрометирующих снимков, а их совокупность высвечивает грани ее личности: «...есть люди нравственные, есть безнравственные, а есть и такие, к которым этот критерий неприменим — в силу

воспитания и характера они находятся вне этических норм вообще» (Анджапаридзе 1989: 8–9).

4. Заключение

Таким образом, репрезентация Э. Хорнунгом и Д. дю Морье художественного потенциала фотографического дискурса в рассказе *A Spoilt Negative* и новелле «Маленький фотограф» позволяет говорить об экспериментальности их прозы, созвучной изменениям, происходившим в визуальной культуре со второй половины XIX в. и предвосхитившим авторитет визуального в конце XX — начале XXI в.

Совершенно очевидно, что образ фотографа, пересекающего границы дозволенного, представлен и в произведениях современных писателей. По нашим наблюдениям, фотограф все чаще становится агрессором, провокатором, преследующим своих жертв. Так, например, американской писательницей Сири Хустведт в романе «Печали американца» (*The Sorrows of an American*, 2008) создан образ фотографа (Джеффри Лейн), врывающегося в жизнь других персонажей посредством фотографий, сделанных им исподтишка. Для него «...такие вот налеты были чем-то вроде горячительного. Кто-то ворует, этот фотографирует. Тоже, по сути дела, ворует. Ворует изображения» (Хустведт 2011: 175). Эти изображения, как результат «маниакального документализма» (там же: 123), содержат в себе враждебность и агрессию: тасуя и коллажируя их с помощью цифровых технологий, создавая, по его словам, «ремейк мироздания», фотограф, не задумываясь, делает их достоянием общественности в рамках организованной им фотовыставки. Неудивительна реакция сфотографированных: чувство растерянности, унижения, словно их ограбили. Однако таков современный мир, отменяющий реальность взамен на виртуальность и пронизанный «цифровой магией»: «Только симулякры, чувак!» (там же: 322). Интенция Джеффри Лейна откровенно созвучна философии постмодернистской парадигмы, с характерным для нее нивелированием общего и частного, доведенным до предела и оправдывающим нарушение границ, в частности посредством вездесущности фотоаппарата и многообразных цифровых практик как основной приметы эры постфотографии (W. J. T. Mitchell).

Список литературы / References

- Анджапаридзе Г. Обыденность и тайна (вступит. ст.) / Дю Морье Д. Не позже полуночи: рассказы. Ленинград: Лениздат, 1989. С. 5–10. [Andzhaparidze, Georgij. (1989) Obydennost' i tajna (vstupit. st.) (Ordinariness and Mystery) / In Dyu Mor'e D. *Ne pozzhe polunochi* (Not After Midnight): rasskazy. Leningrad: Lenizdat, 5–10. (In Russian)].

- Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии [1980] / Пер. с франц. М. Рыклина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. [Barthes, Roland. (2016) *Camera lucida. Kommentarij k fotografii*. Per. s franc. M. Ryklina (Camera Lucida. Comments on Photos. Trans. by Ryklin, Mihail). Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian)].
- Васильева Е. Фотография и внелогическая форма. М.: Новое литературное обозрение, 2019. [Vasil'eva, Ekaterina. (2019) *Fotografiya i vnelogicheskaya forma* (Photography and Non-logical Form). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)].
- Михальская Н. П. Модернизм. Английская и ирландская литература / Дудова Л. В., Михальская Н. П., Трыков В. П. Модернизм в зарубежной литературе. Москва: Флинта, Наука, 1998. С. 3–149. [Mihal'skaya, Nina P. (1998) Modernizm. Anglijskaya i irlandskaya literature (Modernism. English and Irish literature). In Dudova, Lyudmila V., Mihal'skaya, Nina P., & Trykov, Valerij P. *Modernizm v zarubezhnoj literature* (Modernism in Foreign Literature). Moscow: Flinta: Nauka, 3 – 149. (In Russian)].
- Полубояринова Л. Н. Шарль Бодлер и Вальтер Бенъямин о фотографии (эстетический и политический аспекты) [Электронный ресурс]// Древняя и Новая Романия. 2014. № 13. С. 615–629. Url: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21609876> (дата обращения: 20.02.2025). [Poluboyarinova, Larisa N. (2014). SHarl' Bodler i Val'ter Ben'yamin o fotografii (esteticheskij i politicheskij aspekty) (Charles Baudelaire and Walter Benjamin about Photography (Aesthetic and Political Aspects)). *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 13, 615–629. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=21609876> (2025, February 20). (In Russian)].
- Рейнгольд Н. И. Модернизм в английской литературе: История. Взгляды. Программные эссе. 2-е изд., перераб. Москва: РГГУ, 2017. [Rejngol'd, Natalya I. (2017) *Modernizm v anglijskoj literature: Istoriya. Vzglyady. Programmnye esse* (Modernism in English Literature: The History, the Views and the Key Essays). 2-e izd., pererab. Moscow: RGGU. (In Russian)].
- Сонтаг С. О фотографии / пер. с англ. В. Голышева. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2013. [Sontag, Susan. (2013) *O fotografii*. Per. s angl. V. Golysheva (On Photography. Trans. by Golyshev, Viktor). Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian)].
- Ceserani, Remo. (2011) *L'occhio Della Medusa. Fotografia e Letteratura*. Torino: Bollati Boringhieri. (In Italian).
- Cook, Susan E. (2019) *Victorian Negatives. Literary Culture and the Dark Side of Photography in the Nineteenth Century*. New York: Suny Press.
- Dunn, Melissa D. (2016) *Transparent Interiors: Detective and Interiors: Detective and Mystery Fiction in the Age of Photography*: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. New York: CUNY.
- Madloch, Joanna. (2016) Remarks on the Literary Portrait of the Photographer and Death. *Interdisciplinary Literary Studies*, 18(3), 372–394.
- Mo, Natalie Y. T. (2023) *Victorian Tinder: Examining New Media Technologies in the Nineteenth-Century Marriage Plot*: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. London: Queen Mary University of London.
- Rajewsky, Irina O. (2005) Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality. *Intermedialités*, 5, 43–64.
- Reynier, Christine. (2018) Beyond cinema: Daphne du Maurier's Intermedial Experiments in "The Little Photographer" (1952). *Short Fiction in Theory & Practice*, 8 (1-2), 89–97.
- Shelangoskie, Susan. (2013) Domesticity in the Darkroom: Photographic Process and Victorian Romantic Narratives. *Lit: Literature Interpretation Theory*, 24(2), 93–111. DOI: 10.1080/10436928.2013.785170.

- Shelangoskie, Susan. (2020) Rethinking Propriety in the Age of Instantaneous Photography: E. W. Hornung's *Camera Fiend*. *Victorian Literature and Culture*, 48(4), 721–744.
- Zižek, Slavoj. (2005) *Are we allowed to enjoy Daphnée [sic] du Maurier?* Retrieved from <http://www.lacan.com/zizdaphmaur.htm> (2025, February 15).

Источники языкового материала / Language material resources

- Дю Морье Д. Маленький фотограф // Дю Морье Д. Не позже полуночи: рассказы / пер. с англ. Вероники Салье. Ленинград: Лениздат, 1989. С. 93–139. [Dyu Mor'e, Daphne. (1989) *Malen'kij fotograf* (The Little Photographer). In Dyu Mor'e, Daphne. *Ne pozzhe polunochi* (Not After Midnight): rasskazy. Per. s angl. Veroniki Sal'e (Trans. by Veronika, Sal'e). Leningrad: Lenizdat, 93–139. (In Russian)].
- Хустведт С. Печали американца / пер. с англ. Ольги Новицкой. Москва: Астрель: Corpus, 2011. [Hustvedt, Siri. (2011) *Pechali amerikanca*. Per. s angl. Ol'gi Novickoj (The Sorrows of an American. Trans. by Olga Novickaja). Moscow: Astrel': Corpus, 2011. (In Russian)].
- Hornung, William E. (1998) A Spoilt Negative [1888]. In Rabb, Jane M. (ed.) *The Short Story and Photography 1880s–1980s*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1–15.

УДК 811.161.1'255.2:821.521

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-117-128

О ДАТИРОВКЕ ПУБЛИКАЦИИ «ИСЭ МОНОГАТАРИ» В ПЕРЕВОДЕ Н. И. КОНРАДА

М. А. Кострова ¹, А. Е. Лобков ²

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

² Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

В настоящей статье представлены результаты исследования, посвященного уточнению даты первой публикации памятника художественной литературы Японии – повести «Исэ моногатари» (X в.) – на русском языке в переводе Н. И. Конрада для издательства «Всемирная литература». Материалом для исследования послужили различные версии перевода, изданные в 1920-х гг. как в сборниках, так и в качестве отдельного издания, а также оригинальный текст произведения 1912 г. издания. Распространенным в научной среде является представление о том, что первая публикация увидела свет в 1921 г., хотя оно не имеет под собой достаточного научного обоснования. Применяя биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический методы исследования, а также выполняя сопоставительный анализ текстов перевода, авторы приходят к выводу, что работа над переводом была с большой долей вероятности начата в середине 1922 г., фрагменты перевода были опубликованы в начале 1923 г., отдельным изданием повесть вышла осенью 1923 г. Этот перевод стал началом продуктивного «петроградско-ленинградского» периода работы Н. И. Конрада, во время которого были заложены основы отечественного японоведения и сформированы принципы школы художественного перевода с японского языка на русский.

Ключевые слова: японская литература; Н. И. Конрад; художественный перевод; «Исэ моногатари»; «Всемирная литература».

Цитирование: Кострова М. А., Лобков А. Е. О датировке публикации «Исэ моногатари» в переводе Н. И. Конрада // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 117–128. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-117-128.

On Dating the Publication of *Ise Monogatari* Translated by N. I. Konrad

Maria A. Kostrova ¹, Alexander E. Lobkov ²

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

² Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

This article presents the findings of a study aimed at clarifying the date of the first publication of *Ise Monogatari*, a 10th century Japanese literary classic, in Russian translation by N. I. Konrad for the *Vsemirnaya Literatura* (“World Literature”) publishing house. The research materials included various versions of the translation published in the 1920s, both in anthologies and as a standalone edition, as well as the original 1912 edition of the text. It is widely accepted in scholarly circles that the first publication appeared in 1921, though this claim lacks sufficient academic substantiation. Employing biographical, cultural-historical, and comparative-historical research methods, along with a comparative analysis of the translated texts, the authors conclude that the translation was most likely begun in mid-1922, fragments were published in early 1923, and the standalone edition was released in the autumn of 1923. This translation marked the beginning of N. I. Konrad’s productive “Petrograd-Leningrad” period, during which the foundations of the Soviet/Russian Japanese studies were laid and the principles of the school of literary translation from Japanese into Russian were established.

Key words: Japanese literature; Nikolai Konrad; literary translation; *Ise Monogatari*; *Vsemirnaya Literatura* (“World Literature”).

Citation: Kostrova, Maria A., & Lobkov, Alexander E. (2025) On Dating the Publication of *Ise Monogatari* Translated by N. I. Konrad. *LUNN Bulletin*, 2 (70), 117–128. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-117-128.

1. Введение

В биографиях многих ученых, писателей и поэтов первых послереволюционных лет есть один общий эпизод, а именно – работа в издательстве «Всемирная литература», созданном в конце 1918 г. по инициативе М. Горького. По первоначальному замыслу, издательство должно было заниматься публикацией книг, изданных в различных европейских странах и США в XVIII – начале XX в., «с начала Великой французской революции до Великой революции русской», что, по словам Горького, «даст читателю возможность подробно ознакомиться с возникновением, творчеством и падением литературных школ, с развитием техники стиха и прозы, со взаимным влиянием литературы различных наций и, вообще, всем ходом литературной эволюции в ее исторической последовательности...» (Каталог 1919а: 8). Однако вскоре планы публикаций стали включать как литературы Запада, так и литературы Востока, и хронологические рамки тоже заметно расширились. Для подготовки переводов были созданы два отдела — западный и восточный. Редакционную коллегию экспертов Восточного отдела составили В. М. Алексеев, М. Горький, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Тихонов. В планах Восточного отдела большое место отводилось и художественным переводам японской литературы (Каталог 1919б: 47–49). Японское направление переводческой работы возглавил С. Г. Елисеев, автор программного очерка «Японская литература» (1920), но в связи с эмиграцией Елисеева в 1920 г. во Францию масштабные планы по изданию японской литературы так и остались по большей части нереализованными в связи с отсутствием специалистов по японскому языку и культуре.

Единственной японской книгой, вышедшей во «Всемирной литературе», стала повесть «Исэ моногатари» в переводе Николая Иосифовича Конрада (1891–1970). Следует отметить, что в оформлении ее названия не было единства и подзаголовки тоже заметно отличались. Иллюстративный материал, вероятно, подбирался случайным образом: так, виньетки в тексте имеют своими источниками изображения более поздних эпох: в частности, среди них можно увидеть хризантему — герб императорского дома, использовавшийся с начала эпохи Камакура (1185–1333) и утвержденный официально после реставрации Мэйдзи (1868 г.), — и павлонию — эмблему, также использовавшуюся императорским домом, военными правителями, а в настоящее время — премьер-министром Японии. Непоследовательность в выборе иллюстративного материала в качестве недостатка отмечает в своей рецензии Ол. В. Плетнер (Плетнер 1923: 434).

На обложке название произведения — «Исэ моногатари» с подзаголовком «Повесть древней Японии». На титульном листе заголовок выглядит как «Исэ-моногатари» с подзаголовком «Лирическая повесть древней Японии» с указанием Н. Конрада в качестве автора перевода и предисловия. Место и год издания отсутствуют. Указано издательство: «Всемирная литература, Государственное издательство». На обороте титульного листа в качестве места издания указана «Российская Государственная Академическая Типография». На следующем за титульным листе произведение названо «Исэ-моногатари» с подзаголовком «Японская лирическая повесть начала X века». И если из трех различных подзаголовков, как правило, используют приведенный на титульном листе, то с местом издания, а самое главное — годом издания единства нет.

Тема данной статьи может показаться «мелочной». Казалось бы, какая разница, был ли опубликован перевод «Исэ моногатари» в 1921 г. или 1923 г.? Но для конкретного литературоведения, как его понимал Д. С. Лихачев, «мелочи» — показатель уровня культуры исследования, свидетельство точности, четкости и доказательности.

2. Характеристика материала и методов исследования

При написании данной статьи применялся системный подход к литературе с использованием биографического, культурно-исторического, сравнительно-исторического методов, а также методика сопоставительного анализа переводов. Основным материалом исследования послужили переводы «Исэ моногатари», выполненные Н. И. Конрадом в разные годы.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Вероятно, первым, кто обратил внимание на проблему датировки первой публикации перевода «Исэ-моногатари», был А. Ю. Саран в 2005 г. Характеризуя «орловский период» деятельности Н. И. Конрада (конец 1918 г. – август 1922 г.), он, в том числе, говорит и о его переводах с японского языка (Саран 2005: 208–212), а именно — о «Записках из кельи» Камо-но Тёмэя, опубликованных в Записках Орловского университета в 1921 г., и о повести «Исэ моногатари», опубликованной во «Всемирной литературе». Вместо даты публикации «Исэ моногатари» Саран как ответственный исследователь, соблюдающий научный этикет, дает сноску, в которой пишет, что относительно года издания в литературе «существует разночтение» (Саран 2005: 230).

Действительно, в научной литературе довольно прочно утвердился 1921 г. как дата первой публикации. Такая традиция прослеживается как минимум с 1960 г. Эта дата указывается как в справочных изданиях «Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 г.» (Библиография 1960: 250, 256) и «Краткая литературная энциклопедия» (Иваненко 1966: 239), так и в списках трудов академика Н. И. Конрада (Список трудов 1967: 9; Конрад 1973: 131; Историко-филологические... 1974: 9; Список трудов 1978: 438; Конрад 1994: 28), переизданиях его работ (Конрад 1974: 214; Классическая... 1977: 900) и статьях японистов (Федоренко 1980: 15), в том числе и последнего времени (Железняк 2011: 166; Мещеряков 2018: 118).

Альтернативная дата издания — 1923 г. — также нередко встречается в литературе. Саран пишет, что «утвердившаяся точка зрения о 1921 г.» «оспорена в редакционном предисловии» к новому изданию «Исэ моногатари» (1979), «настаивающем на 1923 г.» (Саран 2005: 230). Однако категоричность слов «оспорена» и «настаивающем» не должна вводить в заблуждение. Действительно, редколлегия авторитетной серии «Литературные памятники», в которой были переизданы переводы «Исэ моногатари» и «Записки из кельи» Камо-но Тёмэя, во вступительной статье несколько раз указывает в качестве даты публикации 1923 г., но упоминание об альтернативной дате издания и какая-либо полемика по этому вопросу отсутствуют (Исэ 1979: 5–38). Более того, в сопроводительной статье Вяч. Вс. Иванова «Н. И. Конрад как интерпретатор текста» прямо говорится, что статья Конрада об «Исэ моногатари», предваряющая перевод, напечатана в 1921 г. (Исэ 1979: 267), что явно противоречит принятой редакцией дате издания книги.

Саран признает, что «ни первая, ни вторая дата не были обоснованы». Чтобы отнести публикацию перевода «либо к орловскому, либо петроградскому периоду жизни Н. И. Конрада», ученый провел «небольшое археографическое изыскание»: «На хранящихся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина экземплярах книги год издания отсутствовал, однако в рекламных приложениях

присутствовала надпись: «Цены обозначены в червонцах по курсу госбанка». А поскольку червонцы выпускались госбанком по декрету СНК от 11 октября 1922 г., то датой первого в Европе и СССР издания перевода «Исэ моногатари» не может быть признан 1921 г. Это не снимает вопроса о точной датировке, имеющего определенное значение для изучения истории взаимодействия культур Востока и Запада» (Саран 2005: 230).

Следует отметить, что атрибуция по типу валюты, бывшей в ходу на момент издания перевода, — довольно неожиданный и смелый ход со стороны Сарана. Но вопрос атрибуции может быть решен самыми разными, в том числе более традиционными способами.

Во-первых, в рекламных приложениях к публикациям содержатся сведения о выпущенных и готовящихся к печати книгах издательства «Всемирная литература». В частности, упоминается о том, что уже выпущены три номера журнала «Восток» и к печати готовится четвертый номер (Исэ-моногатари 1923: 172).

Номера 2 и 3 вышли в 1923 г., а номер 4 в 1924 г. При этом во втором номере журнала «Восток» была опубликована выборка «Рассказов из Исэ» в переводе Конрада (Рассказы из Исэ 1923).

Во-вторых, можно обратиться к сведениям о новых книгах в книжных каталогах того времени. Так, в «Книжной летописи», выпускаемой Российской центральной книжной палатой при Государственном издательстве, среди книг, поступивших с 15 ноября по 1 декабря 1923 г., за номером 11644 значится: «[1923]. — Исэ-Моногатари. Лирическая повесть древней Японии (начала X века). Перевод и предисловие Н. Конрад. — [Петроград], Всемирная Литература Государственное Издательство, тип. Российская Государственная Академическая [в Петрограде]. (18х13). 168 + [1] стр., с виньетками и концовками + [3] стр. объявлений. 5 150 экз.» (Книжная летопись 1923). Сведения о публикации приводятся и в сводном «Каталоге изданий Государственного издательства и его отделений за 1919–1925 гг.»: «Исэ-Моногатари. Лирическая повесть древней Японии. Перев. и предисл. Н. Конрад. М.-П. [1923]. (Всемирная литература). Стр. 168. Ц. 50 к.» (Каталог 1927: 220).

В-третьих, дата указана в рецензии Ол. В. Плетнера на книгу «Исэ Моногатари. Лирическая повесть древней Японии. Перевод и предисловие Н. Конрада. Всемирная литература. Государственное издательство. 1923 г.» в журнале «Новый Восток» (Плетнер 1923: 433). В этой рецензии Плетнер характеризует перевод Конрада как первый перевод, основанный на четко сформулированных принципах, формальном анализе текста, а также сравнительно-историческом и психологически-социальном методах (Плетнер 1923: 434).

В-четвертых, можно воспользоваться фактами биографии Н. И. Конрада, которые позволяют восстановить протоколы заседания коллегии экспертов восточного отдела издательства «Всемирная литература». 9 июня 1922 г. по предложению В. М. Алексеева решено «просить г. Конрада принять участие в сотрудничестве в издательстве и иметь в виду его работу “Записки из кельи”». 3 октября 1922 г. Алексеев сообщил о поступлении первых переводов Конрада, сделанных «очень хорошо, художественно и ритмично», а 24 октября 1922 г. С. Ф. Ольденбург представил статью и переводы Конрада «Из мира любви и поэзии Исэ», которые были рекомендованы к печати во втором номере журнала «Восток» (Н. И. Конрад. Неопубликованные... 1996: 494).

Кроме того, среди курсов Н. И. Конрада на 1922/23 учебный год, заявленных по этнолого-лингвистическому отделению факультета общественных наук Петроградского государственного университета, значится семинар «Японский литературный памятник X в. — Исэ-моноготари» (Востоковедение 1923: 37). Можно предположить, что перевод рождался и совершенствовался в процессе обсуждения и анализа поэтики произведения со студентами этого семинара.

Сам Конрад в сборнике «Японская литература в образцах и очерках» (1927), в который также была включена выборка доработанных переводов из «Исэ моноготари», указывает на то, что отдельный полный перевод этой повести вышел в издательстве «Всемирная литература» в Петрограде в 1923 г. (Конрад 1991: 544).

В-пятых, установить дату публикации можно через сопоставительный анализ разных вариантов перевода (см. Табл.). В качестве примера рассмотрим рассказ под номером 59, присутствующий во всех опубликованных вариантах. Источником для перевода послужило издание «Исэ моноготари», подготовленное У. Кубота для широкого читателя в 1912 г. и представляющее сводную версию различных списков (Kubota 1912). В этом издании за оригинальным текстом каждого фрагмента, снабженным транскрипцией в принятой на тот момент орфографии, следует его перевод на современный японский язык, причем непосредственно в переводе содержатся пояснения переводчика, а затем — комментарий к тексту фрагмента.

Сравнение первого неполного варианта перевода «Рассказов из Исэ», опубликованного в журнале «Восток» в 1923 г. (Рассказы из Исэ 1923), и последующего полного, вышедшего в виде отдельной книги «Исэ моноготари» (Исэ-моноготари 2023), а также варианта, опубликованного в сборнике «Японская литература в образцах и очерках» 1927 г. (Конрад 1991), позволяет увидеть эволюцию переводческого подхода Конрада к тексту. Подробно эти принципы были разобраны в нашей статье (Кострова, Лобков 2023).

Таблица. Рассказ 59: оригинал и переводы 1923–1927 гг.

Оригинал (Kubota 1912: 128), 59 dan	«Рассказы из Исэ» (1923 г.), XI (Рассказы: 52)	«Исэ моногатари» (1923 г.), 59 (Исэ 1923: 90)	«Японская литература в образах...» (1927 г.), 59 (Конрад 1991: 160)
Mukasi, wotoko arikeri. Miyadukake isogahasiku, koto koto mo mame parazarik- ereba, ihetouzi, "Mame-ni omohan" to ifu hito-ni tukite, hito-no kuni-he inikeri.	Во времена давние жил кавалер. Он был занят придворной службой, и к тому же сердце у него было неверное, отчего жена его обратилась к человеку, кото- рый обещал ей: «Буду тебе верен!» и с ним вместе в провинцию уехала.	В давние времена жил кавалер. Он был занят придворной службой, и сердце его было неверное, отчего жена его обратилась к человеку, ей обещавшему: «Тебе я буду верен», и с ним в провинцию уехала.	Во времена давние жил кавалер. Он был занят придворной службой и сердце у него было неверное, отчего жена его обра- тилась к человеку ей обеща- вшему; «тебе я буду верен!» – и с ним в провинцию уехала.
Kono wotoko, Usa-no tukahi- nite iikeru-ni, aru kuni-no si- sau-no kuwanzin-no me-nite nan aru to kikite, "Wonnaaruzi-ni kaharake toraseyo, sarazuba nomazi" to ihikereba, kaharake torite idasitarikeru-ni, sakana narik- eru tatibana-wo torite,	И вот, кавалер, отправившись послом к Уса-Хатиману*, прослышал, что она те- перь как раз женой чиновника в этой провинции, который должен был при- нимать послов. И он сказал ему: «Ты прикажи жене своей мне поднести чарку, иначе — пить не стану!» И когда та подала ему чарку, он, взяв на закуску померанец, так сказал:	Кавалер этот отправился посланцем в храм Уса-Хатиман* и, услышав, что она теперь женой чиновника в одной провинции, на обязанности которого лежало принимать послов, ему сказал: «Заставь жену свою мне чарку подавать, — иначе пить не буду». Когда та чарку подала, он, взяв на закуску поданные поме- ранцы, так сказал:	Кавалер этот отправился по- сланцем в храм Уса-Хатимана и услышав, что она теперь — жена чиновника в одной про- винции, на обязанности кото- рого лежало принимать послов, ему сказал: «Вели жене своей подать мне чарку, иначе — пить не буду!» Когда та чарку подала, он, взяв померанцы, что были поданы на закуску, так сказал:
Satuki matu hana tatibana-no ka-wo kageba, mukasi-no hito-no sode-no ka zo suru.	«Когда я вдыхаю Аромат померанцев, Ожидаящих мая, Чудится: прежней подруги Рукавов аромат»** И она, под влиянием мыслей возник- ших, постриглась в монахини и удали- лась в горы.	«Когда я вдыхаю аромат померанцев, ожидающих мая, — чудится прежней подруги рукавов этот запах...»** Так сказал он, - и она, все вспомнив, стала монахиней и удалилась в горы.	Слышу аромат Померанцевых цветов, Ждущих майских дней, Чудится; подруги то Прежней запах рукавов* Так сказал он, и она, все вспом- нив, стала монахиней и удали- лась в горы.
to ihikeru-ni zo, omohiidete ama-ni narite uama-ni irini- keru. (О подходе составителя к примечаниям будет сказано отдельно)	*Уса-Хатиман — одно из божеств рели- гии Синто; здесь имеется в виду храм его. **По обычаю дам, особенно того вре- мени, широкие рукава одежд бывали надушены.	*Уса-Хатиман — бог войны синтои- стического культа. **Имеется в виду обычай хейанских дам носить свои длинные и широкие рукава надушенными.	*Хэйанские дамы душили аро- матами свои длинные рукава.

Здесь же хотелось бы отметить, что перевод прозаических отрывков не подвергся значительным правкам в ходе работы — разве что в первоначальных версиях можно отметить больше примеров жертвования «правильным ходом русской фразы» (Исэ 1979: 171–172). В то же время в переводе танка явственно прослеживается эволюция подхода к переводу поэтических текстов: от интуитивного в начале 1920-х гг. к эквиритмическому с сохранением «образного хода» японского стихотворения; сам Н. И. Конрад отмечает это как основное направление переработки текста в (Конрад 1991: 544). Заметные изменения коснулись и комментариев к переводу. Здесь необходимо рассмотреть подход к переводческому комментарию составителя японского издания У. Кубота. Прежде всего, они отличаются значительным объемом: лаконичный текст оригинала, состоящий из нескольких строк (стихотворение танка тоже пишется в одну строку), в переводе на современный японский язык из-за многочисленных повторов и вставных примечаний переводчика увеличивается в объеме до одной страницы текста, за которой следует еще одна страница собственно комментариев от составителя. Пояснения в обоих случаях во многом совпадают и касаются таких тем, как употребление померанцев в качестве закуски, должностные обязанности придворных (специально поясняется, что герой совершил паломничество в храм не как частное лицо, а как посланец императора) и т. п. Особенно много внимания уделяется психологическому обоснованию поступков персонажей: дополнительно проговаривается, что служба во дворце не давала возможность мужу уделять достаточно внимания жене, что и обусловило ее решение оставить его; и что постричься в монахини она решила именно вследствие раскаяния в своем необдуманном поступке.

По сравнению с этим объем переводческих комментариев к переводу повести на русский язык представляется довольно умеренным и также позволяет проследить некоторую эволюцию. «Уса» оригинала («Уса-Хатиман» в переводе) сначала глоссируется как «божество и храм», затем как «божество» и, наконец, поясняется прямо в тексте как «храм». Последнее может быть обусловлено тем, что в издании 1927 г. была возможность вынести лингвострановедческие комментарии в предисловия к текстам («очерки»). Сообщение о том, что у хэйанских дам было в обычае ходить с надушенными рукавами, остается неизменным по содержанию при незначительном изменении формы. В комментарии японского составителя оно отсутствует — вероятно, У. Кубота полагался на фоновые знания читателей. В целом можно отметить, что в подходе к переводческому комментарию Н. И. Конрад, с одной стороны, проявляет независимость от японского издания, делая только те пояснения, которые, с его точки зрения, необходимы отечественному читателю, и воздерживаясь от значительного расширения самого текста; с другой стороны, можно предположить, что типичные для японской филологической традиции развернутые комментарии к древним

текстам, во-первых, послужили большим подспорьем при подготовке перевода, помогая Н. И. Конраду понять общественные отношения и психологию персонажей, и, во-вторых, могли способствовать и формированию самого принципа «распространительного перевода», который затем стал магистральным для отечественной школы японского художественного перевода.

Отметим также, что в литературе нередко встречаются и неточности с указанием места издания как Ленинград (Конрад 1973: 131; Конрад 1974: 5) и (Мещеряков 2018: 130). Понятно, что Петроград был переименован в Ленинград лишь после смерти Ленина в 1924 г., поэтому повесть была издана именно в Петрограде, как то и указано в описании издания в «Книжной летописи» (Книжная летопись 1923). Небезынтересно заметить, что само издательство «Всемирная литература» вплоть до официального переименования города в «Ленинград» при указании адреса издательства и места публикации как в журнале «Восток», так и в каталогах называло город «Петербургом» (Каталог 1919а, 1919б; Рассказы 1923).

4. Заключение

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что к работе над переводом «Исэ моногатари» Н. И. Конрад приступил в середине 1922 г., войдя в состав экспертов восточного отдела «Всемирной литературы». Обсуждение фрагментов переводов на заседаниях редколлегии издательства осенью 1922 г. и их публикация в начале 1923 г. в журнале «Восток», а также работа семинара по поэтике «Исэ моногатари» в Петроградском государственном университете в 1922/23 уч. г. свидетельствуют о том, что в это время велась интенсивная работа над переводом. Отдельным изданием перевод «Исэ моногатари» вышел осенью 1923 г. И хотя на титульном листе нет года издания, различные каталоги книжных новинок, рецензия Ол. В. Плетнера и сам Н. И. Конрад указывают как дату публикации именно 1923 г. Более того, сопоставительный анализ изданий выборки рассказов в начале 1923 г., отдельного издания «Исэ моногатари» 1923 г. и издания выборки рассказов 1927 г. позволяет проследить эволюцию подхода Н. И. Конрада к художественному переводу, которая состояла в движении от интуитивного подхода к более научному и принципиально обоснованному.

Работа над переводом «Исэ моногатари» открывает продуктивный «петроградско-ленинградский» период деятельности Н. И. Конрада, во время которого закладываются основы отечественного японоведения и складывается школа художественного перевода с японского языка. Этот период был прерван арестом ученого 29 июля 1938 г.

Список литературы / References

- Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 г. М.: Изд. восточ. лит., 1960. [*Bibliografiya Yaponii. Literatura, izdannaya v Sovetskom Soyuze na russkom yazyke s 1917 po 1958 g.* (1960) (Japan's Bibliography. Works Published in the Soviet Union in Russian from 1917 to 1958). Moscow: Izd. Vostochn. Lit. (In Russian)].
- Востоковедение в Петрограде. 1918–1922. Памятка Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук / Отв. ред. Вл. Котвич. Петроград, 1923. [Kotvich, Vladislav. (ed.) (1923) *Vostokovedenie v Petrograde. 1918–1922. Pamyatka Kollegii Vostokovedov pri Aziatskom Muzei Rossiyskoy Akademii Nauk* (Oriental Studies in Petrograd. 1918–1922. Memorandum of the Orientalists' Board at the Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences). Petrograd. (In Russian)].
- Железняк О. К 120-летию со дня рождения Н. И. Конрада (1891–1970) // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 165–171. [Zheleznyak, Oksana. (2011) K 120-letiyu so dnya rozhdeniya N. I. Konrada (The 120th Anniversary of N. Conrad (1891–1970)). *Far Eastern Studies*, 5, 165–171. (In Russian)].
- Иваненко Н. Г. «Исэ-моногатари» // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т. 3. Стб. 239. [Ivanenko, Natalia G. (1966) “Ise-monogatari”. In *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* (A Concise Encyclopaedia of Literature). Moscow: Sovetskaya enciklopediya, Vol. 3. (In Russian)].
- Историко-филологические исследования: Сборник статей памяти акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, Гл. ред. восточ. лит., 1974. [*Istoriko-filologicheskie issledovaniya: Sbornik statey pamyati akad. N. I. Konrada.* (1974) (Historical-Philological Studies: Collection of Papers in Memoriam N. I. Konrad). Moscow: Nauka, Gl. red. vostochn. lit. (In Russian)].
- Исэ моногатари / Пер., ст., прим. Н. И. Конрада; крит. ст. Вяч. Вс. Иванова; изд. подг. В. С. Санович. М.: Наука, 1979. [Konrad, Nikolai I. (transl., ed., commentary), Ivanov, Vyacheslav Vs. (critical article), Sanovich, Viktor S. (prepared publication) (1979) *Ise monogatari*. Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Исэ-Моногатари [Сведения об изданной книге] // Книжная летопись. 1923. № 22. С. 618. [Ise-Monogatari [Svedeniya ob izdannoy knige] (Ise Monogatari [bibliographic information]) (1923) *Knizhnaya letopis'*, 22, 618. (In Russian)].
- Каталог изданий Государственного издательства и его отделений. 1919–1925. М.–Л.: Госиздат, 1927. [*Katalog izdaniy Gosudarstvennogo izdatel'stva i ego otdeleniy. 1919–1925.* (1927) (Publication Catalogue of Gosizdat (State Publishing) Publishing House and Its Branches. 1919–1925). Moscow – Leningrad: Gosizdat. (In Russian)].
- Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению / Вст. ст. М. Горького. Петербург, 1919а. [*Katalog izdatel'stva «Vsemirnaya literatura» pri Narodnom komissariate po prosvescheniyu. Vst. st. M. Gor'kogo.* (1919a) (Catalogue of the Publishing House “Vsemirnaya literatura” at People's Commissariat for Education. Preface by M. Gorky). Petersburg. (In Russian)].
- Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Литература Востока. Петербург, 1919б. [*Katalog izdatel'stva “Vsemirnaya literatura” pri Narodnom komissariate po prosvescheniyu. Literatura Vostoka.* (1919b) (Catalogue of the Publishing House “Vsemirnaya literatura” at People's Commissariat for Education. Oriental Literature). Petersburg. (In Russian)].

- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / Вступ. ст. С. Серебряного. М.: Художественная литература, 1977. [*Klassicheskaya poeziya Indii, Kitaya, Korei, V'etnama, Yaponii*. Vstup. st. S. Serebryanogo. (1977) (Classical Poetry of India, China, Korea, Vietnam, Japan. Preface by S. Serebryanyj). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Конрад Н. И. Очерки японской литературы. Статьи и исследования / Вступ. статья Б. Сучкова. М.: Художественная литература, 1973. [Konrad, Nikolai I. (1973) *Ocherki yaponskoy literatury. Stat'i i issledovaniya*. Vstup. Stat'ya B. Suchkova (Essays on Japanese Literature. Articles and Studies Preface by B. Suchkov). Moscow: Khudozhestvennaya literature. (In Russian)].
- Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутomi / Сост. и подг. к публ. Н. И. Фельдман-Конрад. М.: Наука, Гл. ред. восточ. лит., 1974. [Konrad, Nikolai I. (1974) *Yaponskaya literatura. Ot «Kodziki» do Tokutomi*. Sost. i podg. k publ. N. I. Fel'dman-Konrad (Japanese Literature. From “Kojiki” to Tokutomi. Compiled and prepared for publication by N. I. Feldman-Konrad). Moscow: Nauka, Gl. red. vostochn. lit. (In Russian)].
- Конрад Николай Иосифович: Материалы к библиографии ученых / Сост. Р. И. Кузьменко, вступ. ст. И. А. Боронина. М.: Наука, 1994. [Konrad Nikolai Iosifovich: *Materialy k bibliografii uchonykh*. Sost. R. I. Kuz'menko, vstup. st. I. A. Boronina. (1994) (Konrad Nikolai I. Materials for scientists' bibliography. Written by R. I. Kuzmenko, intro. art. I. A. Boronin). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кострова М. А., Лобков А. Е. Переводческая деятельность Н. И. Конрада в 20–30-е гг. XX века // Язык. Культура. Коммуникация. 2023. № 24. С. 167–182. [Kostrova, Mariia A., & Lobkov, Aleksandr E. (2023) *Perevodcheskaya deyatelnost' N. I. Konrada v 20–30-e gg. XX veka* (Nikolai Konrad's Translation Activity in the 1920s and 1930s). *Language. Culture. Communication*, 24, 167–182. (In Russian)].
- Мещеряков А. Н. Восприятие хэйанской литературы в СССР и России // Шаги / Steps. 2018. Т. 4. № 1. С. 116–133. [Meshcheryakov, Alexander N. (2018) *Vospriyatie heianskoy literatury v SSSR i Rossii* (Perception of Heian Era Japanese Literature in the USSR and Russia). *Steps*, Vol. 4, 1, 116–133. (In Russian)]. DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-1-116-133.
- Н. И. Конрад. Неопубликованные работы. Письма / Пред. В. М. Алпатов; подгот. текста и коммент. Р. Ш. Джарылгасинова, Г. А. Ткаченко, М. Ф. Чигринский, И. Г. Птушкина, М. Ю. Сорокина, А. О. Тамазишвили. М.: РОССПЭН, 1996. [N. I. Konrad. *Neopublikovannye raboty. Pisma*. (1996) (N. I. Konrad. Unpublished Works. Letters). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)].
- Плетнер Ол. Рец. на кн.: Исэ-моногатари: Лир. повесть древней Японии. Пер. и предисл. Н. Конрада. Всемир. лит.; Госиздат. 1923 // Новый Восток. 1924. Кн. 5. С. 433–434. [Pletner, Oleg V. (1924) *Rec. na kn.: Ise-monogatari: Lir. Povest' drevney Yaponii* (Review of the Book Ise Monogatari: A Lyrical Tale of Ancient Japan). *Novyy Vostok*, Book 5, 433–434. (In Russian)].
- Саран А. Ю. Российские востоковеды в орловском контексте: в помощь учителю. Орел: Орлик, 2005. [Saran, Aleksandr Yu. (2005) *Rossiyskie vostokovedy v orlovskom kontekste: v pomoshch uchitelyu* (Russian Orientalists in Oryol Context: A Teacher's Aid). Oryol: Orlik. (In Russian)].
- Список трудов академика Н. И. Конрада / Сост. В. С. Гривнин и К. А. Попов // Историко-филологические исследования: Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, Гл. ред. восточ. лит., 1967. С. 9–20. [Spisok trudov akademika N. I. Konrada

(1967) (List of Works by N. I. Konrad). In *Istoriko-filologicheskie issledovaniya: Sbornik statey k 75-letiyu akad. N. I. Konrada* (Historical-Philological Studies: Collection of Works for N. I. Konrad's 75th Anniversary). Moscow: Nauka, Gl. red. vostochn. lit. Moscow: Nauka, Gl. red. vostochn. lit., 9–20. (In Russian)].

Список трудов академика Н. И. Конрада / Сост. В. С. Гривниным и К. А. Поповым, дополн. Б. Б. Вахтиным // Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978. С. 438–448. [Spisok trudov akademika N. I. Konrada (1978) (List of Works by N. I. Konrad). In Konrad, Nikolai I. *Izbrannye Trudy. Literatura i teatr* (Selected Works. Literature and Theatre). Moscow: Nauka, 438–448. (In Russian)].

Федоренко Н. Над страницами японских книг // Литературная газета. 25 июня 1980. № 26. С. 15. [Fedorenko, Nikolai T. (1980) Nad stranitsami yaponskikh knig (Over the Pages of Japanese Books). *Literaturnaya Gazeta*, June 25th 26, 15. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

Исэ-моногатари. Лирическая повесть древней Японии / Пер. с яп. и предисл. Н. Конрада. Петроград: Всемирная литература, Государственное издательство, 1923. [Konrad, Nikolai I. (transl., preface) (1923) *Ise monogatari. Liricheskaya povest' drevnei Yaponii* (Ise Monogatari. A Lyrical Tale of Ancient Japan). Petrograd: Vsemiranaya Literatura, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russian)].

Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках: Репринтное издание / Посл. Б. Л. Рифтина. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991. [Konrad, Nikolai I. (1991) *Yaponskaya literatura v obraztsah i ocherkah* (Japanese Literature in Examples and Essays). Reprinted edition. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russian)].

Рассказы из Исэ / Пер. с яп. и вступ. зам. Н. И. Конрада // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. 1923. Кн. 2. С. 41–54. [Konrad, Nikolai I. (transl., preface) (1923) *Rasskazy iz Ise* (Tales from Ise). *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*, Book 2, 41–54. (In Russian)].

評釈伊勢物語 (国文評釈叢書 ; 第1編) [Электронный ресурс] 国立国会図書館デジタルコレクション. 著者: 窪田空穂 著. 出版者: 中興館書店. 出版年月日 明治45. 請求記号 340-13い. 書誌 ID 000000564379. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/1088271> (дата обращения: 20.08.2024) [Kubota, Utsubo (ed.) (1912) *Commented Edition of Ise Monogatari*. National Diet Library Digital Collection. Chukokan Shoten. Retrieved from <https://dl.ndl.go.jp/pid/1088271> (2024, August 20). (In Japanese)]. DOI: 10.11501/1088271.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 81'272

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-129-150

ЛАКУНЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ 'ТЕЛЕСНОСТЬ' (на материале испанского перевода романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

Ю. Н. Сандлер

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

В статье представлен анализ лексических единиц семантического поля 'телесность' в испанском языке, лакунарность которых выявлена при анализе переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Сделан вывод о лакунарности в испанском языке таких лексем русского языка, как «ухмыляться», «щуриться», «стоять», «манить» и «затылок». В качестве аргументации лакунарного характера данных лексем приводятся не только переводы романа на испанский язык, но и материалы словарей. Выявление и классификация лексических межъязыковых лакун представляет собой актуальное дидактическое и переводческое направление современной лингвистики.

Ключевые слова: лакуны, безэквивалентная лексика, невербальное общение, телодвижения, мимика, испанский язык.

Цитирование: Сандлер Ю. Н. Лакуны семантического поля 'телесность' (на материале испанского перевода романа М. А. Булгакова «Мастер и маргарита») // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 129–150. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-129-150.

Lexical Gaps in the Semantic Field of 'Corporality' (Based on the Spanish Translation of M. A. Bulgakov's *The Master and Margarita*)

Yulia N. Sandler

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This article presents an analysis of lexical units belonging to the semantic field of ‘corporeality’ in the Spanish language, the lacunarity of which was identified through an examination of translations of M. A. Bulgakov’s novel *The Master and Margarita*. The study concludes that certain Russian lexemes—such as *ухмыляться* (“to smirk”), *щуриться* (“to squint”), *стоять* (“to stand”), *манить* (“to beckon”), and *затылок* (“the back of the head”)—exhibit lacunarity in Spanish. The lacunar nature of these lexemes is substantiated not only by translations of the novel into Spanish but also by dictionary evidence. The identification and classification of cross-linguistic lexical lacunae represent a relevant didactic and translational direction in modern linguistics.

Key words: lexical gaps; non-equivalent vocabulary; non-verbal communication; body movements; facial expressions; Spanish.

Citation: Sandler, Yulia N. (2025) Lexical Gaps in the Semantic Field of ‘Corporeality’ (Based on the Spanish Translation of M. A. Bulgakov’s *The Master and Margarita*). *LUNN Bulletin*, 2 (70), 129–150. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-129-150.

1. Введение

Восприятие тела человека, мимики, движений и положений тела в пространстве представляет собой важный аспект культурного контекста, который в разных культурах различается. Знания о теле, его движениях и положении в пространстве являются фундаментальными для носителей любого языка и образуют основу взаимодействия в обществе. В различных культурах наблюдаются уникальные подходы к восприятию и интерпретации человеческого тела. Например, в некоторых культурах определенные жесты или позы могут иметь специфические значения, которые могут отличаться от интерпретации в других культурных контекстах. Эти различия отражают не только социокультурные особенности, но и могут коррелировать с религиозными, историческими и географическими факторами. Таким образом, изучение восприятия тела человека в разных культурах позволяет более глубоко понять многообразие человеческого опыта и взаимодействия.

Невербальная коммуникация играет огромную роль в жизни людей с момента зарождения цивилизации. Н. Б. Цибуля определяет невербальную коммуникацию как «общение, осуществляемое посредством жестов, мимики, телодвижений, изменения поз, а также определенного расположения коммуникантов по отношению друг к другу и расстояния между ними» (Цибуля 214: 259). М. С. Андрианов рассматривает невербальную коммуникацию как культурно-исторический и психофеноменологический пласт интерперсональной природы, который напрямую связан с развитием и становлением личности (Андрианов 1995).

Самой ранней известной работой по теории невербального общения является изданная в 1872 г. книга Чарльза Дарвина «О выражении эмоций у человека и животных». В середине XX в. впервые был использован термин «кинесика» в работе антрополога Рая Бердвитреля «Введение в кинесику».

Ученый рассматривал элементы невербальной коммуникации, такие как жесты, мимика, поза (Birdwhistell 1970). В 60–70-х гг. прошлого века интерес к кинесике возрос и появились работы, связанные с трактованием телодвижений и мимики в различных культурах. Кинесика является частью паралингвистики, раздела языкознания, который изучает невербальные средства, передающие совместно с вербальной смысловую информацию в составе речевого сообщения, а также совокупность таких средств (Николаева 1990).

Вызывает интерес не только различное толкование непосредственно телодвижений и выражения лица с точки зрения культур, но и их вербализация в разных языках (Belío-Araolaza 2021; Голубева 2022; Karimova, Khamrayeva 2024). Неодинаковыми могут оказаться любые проявления телесности: например, *рука* в русском языке будет соответствовать английским лексемам *hand* и *arm* в зависимости от контекста. Сравним: *She broke her arm in a skiing accident* (Она сломала руку во время катания на лыжах) и *She shook his hand firmly* (Она крепко пожала ему руку). Не подлежит сомнению, что любой естественный язык, на базе которого формируется мышление, имеет огромное влияние на формирование национального характера лингвокультурных сообществ (Попова, Саушева 2019). Поэтому при переводе и обучении иностранному языку будет серьезной ошибкой отождествлять лексемы родного языка с языковыми единицами языка-мета (термин, применяемый в испанской лингвистике для обозначения языка-реципиента (García 1996; Miquel 1997; Beltran 2000; Santos, Melo de Santana 2000) без учета всей суммы внелингвистических факторов (Поршнева 2015).

В данной работе речь пойдет о лексемах семантического поля ‘телесность’. Семантическое поле предлагается понимать как совокупность «самых широких семантических группировок слов разных частей речи, основанных на соотношенности с целостным фрагментом действительности» (Куликова 2006: 61) Телесность может быть представлена целым рядом тематических групп (например, положение тела в пространстве, мимика, движение тела, части тела), которые вербализуют данную категорию.

Как пишет В. Ю. Прокофьева, неоднозначность существующих интерпретаций понятия ‘телесность’ в современных исследованиях может быть связана с тем, что данная проблема разрабатывается относительно недавно и в рамках разных гуманитарных наук. Прокофьева отмечает факт отсутствия лексемы *телесность* в большинстве толковых словарей русского языка, что может свидетельствовать о национальной специфике русской языковой картины мира (в словарях английского языка, например, представлено несколько лексем со значением ‘телесность’ — *corporeality* (*corporality*), *physicality* и *bodiness*) (Прокофьева 2014).

Первый этап реконструкции семантики тела включает анализ его основы, которой служит понятие «тело». Это понятие становится центральным для формирования семантического поля, в котором составные элементы напрямую или косвенно связаны с представлениями о человеческом теле. Если «тело» является ядром этого поля, то его центральные элементы формируются словами, относящимися к соматической лексике и обозначающими части человеческого тела. Однако соматическая лексика также включает не только анатомические элементы и органы, но и различные физические проявления и активности тела. В рамках данной статьи предлагается выделить следующие группы семантического поля 'телесность': движения тела, положения тела, мимика, части тела.

В данной работе проанализированы лексические единицы семантического поля 'телесность' в русском и испанском языках в аспекте лакунарности на примере переводов на испанский язык романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Значение работы с художественным текстом и переводом как важного компонента аудиторной и внеаудиторной деятельности по практике иностранных языков на всех этапах обучения в вузе трудно переоценить (Голубева, Сухарева 2022). Эта деятельность позволяет ознакомить студентов с различными внелингвистическими феноменами, закрепленными в структуре языка оригинала и, возможно, не зафиксированными в языке-реципиенте. Лакунарность, через призму которой будет рассматриваться передача лексем, обозначающих невербальную коммуникацию, представляет собой лингвистическое явление, впервые описанное канадскими лингвистами Жан-Полем Винэ и Жаном Дарбельнэ в середине XX в. В этот период, в начале эры глобализации, лингвисты сфокусировались на коммуникативной функции языка в большей степени, чем на его структуре, что лишний раз подтверждает мысль о том, что на каждом этапе развития общества переводческая деятельность характеризуется рядом внеязыковых факторов (Шапилов 2023). Ученые обратили внимание, что в ряде случаев перевод с одного языка на другой осложнен отсутствием в языке-реципиенте тех или иных лексем, которые наличествуют в исходном языке (Vinay, Darbelnet 2005). Невозможность найти эквивалентную языковую единицу может быть связана как с отсутствием реалии (по этой причине, например, русские слова «лапти» или «матрешка» не имеют эквивалентов в иностранных языках), так и с другими причинами, имеющими отношение к социально-историческому и/или политическому контексту. Феномен лакунарности отмечен особым вниманием в советской, а затем в российской лингвистике. В советской лингвистике ведущая роль в изучении лакунарности принадлежит Ю. С. Степанову, который называл лакуны «белыми пятнами на семантической карте языка» (Степанов 1965: 120). В испанской лингвистике термин рассматривался такими лингвистами как Эухенио Кошеру в его *Principios de semántica estructural* (Coseriu 1977) и Сальвадором Гутьерресом

Ордоньесом в *Linguística y semántica* (Ordóñez 1981). Последний цитирует Хорста Геккелера, который выделяет три класса лексических лакун, обращая внимание прежде всего на дефектные парадигмы внутри одного языка (особенно частые в глагольных формах), пробелы в лексической категоризации и пробелы в лексемном структурировании (Geckeler 2000).

Единой классификации лакун пока не представлено, авторы, занимающиеся лакунарностью, обращают внимание на различные критерии и аспекты, которые могут являться базой для структурирования классификаций. Прежде всего речь идет о межъязыковых и внутриязыковых лакунах. Первые выделяются при сопоставлении двух разных языков, вторые — при анализе парадигм одного языка. Ярким примером внутриязыковых лакун, например, является отсутствие формы первого лица единственного числа для глагола «победить». В данной работе внимание будет уделено межъязыковым лакунам, которые выделяются при сопоставлении разных языков. Ю. С. Степанов предлагал разграничивать абсолютные и относительные межъязыковые лакуны в зависимости от частоты употребления в языке-реципиенте. В. Л. Муравьев предлагает называть абсолютными лакунами те, которые связаны с отсутствием у носителей данного языка возможности выразить отдельным словом или устойчивым словосочетанием понятие, лексически зафиксированное в другом языке (Муравьев 1975). Относительными лакунами Ю. С. Степанов называет те слова, которые, хотя и существуют в языке-реципиенте, но употребляются очень редко. По критерию внеязыковой обусловленности выделяют мотивированные и немотивированные лакуны. Мотивированными являются лакуны, которые отмечаются в языке-реципиенте в связи с отсутствием той или иной реалии в стране бытования этого языка. Не случайно русская лексема «самовар» не переводится на большинство языков, а передается методом транслитерации — *samovar*. А. В. Садиков в качестве примера приводит невозможность подбора эквивалента в испанском языке для лексем русского языка, характеризующих качество снега: *жухлый, игольчатый, колкий, легкий, ломкий, льдистый, мерзлый* и т. д. из-за отсутствия опоры в испанском языковом сознании (в Испании выпадает снег, но при температурах, близких к нулевым; поэтому испанец не может знать, каким бывает снег в русские морозы) (Садиков 2013: 581). Языковые единицы для обозначения большинства явлений советской действительности (советизмы — термин введен Г. В. Черновым в 50-х гг. XX в.) также могут служить примером абсолютных мотивированных лакун, так как подобные явления отсутствовали в других странах (Чернов 1958; Janssen 2012). Такие слова, как «большевик» или «перестройка» не переводятся на другие языки, а передаются транслитерацией: *bolshevik, perestroika* (Алексеева, Аграмакова 2019). Немотивированными являются лакуны, возникновение которых не может быть объяснено естественными

причинами — отсутствием реалий. Предмет или явление в культуре есть, но носители языка по каким-то причинам не дали им названия. Примерами немотивированных лакун могут стать лексема испанского языка *morbo* (по отношению к русскому языку), что можно объяснить как нездоровый интерес к трагическим или катастрофическим событиям (Lema 2011; Spoljaric, Musulin 2019), а также русское «тоска», которое в переводах на испанский язык представлено целым спектром различных понятий, ни одно из которых не передает весь объем значений лексемы русского языка.

В. Л. Муравьев также выделяет векторные лакуны, возникающие в случае, когда понятийные объемы слов не совпадают в сравниваемых языках, стилистические лакуны (например, русское слово «очи» по отношению к романским и германским языкам), этнографические, ассоциативные лакуны и др.

2. Характеристика материала и методов исследования

В данной работе мы будем обращать внимание прежде всего на абсолютные межъязыковые лакуны, однако также будем отмечать при необходимости возможность отнесения данных лакун к мотивированным или немотивированным, векторным, стилистическим и этнографическим. Следует подчеркнуть, что при анализе лексем, относящихся к семантическому полю «телесность», речь пойдет, скорее всего, о немотивированных лакунах, то есть о тех, появление которых связано не с объективными факторами отсутствия тех или иных движений в различных культурах. По некоторым причинам ряд телодвижений, проявлений мимики, наименование частей тела, обладающих номинацией в русском языке, не были зафиксированы лексической системой испанского языка — и в этом случае следует говорить о немотивированных лакунах.

Анализ лакунарности лексем проводился с опорой на литературный перевод, так как в литературном произведении в большей степени, чем в словарной статье реализуется многоуровневая структура лексической единицы, которая содержит не только денотативно-сигнификативный компонент, но и лингвокультурный, отражающий коннотативные значения лексемы и культурно значимую информацию. Не подлежит сомнению тот факт, что качество перевода зависит от того, насколько полно переводчик понял исходный текст и в какой степени он смог выразить на языке-мета всю извлеченную из текста информацию с учетом всех коннотативных значений (Родионова 2023). Для формирования объективной картины будут использованы три перевода на испанский язык романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: первый был выполнен Амайей Лакаса Санча в 60-х гг. XX в. и оставался в Испании единственным до 2004 г., затем появился второй перевод на испанский язык, выполненный Хулио Травьесо, кубинским писателем, окончившим МГУ им. М. В. Ломоносова и прожившим определенную часть жизни интегрированным в советское общество,

третий осуществила известная испанская переводчица Марта Ребон в 2014 г. с исправлениями и дополнениями от 2020 г.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В качестве первого примера рассмотрим глагол группы 'мимика' семантического поля 'телесность' *щуриться* и дериваты (*прищуриться*). Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова объясняет лексему как «Сжимая веки, прикрывать (глаз)» (ТСРЯ Ушакова 1935–1940, т. 4: 1390). Толковый словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отмечает, что глагол *щурить* относится к глазам и означает «прикрываться при сжатии век» (ТСРЯ Ожегова, Шведовой 2010: 2275). В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова *щурить* объясняется как «сближая веки, прикрывать глаза» (БТСРЯ Кузнецова 2000: 1512). Таким образом, глагол *щурить* в русском языке относится исключительно к глазам, а дериваты *щуриться* и *прищуриться* не подразумевают прямого дополнения «глаза», так как и включают в себя этот денотат. Анализ перевода на испанский язык романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» демонстрирует отсутствие в испанском языке альтернативной лексической единицы: преимущественно перевод выполнен посредством аналитической конструкции *entornar los ojos*⁵ (прикрыть глаза). Здесь и далее приведены фрагменты переводов в следующем порядке: принадлежавший Амаье Лакаса Санча (Bulgakov 2017), перевод авторства Хулио Травьесы (Bulgákov 2021) и выполненный Мартой Ребон (Bulgákov 2020).

(1) **Оригинал:** ...чему-то снисходительно усмехнулся, *прищурился* (Булгаков 1988: 276);

А. Л. Санча: *Sonrió con indulgencia y entornó los ojos* (прикрыл, сузил глаза) (Bulgakov 2017: 20);

Х. Травьесо: *Entonces sonrió con indulgencia, entorno los ojos* (Bulgákov 2021: 13);

М. Ребон: *Afloró a sus labios una sonrisita condescendiente, entornó los ojos* (Bulgákov 2020: 15).

(2) **Оригинал:** тут иностранец *прищурился* на Берлиоза (Булгаков 1988: 280);

А. Л. Санча: *el extranjero miró de reajo a Berlioz* (иностранец посмотрел на Берлиоза искоса) (Bulgakov 2017: 24);

Х. Травьесо: *el extranjero miró de reajo a Berlioz* (Bulgákov 2021: 18);

М. Ребон: *el extranjero miró a Berlioz entrecerrando los ojos* (посмотрел... прикрыв глаза) (Bulgákov 2020: 20).

(3) **Оригинал:** арестант повернулся, *прищурился* на солнце (Булгаков 1988: 291);

А. Л. Санча: *el detenido se volvió mirando al sol con los ojos entornados* (задержанный повернулся, глядя на солнце полузакрытыми глазами) (Bulgakov 2017: 38);

Х. Травьесо: *el detenido se volvió hacia el sol con los ojos entornados* (Bulgákov 2021: 35);

М. Ребон: *el detenido de dio la vuelta y miró con los ojos entrecerrados el sol* (задержанный повернулся и посмотрел прикрытыми глазами на солнце) (Bulgákov 2020: 33).

(4) **Оригинал:** *потом, прищурившись, в небо* (Булгаков 1988: 304);

А. Л. Санча: *luego levantó los ojos entornados hacia el cielo* (потом поднял полузакрытые глаза в небо) (Bulgakov 2017: 53);

Х. Травьесо: *después alzó los ojos entornados hacia el cielo* (затем он поднял полузакрытые глаза к небу) (Bulgákov 2021: 53);

М. Ребон: *y luego, entrecerrando los ojos vueltos hacia el cielo* (и затем, прикрыв глаза, обращенные к небу) (Bulgákov 2020: 49).

(5) **Оригинал:** *Щурился* (прокуратор) (Булгаков 1988: 305);

А. Л. Санча: *entornando los ojos* (полузакрыв, прикрыв глаза) (Bulgakov 2017: 54);

Х. Травьесо: (Pilato) *bajó los ojos* (Пилат опустил глаза) (Bulgákov 2021: 55);

М. Ребон: (El procurador) *no los entornaba* (porque el sol le molestara) (прокуратор полузакрыв их не потому, что его беспокоило солнце) (Bulgákov 2020: 50).

(6) **Оригинал:** *Она близоруко прищурилась на ворвавшегося Ивана* (Булгаков 1988: 318);

А. Л. Санча: *entornó sus ojos miopes* (Bulgakov 2017: 71);

Х. Травьесо: *Ella, con los ojos medio cerrados* (она, с наполовину закрытыми глазами) (Bulgákov 2021: 75);

М. Ребон: *...miró al intruso con sus ojos miopes entrecerrados* (посмотрела на ворвавшегося близорукими прикрытыми глазами) (Bulgákov 2020: 67).

(7) **Оригинал:** *Прищурившись, финдиректор представил себе Степу* (Булгаков 1988: 374);

А. Л. Санча: *Entornó los ojos imaginándose a Stiopa* (прикрыл глаза, представляя себе Степу) (Bulgakov 2017: 144);

Х. Травьесо: *Entornando los ojos, se imaginó a Stiopa* (прикрыв глаза, он представил себе Степу) (Bulgákov 2021: 157).

М. Ребон: *...con los ojos entrecerrados, el findirector se imaginó a Stiopa* (прикрыв глаза, финдиректор представил Степу) (Bulgákov 2020: 137).

Глагол *entornar* Королевская Академия испанского языка (*Real Academia*

Española, RAE)¹ объясняет следующим образом: «1. Повернуть дверь или окно, не закрывая их полностью, 2. Не полностью закрыть глаза, 3. Наклонить, приоткрыть (например, кастрюлю) и 4. Сделать складки на одежде по краю» (RAE, *entornar*). Таким образом, несмотря на наличие среди значений того, что относится непосредственно к глазам, лексема *entornar* может использоваться и в других контекстах в отличие от русского глагола *прищуриться*.

Глагол *entrecerrar*, в свою очередь, RAE объясняет через лексему *entornar* как *Entornar una puerta, ventana, postigo, etc.*, что можно передать как «прикрыть дверь, окно, затвор и т. д.». Таким образом, среди сем глагола *entrecerrar* также отсутствуют «глаза» в отличие от русского глагола *щурить*, *прищуриться*.

В вариантах перевода встречаются также конструкции *con los ojos medio cerrados*, то есть «с глазами, наполовину закрытыми», *bajó los ojos*, то есть «опустил глаза», *miró de reojo*, то есть «посмотрел искоса».

Исходя из вышеперечисленного, мы можем сделать вывод о лакунарности лексемы *прищуриться* (*щурить*), входящей в группу ‘мимика’, и определить ее как абсолютную, немотивированную, векторную лакуну.

В качестве следующего глагола группы ‘мимика’ рассмотрим лексему *ухмылка* и ее дериват *ухмыляться*. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова объясняет лексему как «Слегка самодовольно улыбаться, усмехаться» (ТСРЯ Ушакова 1935–1940, т. 4: 1030). В Толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *ухмылка* и *ухмыляться* объясняются через лексемы «усмешка» и «усмехаться», что, в свою очередь, толкуется как «улыбка, выражающая насмешку или недоверие, насмешливое движение рта» и «слегка засмеяться (обычно с насмешкой, недоверчиво)» (ТСРЯ Ожегова, Шведовой 2010: 2108). Наконец, в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова также указано на синонимичность лексем *ухмылка* и *усмешка*, а в толковании присутствует комментарий «улыбнуться (обычно насмешливо, иронически, самодовольно и т. п.)» (БТСРЯ Кузнецова 2000: 1409). Можно сделать вывод, что *ухмылка* (равно, как и *усмешка*) предусматривают дополнительные эмотивные коннотации, так как этот вид улыбки выражает, скорее, негативные эмоции. Современный испанско-русский русско-испанский словарь под редакцией Е. Е. Платоновой и А. Е. Шерстнева переводит лексему *ухмылка*, а также лексему *улыбка*, как *sonrisa* (Платонова, Шерстнев 2013: 818). RAE объясняет лексему *sonrisa* через глагол *sonreir*, а его, в свою очередь, как «1. Смеяться немного и без звука, 2. Говоря о какой-либо вещи: предложить что-

¹ Научное учреждение, целью которого является изучение испанского языка и литературы, а также выполнение функции регулятора языковой и литературной нормы современного испанского языка во всех территориях его бытования).

то веселок или радостное 3. Говоря о каком-либо деле, событии: показать благосклонность или что-то лестное для кого-то» (RAE, *sonrisa*). Таким образом, *sonrisa* (*sonreír*) лишено той негативной эмотивной составляющей, которую включает русская лексема *ухмылка*. В испанском переводе романа «Мастер и Маргарита» дериваты лексической единицы *ухмылка* переведены как с помощью слова *sonrisa* (*sonreír*), так и посредством лексемы *risa* (*reír*):

(8) **Оригинал:** *Фагот, сладко ухмыляясь, объявил...* (Булгаков 1988: 394);

А. Л. Санча: *Fagot anunció, con abierta sonrisa* (Фагот объявил с открытой улыбкой) (Bulgakov 2017: 170);

Х. Травьесо: *Sonriendo dulcemente, Fagot declaró...* (сладко улыбаясь, Фагот объявил) (Bulgákov 2021: 187);

М. Ребон: *Fagot anunció con una sonrisilla melosa...* (Фагот объявил со сладкой улыбочкой) (Bulgákov 2020: 161).

(9) **Оригинал:** — *Ну, где ж ему быть,* — *ответил, криво ухмыльнувшись,* администратор... (Булгаков 1988: 422);

А. Л. Санча: — *¡Pues dónde va a estar!* — *respondió el administrador torciendo la boca en una sonrisa*— (Ну, где он будет! — ответил администратор, кривя рот в улыбке) (Bulgakov 2017: 203);

Х. Травьесо: — *Bueno, donde debe estar* — *respondió el administrador y sonrió torcidamente*— (Ну, где должен быть, — ответил администратор и криво улыбнулся) (Bulgákov 2021: 226);

М. Ребон: — *Bueno, pues ¿dónde va a estar?* — *respondió el administrador con una sonrisita torcida...* (Ну где ему быть? — ответил администратор с кривой улыбочкой) (Bulgákov 2020: 194).

(10) **Оригинал:** *Всегда был смишен,* — *злобно ухмыльнувшись* *совершенно в лицо финдиректору,* проговорил Варенуха (Булгаков 1988: 425);

А. Л. Санча: *Siempre fuiste listo* — *dijo Varenuja, soltando una risa furiosa en la misma cara de Rimski* (Ты всегда был умным, — сказал Варенуха, выпуская злобный смешок в лицо Римскому) (Bulgakov 2017: 206);

Х. Травьесо: *Siempre fuiste listo*— *dijo, soltando una risa furiosa en la misma cara de Rimski* (Bulgákov 2021: 229);

М. Ребон: *...Siempre has sido avisado* — *dijo Varenuja, con una sonrisa maliciosa justo en la cara de Rimski* (— Ты всегда был умным, — сказал Варенуха с ехидной улыбкой прямо в лицо Римскому) (Bulgákov 2020: 197).

(11) **Оригинал:** *Вон он за шкафом! Вот ухмыляется!* (Булгаков 1988: 428);

А. Л. Санча: — *¡Allí está! ¡Detrás del armario! ¡Se ríe!*... (Вон он! За шкафом! Смеется!) (Bulgakov 2017: 210);

Х. Травьесо: — *Ese es él. Detrás del armario. Se ríe.* (Bulgákov 2021: 235);

М. Ребон: — *¡Allí está! ¡Allí, detrás del armario! ¡Está sonriendo con malicia!* (— Он там! Там, за шкафом! Он зло улыбается!) (Bulgákov 2020: 202).

Современный испанско-русский русско-испанский словарь под редакцией Е. Е. Платоновой и А. Е. Шерстнева переводит лексему *reír* как «смеяться, засмеяться, насмеяться, потешаться (над кем-чем-либо)» (Платонова, Шерстнев 2013: 315), а *risa* как «смех, хохот» (Платонова, Шерстнев 2013: 325). RAE среди значений лексемы *reír* выделяет как связанные непосредственно со смехом и радостью, так и относящееся к презрительному отношению к чему-либо или кому-либо (RAE, *reír*). Вместе с тем русская лексема *ухмылка* (*ухмыляться*) не включает значений, связанных со смехом и радостью и ориентирована на демонстрацию, скорее, негативных эмоций. С этим, скорее всего, связано частое употребление в переводе Марты Ребон дериватов лексемы *malicia*, то есть «злоба», «злонамеренность», «склонность ко злу» для глаголов «ухмыляться» и однокоренных слов. Однако однозначной альтернативы лексемам *ухмылка* (*ухмыляться*) в испанских переводах разных лет найти не удалось. Это позволяет отнести лексему *ухмылка* (*ухмыляться*) к разряду абсолютных, немотивированных, векторных лакун в испанском языке.

Следующая анализируемая лексема — *стоять* — относится к группе ‘положение тела’ семантического поля ‘телесность’. Словарь Ушакова и словарь Ожегова и Шведовой приводят 14 значений лексемы *стоять*, в том числе «Находиться в вертикальном положении; быть на ногах, не двигаясь с места», «Оставаться неподвижным», «Находиться, быть поставленным, быть расположенным где-н.», «Быть», «Быть неподвижным», «Не развиваться», «Быть неизменным». (ТРСЯ Ушакова 1935–1940, т. 4: 541–542, 935–1936). В словаре Кузнецова приводятся 23 значения лексемы *стоять*, в том числе такие, которые не указаны в предыдущих словарях, например, «Быть отмеченным, изображенным, напечатанным и т. п. где-л., на чем-л.», «Не рассеиваться, заполняя какое-л. пространство (о дыме, запахе)», «Быть, сохраняться, удерживаться», «Быть каким-л., находиться в каком-л. положении, состоянии, качестве». (БТСРЯ Кузнецова 2000: 1275). Современный испанско-русский русско-испанский словарь Платоновой и Шерстнева дает несколько переводов для лексической единицы: «1. *estar/permanecer de pie*; 2. (не двигаться, бездействовать) *estar parado, parar* 3. (находиться во главе) *estar a la cabeza, encabezar*, стой(те)! (команда) ¡alto!» (Платонова, Шерстнев 2013: 784).

Испанский перевод романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» предлагает большое число вариантов перевода лексемы на испанский язык.

(12) **Оригинал:** *Незнакомец не сидел, а стоял возле нее* (Булгаков 1988: 283);

А. Л. Санча: *El desconocido se había levantado y permanecía de pie*. (Неизвестный поднялся и оставался на ногах) (Bulgakov 2017: 28);

Х. Травьесо: *El extranjero estaba de pie cerca del banco* (Иностранец был на ногах около скамьи) (Bulgákov 2021: 23);

М. Ребон: *El desconocido no estaba allí sentado, sino al lado, de pie...* (Неизвестный не сидел там, а рядом, на ногах) (Bulgákov 2020: 24).

(13) **Оригинал:** *Через минуту он вновь **стоял** перед прокуратором.* (Булгаков 1988: 287);

А. Л. Санча: *En seguida volvió ante el procurador.* (Сразу же оказался перед прокуратором) (Bulgakov 2017: 34);

Х. Травьесо: *Enseguida se hallaba de nuevo frente al Procurador.* (Сразу же он предстал вновь перед прокуратором) (Bulgákov 2021: 30);

М. Ребон: *Al cabo de un minuto, estaba frente al procurador otra vez.* (По прошествии минуты он был перед прокуратором снова) (Bulgákov 2020: 28).

(14) **Оригинал:** *Через минуту перед прокуратором **стоял** Марк Крысобо́й.* (Булгаков 1988: 298);

А. Л. Санча: *Un momento después, ante Pilato estaba Marc Matarratas* (Мгновение спустя, перед Пилатом находился Марк Крысобо́й) (Bulgákov 2021: 46);

Х. Травьесо: *Inmediatamente Marco Matarratas se presentó ante Pilatos.* (Незамедлительно Марк Крысобо́й предстал перед Пилатом) (Bulgakov 2017: 46);

М. Ребон: *Un minuto después, Marco Matarratas estaba plantado frente al procurador* (Минуту спустя Марк Крысобо́й уже стоял перед прокуратором) (Bulgákov 2020: 42).

(15) **Оригинал:** *Осторожный Берлиоз, хоть и **стоял** безопасно* (Булгаков 1988: 312);

А. Л. Санча: *El prudente Berlioz, aunque estaba fuera de peligro* (Предусмотрительный Берлиоз, хотя находился вне опасности) (Bulgakov 2017: 63);

Х. Травьесо: *Aunque estaba fuera de peligro, Berlioz, precavido* (Хотя находился вне опасности, Берлиоз, осторожный) (Bulgákov 2021: 66);

М. Ребон: *El prudente Berlioz, aunque estaba en un lugar a salvo* (Предусмотрительный Берлиоз, хотя и находился в безопасном месте) (Bulgákov 2020: 60).

(16) **Оригинал:** ***стоял** громадный ларь* (Булгаков 1988: 318);

А. Л. Санча: *en el suelo, un baúl enorme* (на полу, огромный сундук) (Bulgakov 2017: 70);

Х. Травьесо: *en el suelo, se alzaba una grandísima arca revesada de hierro* (на полу возвышался огромный сундук, обитый железом) (Bulgákov 2021: 74);

М. Ребон: *el en suelo había un enorme cofre* (Bulgákov 2020: 67).

(17) **Оригинал:** *Так вот, в этой ванне **стояла** голая гражданка* (Булгаков 1988: 318);

А. Л. Санча: *Y en la bañera, de pie, una ciudadana desnuda* (В ванной, на ногах, голая гражданка) (Bulgakov 2017: 71);

Х. Травьесо: *En esa bañera estaba parada una mujer desnuda* (В ванне остановилась обнаженная женщина) (Bulgákov 2021: 75);

М. Ребон: *...en esa bañera estaba de pie una ciudadana desnuda* (Bulgákov 2020: 67).

(18) **Оригинал:** *...на плите в полумраке **стояло** безмолвно около десятка потухших примусов.* (Булгаков 1988: 318);

А. Л. Санча: *...y en la lumbre, alineados en silencio, **había** cerca de una decena de hornillos de petróleo apagados* (в полумраке, вытянувшись в молчании, было около дюжины погасших бензиновых примусов) (Bulgakov 2017: 71);

Х. Травьесо: *en la cual **había** alrededor de diez silenciosos y apagados infiernillos* (в которой было около десяти тихих и потушенных горелок) (Bulgákov 2021: 75);

М. Ребон: *...sobre la placa en penumbra se alineaba en silencio una decena de hornillos Primus apagados* (Bulgákov 2020: 67).

(19) **Оригинал:** *...во главе которого **стоял** несчастный Михаил Александрович Берлиоз...* (Булгаков 1988: 321);

А. Л. Санча: *que **presidía** el pobre Mijaíl Alexándrovich Berlioz...* (который возглавлял бедный Михаил Александрович Берлиоз) (Bulgakov 2017: 75);

Х. Травьесо: *la casa pertenecía a ese mismo Massolit que **presidió**, hasta su desaparición en los Estanques el infortunado Mijaíl Alexándrovich Berlioz* (Дом принадлежал тому самому Массолиту, которым руководил несчастный Михаил Александрович Берлиоз до своего исчезновения на Прудах) (Bulgákov 2021: 80);

М. Ребон: *...cuyo director había sido el malogrado Mijaíl Aleksándrovich Berlioz* (Bulgákov 2020: 71);

(20) **Оригинал:** *Возле обезглавленного **стояли*** (Булгаков 1988: 326);

А. Л. Санча: ***Estaban** junto al decapitado* (Находились рядом с обезглавленным) (Bulgakov 2017: 81);

Х. Травьесо: *Cerca del decapitado **se encontraba** un profesor de medicina legal...* (Рядом с обезглавленным находился профессор судебной медицины...) (Bulgákov 2021: 86);

М. Ребон: *Junto al decapitado estaban* (Bulgákov 2020: 77).

Анализ предложенных вариантов перевода (в романе лексемы *стоять* в различных значениях используется более 200 раз) позволяет сделать однозначный вывод о лакунарности лексической единицы по отношению к испанскому языку. *Стоять* также можно отнести к абсолютным, немотивированным, векторным лакунам.

Лексема *манить* (*поманить*), относящаяся к телодвижениям, также не имеет однозначной альтернативы в испанском языке. Словарь Ушакова объясняет лексическую единицу *манить* как «1. Звать, делая знаки рукой, взглядом и т. п.» и дает второе, переносное значение: «Влечь, прельщать, соблазнять (книжн., поэт.)». (ТСРЯ Ушакова 1935–1940, т. 3: 814). Словарь Ожегова и

Шведовой толкует лексему *манить* аналогичным образом: «1. Звать, подзывать, делая знаки рукой, взглядом. 2. перен. Прельщать, привлекать, соблазнять» (ТСРЯ Ожегова, Шведовой 2010: 1311). В Большом толковом словаре Кузнецова лексема объясняется схожим образом: «1. Подзывать, делая знаки рукой, взглядом и т. п. 2. Влечь, притягивать к себе; прельщать, соблазнять» (БТСРЯ Кузнецова 2000: 846).

В испанских переводах романа М. А. Булгакова предлагаются различные варианты перевода лексемы *манить* (*поманить*), причем преимущественно лексическая единица в первом словарном значении переводится как аналитическая конструкция *hacer una seña con la mano para que se acercara* (сделать знак рукой, чтобы он или она приблизился), а во втором, переносном значении — как *atraer* (привлекать).

(21) **Оригинал:** ...*профессор поманил* обоих к себе... (Булгаков 1988: 284);

А. Л. Санча: *El profesor hizo una seña con la mano para que se acercaran* (Профессор жестом пригласил их приблизиться) (Bulgakov 2017: 29);

Х. Травьесо: *el profesor les hizo una seña con la mano para que se acercaran* (Профессор жестом пригласил их приблизиться) (Bulgákov 2021: 24);

М. Ребон: ...*el profesor les hizo señas a ambos para que se acercaran*... (профессор жестом пригласил их обоих приблизиться) (Bulgákov 2020: 25).

(22) **Оригинал:** неожиданно таинственно *поманил* обоих приятелей к себе поближе (Булгаков 1988: 309);

А. Л. Санча: *Les invitó con cierto aire de misterio a acercarse más* (Он пригласил их, с некоторой таинственностью, приблизиться.) (Bulgakov 2017: 60);

Х. Травьесо: ...*de repente, con un gesto misterioso, les pidió a los amigos que se acercaran a él* (Вдруг загадочным жестом он попросил друзей приблизиться к нему) (Bulgákov 2021: 61);

М. Ребон: ... *con un aire inesperadamente misterioso hizo señas a los dos amigos, para que se acercaran un poco más* (С неожиданно таинственным видом он пригласил двух друзей приблизиться) (Bulgákov 2020: 56).

(23) **Оригинал:** ласково *поманил* его пальцем на сцену (Булгаков 1988: 430);

А. Л. Санча: *y le hizo una seña cariñosa para que se le acercara* (и он сделал ему ласковый знак, чтобы тот приблизился) (Bulgakov 2017: 213);

Х. Травьесо: *Un cariñoso gesto del dedo lo llamó a escena* (ласковый жест пальца позвал его на сцену) (Bulgákov 2021: 238);

М. Ребон: ...*le hizo una seña amistosa para que subiera al escenario* (сделал ему дружеский знак подняться на сцену) (Bulgákov 2020: 205).

(24) **Оригинал:** если он мертв и *поманил* меня... (Булгаков 1988: 490);

А. Л. Санча: *o está muerto y me llama*... (или он мертв и зовет меня) (Bulgakov 2017: 284);

Х. Травьесо: *si está muerto y me llamaba a mí...* (если он мертв и звал меня) (Bulgákov 2021: 320);

М. Ребон: *Si está muerto y me hace señas...* (если он мертв и подает мне знаки) (Bulgákov 2020: 276).

(25) **Оригинал:** ...вы **поманили** меня словами о нем! (Булгаков 1988: 496);

А. Л. Санча: ...usted me **ha interesado** hablándome de él! (вы меня заинтересовали, говорив со мной о нем) (Bulgakov 2017: 294);

Х. Травьесо: ...usted me **ha agarrado** con lo dicho sobre él (вы меня поймали своими словами о нем) (Bulgákov 2021: 332);

М. Ребон: ...me ha atraído con palabras de él! (привлекли меня словами о нем) (Bulgákov 2020: 286).

(26) **Оригинал:** Вода **манила** ее после воздушной гонки (Булгаков 1988: 514);

А. Л. Санча: *Después de su carrera por el aire le atraía el agua* (После полета по воздуху ее привлекла вода.) (Bulgakov 2017: 315);

Х. Травьесо: *el agua que, luego de su carrera aérea, le apetecía* (вода, которую ей хотелось после воздушной гонки) (Bulgákov 2021: 357);

М. Ребон: *Después de la carrera por el aire, el agua la atraía* (После гонки по воздуху ее привлекла вода) (Bulgákov 2020: 309).

(27) **Оригинал:** Он протянул руку и **поманил** к себе Маргариту (Булгаков 1988: 524);

А. Л. Санча: *le hizo una seña para que se acercara* (он сделал жест, чтобы она приблизилась) (Bulgakov 2017: 327);

Х. Травьесо: *Extendió la mano y le hizo un gesto a Margarita para que se acercara* (Он протянул руку и жестом пригласил Маргариту подойти ближе) (Bulgákov 2021: 370).

М. Ребон: *Extendió el brazo e hizo una señal a Margarita para que se acercara* (Он протянул руку и жестом пригласил Маргариту подойти ближе.) (Bulgákov 2020: 321).

(28) **Оригинал:** Тогда Воланд **поманил** ее, как и тогда, к себе... (Булгаков 1988: 546);

А. Л. Санча: *Voland la llamó con un gesto, como lo hiciera antes* (Воланд позвал ее жестом, как сделал это раньше) (Bulgakov 2017: 353).

Х. Травьесо: *Entonces Voland, como antes, le hizo una seña para que se acercase...* (Тогда Воланд, как и раньше, сделал ей жест, чтобы она приблизилась) (Bulgákov 2021: 400);

М. Ребон: *Entonces Woland, al igual que antes, le hizo señas para que se sentara a su lado* (Тогда Воланд, так же, как и раньше, сделал ей жесты, чтобы она села рядом с ним) (Bulgákov 2020: 347).

(29) **Оригинал:** ... и манил бы тебя за собою (Булгаков 1988: 558);

А. Л. Санча: *y te llamaría para que me siguieras* (и звал бы тебя, чтобы ты приблизился) (Bulgakov 2017: 367);

Х. Травьесо: *y te seduciría para que me siguieras* (и соблазнял бы тебя, чтобы ты следовал за мной) (Bulgákov 2021: 418);

М. Ребон: *...y te haría señas para que me siguieras* (делал бы тебе знаки, чтобы ты следовал за мной) (Bulgákov 2020: 361).

Отсутствие унифицированного перевода на испанский язык лексемы *манить* (*поманить*) как в прямом, так и в переносном значениях, которые дают толковые словари русского языка, свидетельствует о лакунарном характере данной лексической единицы. Эта межъязыковая лакуна может быть отнесена к абсолютным немотивированным лексическим пробелам, так как в первом значении возможен только аналитический перевод, который не представляет собой устойчивого словосочетания, а во втором, переносном, значении, передается на испанский язык различными лексемами, ни одна из которых не обладает полным объемом значения единицы *манить*.

Еще одним примером лакуны семантического поля ‘телесность’ и относящейся к частям тела, является лексема *затылок*, которую словари русского языка определяют следующим образом: «Задняя часть черепа, головы. Чесать в затылке [...] Сдвинуть шапку наз. Идти друг другу в з. (один за другим, гуськом). В затылок дышит кто, кому (разг.) — вот-вот догонит, настигнет, опередит, к прил. затылочный, -ая, -ое. Затылочная кость» (ТСРЯ Ожегова, Шведовой 2010: 540); «Задняя часть черепа, головы. Ударить по затылку. Тряхнуть затылком. Сдвинуть шапку па затылок. Стукнуться затылком. Задумавшись, почесать в затылке» (ТСРЯ Ушакова 1935–1940, т. 3: 572); «Задняя часть черепа, головы над шеей. Бритый з. Седина на затылке. Разбить, ушибить з. Ударить по затылку. Чесать, почесывать з., в затылке (также: разг.; выражать недоумение, нерешительность, затруднение)» (БТСРЯ Кузнецова 2000: 453). Современный испанско-русский русско-испанский словарь Платоновой и Шерстнева для перевода лексемы «затылок» предлагает *nuca*, в то же время при переводе словосочетания «почесать в затылке» предлагается другой вариант: *rascarse el cogote* (Платонова, Шерстнев 2013: 540). Анализ словарных статей позволяет сделать вывод о том, что имеются в виду несколько отличные друг от друга части тела. Так, *RAE* предлагает следующее определение для лексемы *nuca*: «Верхняя часть шеи, соответствующая месту соединения позвоночного столба с головой» (*RAE, nuca*). Лексема *cogote* определяется в словаре Королевской Академии испанского языка как «верхняя и задняя часть шеи» (*RAE, cogote*). Таким образом, можно сделать вывод о том, что *затылок* как соматический объект в испанском языке отсутствует (а в русском языке, соответственно, не используется специфическая лексема для обозначения места сочленения черепа и позвоночного столба). В связи с отсутствием в испанском

языке затылка как соматического объекта в большинстве случаев переводчики воспользовались лексемой *nuca*.

(30) **Оригинал:** *несильно ударившись затылком о булыжник* (Булгаков 1988: 313);

А. Л. Санча: *Cayó boca arriba, golpeándose ligeramente la nuca* (упал ртом вверх, легко ударившись частью тела, которая находится на сочленении черепа и позвоночника) (Bulgakov 2017: 64);

Х. Травьесо: *Berlioz cayó boca arriba y su nuca golpeó con fuerza contra los guijarros* (Берлиоз упал ртом вверх и часть тела, которая находится на сочленении черепа и позвоночника, с силой ударила о мелкие камни (в данном случае перевод Травьесы неточен еще и потому, что в оригинале персонаж ударился несильно, а в переводе *con fuerza*, то есть «с силой»)) (Bulgakov 2021: 66);

М. Ребон: *...se golpeó ligeramente la nuca contra una piedra* (легко ударился частью тела, которая находится на сочленении черепа и позвоночника, о камень) (Bulgakov 2020: 60).

(31) **Оригинал:** *расплющенный затылок в руках прозектора* (Булгаков 1988: 328);

А. Л. Санча: *que está ahora con la nuca aplastada en las enguantadas manos del médico* (который сейчас с раздавленной частью тела, которая находится на сочленении черепа и позвоночника, в руках медика в перчатках) (Bulgakov 2017: 80);

Х. Травьесо: *cuyo despachurrado pescuezo aprietan ahora las manos enguantadas del disecador* (чью сломанную шею теперь сжимают руки прозектора в перчатках) (Bulgakov 2021: 75);

М. Ребон: *cuya nuca aplastada está en las enguantadas manos del médico* (чья раздробленная частью тела, которая находится на сочленении черепа и позвоночника, находится в руках врача в перчатках) (Bulgakov 2020: 85).

(32) **Оригинал:** *в заломленной на затылок клетчатой кепке* (Булгаков 1988: 272);

А. Л. Санча: *una gorra a cuadros echada hacia atrás* (кепка в клетку, направленная назад) (Bulgakov 2017: 5);

Х. Травьесо: *una gorra de cuadros puesta hacia atrás* (кепка в клетку, надетая назад) (Bulgakov 2021: 12);

М. Ребон: *una gorra de cuadros echada hacia la nuca* (клетчатая кепка, направленная в сторону сочленения черепа и позвоночника) (Bulgakov 2020: 11).

Можно сделать вывод о том, что разница между соматическим объектом *затылок* и *nuca* не всегда осознается переводчиками в силу близости расположения объектов, однако в ряде случаев специалисты предпочитают опустить лексему, из-за несовпадения контекстов употребления. Лексема русского языка

затылок представляет собой абсолютную немотивированную лакуну по отношению к испанскому языку, так как при непосредственной близости различных участков черепа наименование именно этой зоны в испанском языке не соответствует термину, который используется в русском языке. Вместе с тем анализ использования лексемы *писа* в различных контекстах также дает возможность предположить ее лакунарный характер по отношению к русскому языку, что, однако, не входит в конкретную сферу исследования в данной работе.

4. Заключение

В данной работе были рассмотрены лексические единицы русского языка, относящиеся к лексико-семантической группе ‘Телодвижения, положение тела и выражения лица’, в сопоставлении с предложенными в испанском переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» аналогами. Были рассмотрены такие лексемы, как *щуриться, ухмыляться, стоять, манить* и *затылок*. Анализ, выполненный с использованием толковых словарей русского языка и данных Королевской Академии испанского языка, позволяет отнести данные лексемы к абсолютным и относительным межъязыковым лакунам, так как испанский язык не располагает аналогами для перевода лексем, вобравшими в себя основные значения и коннотации русскоязычных лексических единиц.

Лакунарность лексем семантического поля ‘телесность’ не ограничивается вышеуказанными примерами. Анализ переводов литературных произведений наряду с изучением словарных статей позволяет выявлять такие лексические единицы, которые не имеют аналогов в других языках. Эта работа представляется важной не только в рамках преподавания русского языка как иностранного и в области переводоведения, но и, что представляется самым значимым, позволяет уточнить и дополнить классификацию лакун.

Список литературы / References

- Алексеева О. П., Аграмакова Ю. А. Калькирование как самый употребляемый способ перевода советизмов [Электронный ресурс] // Филологический аспект. 2019. № 5 (49). С. 228–235. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kalkirovanie-kak-samyj-upotrebljaemyj-sposob-perevoda-sovetizmov.html> (дата обращения: 25.02.2022). [Aleksееva, Olga P., & Agramakova, Yulia A. (2019) Kal'kirovanie kak samyj upotrebljaemyj sposob perevoda sovetizmov (Calques as the Most Widely Used Means of Soviet Terms Translation). *Filologicheskij aspekt*, 5 (49), 228–235. Retrieved from <https://scipress.ru/philology/articles/kalkirovanie-kak-samyj-upotrebljaemyj-sposob-perevoda-sovetizmov.html> (2022, February 22). (In Russian)].
- Андрианов М. С. Анализ процессов невербальной коммуникации как паралингвистики // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 5. С. 115–121. [Andrianov Mikhail S. (1995)

Analiz processov neverbal'noj kommunikacii kak paralingvistiki Analysis of Nonverbal Communication Processes as Paralinguistics). *Psihologicheskij zhurnal*, Vol. 16, 5, 115–121. (In Russian)].

Голубева А. С. Вербализация мимики и жестов в русском и испанском языках на материале корпусных данных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 9 (864), 39–48. [Golubeva, Alina S. (2022) Verbalizaciya mimiki i zhestov v russkom i ispanskom yazykah na materiale korpusnyh dannyh (Verbalization of Mimic and Gestures in Russian and Spanish on the Material of Corpus Data). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9 (864), 39–48. (In Russian)].

Голубева К. Г., Сухарева Т. В. Художественный концепт как инструмент интерпретации текста в образовательной парадигме филологов и лингвистов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 99–114. [Golubeva, Kristina G., & Suhareva, Tat'yana V. (2022) Hudozhestvennyj koncept kak instrument interpretacii teksta v obrazovatel'noj paradigme filologov i lingvistov (Literary Concept as an Interpretational Tool in the Educational Paradigm of Philologists and Linguists). *LUNN Bulletin*, 3 (59), 99–114. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-99-114.

Куликова И. С. Мир русской природы в мире русской литературы. Слова — названия растений в русской художественной картине мира. СПб.: Наука: САГА, 2006. [Kulikova, Irina S. (2006) *Mir russkoj prirody v mire russkoj literatury. Slova — nazvaniya rastenij v russkoj hudozhestvennoj kartine mira* (The World of Russian Nature in the World of Russian Literature. Words are the Names of Plants in the Russian Artistic Picture of the World). St. Petersburg. (In Russian)].

Муравьев В. Л. Лексические лакуны. Владимир: Вл. пед. ин-т, 1975. [Murav'ev, Vyacheslav L. (1975) *Leksicheskie lakuny* (Lexical Gaps). Vladimir: Vladimirskij pedagogicheskij institut. (In Russian)].

Попова Т. Г., Саушева, Е. В. Факторы, влияющие на формирование национального характера // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 1 (45). С. 57–66. [Popova, Tat'yana G., & Sausheva, Elena V. (2019) *Faktory, vliyayushchie na formirovanie nacional'nogo haraktera* (Factors Influencing the Formation of a National Character). *LUNN Bulletin*, 1 (45), 57–66. (In Russian)].

Поршнева Е. Р. Использование перевода в процессе языковой подготовки будущих переводчиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. Вып. 1 (29). С. 136–149. [Porshneva, Elena R. (2015) *Ispol'zovanie perevoda v processe yazykovoj podgotovki budushchih perevodchikov* (Using Translation / Interpretation in Language Training of Future Translators / Interpreters). *LUNN Bulletin*, 1 (29), 136–149. (In Russian)].

Прокофьева В. Ю. Семантическое поле 'телесность': роман А. Платонова «Счастливая Москва» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 24–29. [Prokofieva, Varvara Yu. (2014) *Semanticheskoe pole 'telesnost': roman A. Platonova «Schastlivaya Moskva»* (Semantic Field 'Corporeality' in Andrey Platonov's Novel *Happy Moscow* ("Schastlivaya Moskva")). *Tomsk State University Journal*, 388, 24–29 (In Russian)].

Родионова М. Ю. Основы работы переводчика с текстом как пропедевтический курс перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 115–129. [Rodionova, Mariya Yu. (2023)

- Osnovy raboty perevodchika s tekstom kak propedevticheskij kurs perevoda (Basics of Working on a Text as a Preliminary Translation Course). *LUNN Bulletin*, 2 (62), 115–129. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-115-129.
- Садилов А. В. Сведения о денотативном значении слова в современном двуязычном словаре (на материале испанско-русской пары языков) // Ибероамериканские тетради. 2013. № 1. С. 579–594. [Sadikov, Alexandr V. (2013) Svedeniya o denotativnom znachenii slova v sovremennom dvuyazychnom slovare (na materiale ispansko-russkoy pary yazykov) (Information on the Denotative Meaning of Words in Modern Bilingual Dictionaries (Based on Spanish-Russian Language Pair). *Cuadernos iberoamericanos*, 1, 579–594. (In Russian)]
- Степанов Ю. С. Французская стилистика. М.: Высш. шк., 1965. [Stepanov, Yuriy S. (1965) *Francuzskaya stilistika* (French Stylistics). Moscow: Vyssh. shk. (In Russian)].
- Цибуля Н. Б. Основные направления исследований в области невербальной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (687). С. 252–267. [Cibulya, Nadezhda B. (2014) Osnovnye napravleniya issledovaniy v oblasti neverbal'noj kommunikacii (The Main Aspects of Non-Verbal Communication Research). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 1 (687), 252–267. (In Russian)].
- Чернов Г. В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1958. [Chernov, Gelij V. (1958) *Voprosy perevoda russkoy bezekvivalentnoj leksiki na anglijskij yazyk*: Dis. ... kand. filol. nauk (Issues of Translating Russian Non-Equivalent Vocabulary into English: PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Шамилов Р. М. Что такое потребностноориентированный перевод? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 1 (61). С. 116–135. [Shamilov, Raviddin M. (2023) Chto takoe potrebnostnoorientirovannyj perevod? (What Is a Needs-Centered Translation?). *LUNN Bulletin*, 1 (61), 116–135. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-116-135.
- Belío-Apaolaza, Helena S. (2021) La comunicación no verbal en ELE: progresión didáctica para los gestos emblemáticos. *MarcoELE. Revista de Didáctica Español Lengua Extranjera*, 32, 1-21. Retrieved from <https://www.redalyc.org/journal/921/92165031002/92165031002.pdf> (2023, March 10). (In Spanish).
- Beltrán, Rubén C. (2000) El “hablante nativo” de la lengua meta: ¿Qué importancia tiene para la enseñanza de la l2?. *Elia: Estudios de Lingüística Inglesa Aplicada*, (1), 9–21. Retrieved from <https://revistas.uned.es/index.php/ELIA/article/view/18243> (2024, May 15). (In Spanish).
- Birdwhistell, Ray L. (1970) *Kinesics and Context. Essays on Body Motion Communication*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Coseriu, Eugenio. (1977) *Principios de semántica estructural*. Madrid: Gredos. (In Spanish).
- Santos, Franklin L., & Melo de Santana, Givaldo. (2000) Análisis de interlengua en la producción escrita de alumnos del curso de Licenciatura en lengua española de la Universidad Federal de Sergipe. In Izquierdo, José M. (ed.) *IV jornadas y III congreso internacional de enseñanza de español como lengua extranjera*, 26–32. Rosario: Laborde. Retrieved from <https://rephip.unr.edu.ar/bitstream/handle/2133/22430/27.%20La%20competencia%20intercultural%20como%20objetivo%20de%20la.pdf?sequence=2#page=26> (2024, May 15). (In Spanish).
- García, María J. C. (1996) La traducción del texto audiovisual. In La lingüística francesa: gramática, historia, epistemología. In Alonso, Emilia et al (eds.) *La lingüística francesa: gramática, historia, epistemología*, T. II, 123–130. Sevilla: Grupo Andaluz de Pragmática. (In Spanish).

- Geckeler, Horst. (2000) Acerca del problema de las lagunas léxicas. In *Cien años de investigación semántica. De Michel Breal a la actualidad: actas del Congreso Internacional de Semántica*, Vol. 1, 65–82. Ediciones Clásicas. (In Spanish).
- Janssen, Maarten. (2012) Lexical gaps. *International Journal of Lexicography*, 17 (2), 137–154.
- Karimova, Iroda B., & Khamrayeva, Nozima A. (2024) Exploration of Body Language and Its Role in Communication. *ACUMEN: International journal of multidisciplinary research*, 1 (4), 138–147. Retrieved from <https://inlibrary.uz/index.php/aijmr/article/view/63483> (2024, December 2).
- Lema, María. (2011) El morbo: ¿sólo atracción malsana? Análisis de su conceptualización en dos culturas. In *Un monográfico cargado de futuro: selección de artículos del I Congreso de Estudiantes de Filología Hispánica de Polonia “Las culturas de habla hispana”*. Poznań: Romanica.doc, 110–121. (In Spanish).
- Miquel, Lourdes. (1997) Lengua y cultura desde una perspectiva pragmática: algunos ejemplos aplicados al español. *Frecuencia–L*, 5, 3–14 Retrieved from https://www.academia.edu/download/40902278/2004_redELE_2_11Miquel_2.pdf (2024, May 15). (In Spanish).
- Ordóñez, Salvador G. (1981) *Lingüística y semántica: (aproximación funcional)*. Oviedo: Universidad de Oviedo. (In Spanish).
- Spoljaric, Ana Maria V., & Musulin, Maša. (2019) La mente multilingüe y la interferencia léxica. *Verba Hispanica*, Vol. 27, 1, 231–248. Retrieved from <https://journals.uni-lj.si/VerbaHispanica/article/view/8961> (2023, March 11). (In Spanish).
- Vinay, Jean-Paul, & Darbelnet, J. (1995) Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation (Vol. 11). John Benjamins Publishing.

Словари / Dictionaries

- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 2000. [Kuznecov, Sergej A. (ed.) (2000) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* (A Big Explanatory Dictionary of the Russian Language). St. Petersburg: Norint. (In Russian)].
- Николаева Т. М. Паралингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Nikolaeva, Tat'yana M. (1990) *Paralingvistika* (Paralinguistics). In Yarceva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russian)].
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. Оникс, 2010. [Ozhegov, Sergej I., & Shvedova, Natal'ya Yu. (2010) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* (An Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow: Oniks. (In Russian)].
- Платонова Е. Е., Шерстнев А. Н. Современный испанско-русский русско-испанский словарь. М.: АСТ, 2013. [Platonova, Elena E., & Sherstnev, Aleksandr, N. (2013) *Sovremennyyj ispanско-russkij russko-ispanskiy slovar'* (Modern Spanish-Russian-Russian-Spanish Dictionary). Moscow: AST. (In Russian)].
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. [Ushakov, Dmitriy N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. V 4 tomah* (An Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes). Moscow: Sovetskaya enciklopediya: OGIZ. (In Russian)].

RAE — Real Academia Española. Diccionarios. Retrieved from <https://www.rae.es/>. (2023, March 12).

Источники языкового материала / Language material resources

- Булгаков М. А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск: «Белорусская советская энциклопедия им. Петруся Бровки», 1988. [Bulgakov, Mikhail A. (1988) *Belaya gvardiya. Master i Margarita*. Minsk: Belorusskaya sovetskaya enciklopediya im. Petrusya Brovki. (In Russian)].
- Bulgakov, Mijail A. (2017) *El Maestro y Margarita*. Trans. by: Amaya Lacasa Sancha para Alianza Editorial. Caracas – Venezuela: Centro Simón Bolívar, 1967. Fundación El perro y la rana. (In Spanish).
- Bulgákov, Mijail A. (2020) *El Maestro y Margarita*. Trans. by: Marta Rebón. Barcelona: Editorial Navona SLU. (In Spanish).
- Bulgákov, Mijail A. (2021) *El Maestro y Margarita*. Trans. by: Julio Travieso Serrano. S. A. México: D. R. Editorial Lectorum. (In Spanish).

УДК 372.881.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-151-166

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЗРОСЛЫХ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. С. Лазарева ¹, Е. Н. Дмитриева ², Б. А. Жигалев ²

¹ Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

² Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена исследованию лингвистической безопасности как феномена современного языкового образования взрослых. Рассматриваются теоретико-методологические основания формирования лингвистической безопасности обучающихся, подчеркивается ее междисциплинарная природа, построенная на положениях лингводидактики, социолингвистики и теории межкультурной коммуникации. Цель исследования заключается в выявлении и обосновании педагогических условий, способствующих формированию состояния лингвистической безопасности у взрослых обучающихся, что позволяет обеспечить эффективность освоения иностранного языка. Методологическую основу составляют общенаучные методы анализа, синтеза и интерпретации научной литературы, а также систематизация подходов к обеспечению лингвистической безопасности. В статье подробно рассматриваются четыре основополагающих фундаментальных педагогических условия: плюрилингвизм, индивидуальное сопровождение, аксиологический подход и дифференцированное обучение. Каждое из них раскрывается с позиции его вклада в снижение речевой тревожности, поддержку языковой идентичности, формирование уважительного отношения к языковому и культурному разнообразию, а также усиление субъектной позиции обучающегося — актуальные проявления лингвистической безопасности. Особое внимание уделяется условиям функционирования лингвистической безопасности в корпоративной и мультикультурной образовательной среде, в которой обучающиеся сталкиваются с необходимостью коммуникации на нескольких языках. Отмечается, что плюрилингвизм нормализует практику многоязычия и формирует метаязыковое сознание. Индивидуальное сопровождение обеспечивается через диагностику, выбор содержания и форм обучения, построение образовательной траектории и сопровождение обучающегося на всех этапах. Аксиологический подход придает обучению личностный смысл, способствует осмыслению процессов овладения иностранным языком как ценности, связанной с безопасностью личности. Дифференцированное обучение позволяет учитывать различия в уровне подготовки, опыте, потребностях и культурно-национальных особенностях обучающихся. В результате обобщения предложена система педагогических условий, направленных на формирование лингвистической безопасности, и представлены способы их реализации. Теоретическая значимость работы заключается в уточнении понятийного аппарата и педагогических механизмов формирова-

ния лингвистической безопасности, практическая — в возможности применения результатов при проектировании курсов дополнительного образования для взрослых в условиях плюрилингвального и мультикультурного взаимодействия.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность взрослых; плюрилингвизм как условие лингвистической безопасности; языковая идентичность и лингвистическая безопасность; аксиологический подход в обеспечении лингвистической безопасности; субъектно-ориентированный подход к лингвистической безопасности; педагогические условия лингвистической безопасности.

Цитирование: Лазарева А. С., Дмитриева Е. Н., Жигалев Б. А. Педагогические условия формирования лингвистической безопасности взрослых в системе дополнительного образования // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 151–166. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-151-166.

Pedagogical Conditions for Fostering Linguistic Security in Adults within the System of Continuing Education

Anna S. Lazareva ¹, Elena N. Dmitrieva ², Boris A. Zhigalev ²

¹ Russian State Social University, Moscow, Russia

² Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This article examines linguistic security as a phenomenon in contemporary adult language education. It explores the theoretical and methodological foundations for fostering linguistic security among learners and emphasizes its interdisciplinary nature, built on the foundations of linguodidactics, sociolinguistics, and intercultural communication theory. The study aims to identify and substantiate pedagogical conditions that promote linguistic security in adult learners, thereby enhancing the effectiveness of foreign language acquisition. The methodological framework employs general scientific methods of analysis, synthesis, and interpretation of scholarly literature, as well as a systematization of approaches to ensuring linguistic security. The article elaborates on four fundamental pedagogical conditions: plurilingualism, individual support, the axiological approach, and differentiated instruction. Each is examined in terms of its contribution to reducing speech anxiety, supporting linguistic identity, fostering respect for linguistic and cultural diversity, and strengthening the learner's agency — core components of linguistic security. Special attention is given to the functioning of linguistic security in corporate and multicultural educational settings, where learners face the necessity of communicating in multiple languages. It is noted that plurilingualism normalizes the practice of multilingualism and fosters the development of metalinguistic awareness. Individual support is implemented through diagnostics, tailored content and instructional formats, personalized learning pathways, and continuous learner guidance. The axiological approach imbues learning with personal meaning, framing foreign language acquisition as a value tied to personal security. Differentiated instruction accommodates variations in proficiency levels, prior experience, needs, and cultural backgrounds among learners. The study synthesizes these conditions into a cohesive system and presents practical strategies for their implementation. The theoretical significance of the research lies in refining the conceptual framework and pedagogical

mechanisms of linguistic security, while its practical value resides in the applicability of the findings to designing adult continuing education programs in plurilingual and multicultural contexts.

Key words: linguistic security of adults; plurilingualism as a condition of linguistic security; language identity and linguistic security; axiological approach to linguistic security; subject-oriented approach to linguistic security; pedagogical conditions for linguistic security.

Citation: Lazareva, Anna S., Dmitrieva, Elena N., & Zhigalev, Boris A. (2025) Pedagogical Conditions for Fostering Linguistic Security in Adults within the System of Continuing Education. *LUNN Bulletin*, 2 (70), 151–166. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-151-166.

1. Введение

Обучение взрослых в системе дополнительного образования все чаще рассматривается через призму обеспечения лингвистической безопасности в качестве одного из основополагающих и системообразующих факторов-условий эффективного освоения иностранного языка и, соответственно, формирования иноязычной компетенции. В целом концептуальные представления о феномене лингвистической безопасности постепенно выходят за рамки сугубо лингвистических подходов и приобретают междисциплинарный статус, объединяющий лингводидактику, социолингвистику и теорию межкультурной коммуникации (Малинин, Сороковых, Шестакова 2024; Ястребова, Гарцуева 2024).

В широком смысле понятие «лингвистическая безопасность» трактуется как внутреннее состояние защищенности личности при обучении иностранному языку. Предполагается, что обеспечение лингвистической безопасности напрямую влияет на нередко проявляющиеся сложности обучения иностранным языкам взрослых — речевую тревожность, отчуждение, утрату языковой идентичности и т. п. (Трофимова 2012). Лингвистическая безопасность предполагает освоение техники владения языком (формирование иноязычной компетенции), влияет на уверенность обучающегося, его способность применять иностранный язык в реалиях многоязычной среды при сохранении собственной языковой идентичности и субъектности.

Таким образом, в контексте современных представлений лингвистическая безопасность рассматривается на уровне устойчивости личности в процессе изучения языка, сохранения и развития языковой идентичности, снижения деструктивной языковой интерференции, формирования метаязыкового сознания и плюриграмотности, культурной медиативности и межкультурной эмпатии.

Фактическое возникновение указанных проявлений лингвистической безопасности становится залогом более эффективного и субъектно-ориентированного языкового образования взрослых, актуальность которого возникает по причине растущих угроз безопасности личности. С позиции социолингвистики лингвистическая безопасность рассматривается как концепция, преследующая

создание условий сохранения культурной и языковой идентичности, предотвращения лингвоцидных процессов и поддержания языкового пространства (Калинина, Калинина 2023; Соболев 2024). Одновременно с этим исследователи отмечают, что лингвистическая безопасность положительно влияет на результаты обучения по причине снижения возможных трудностей и дискомфорта (Беляева 2022).

Необходимость исследования лингвистической безопасности обусловлена тем, что особое значение она приобретает в реалиях плюрилингвального обучения взрослых, в котором активно взаимодействуют несколько языков. Лингвистическая безопасность становится условием интеграции языков в единый языковой репертуар и формирования способности к осознанному межязыковому переключению (Piccardo 2017; Fleming et al. 2023). Также считается, что при отсутствии сопровождения обучающегося в ситуации многокодовой языковой активности могут возникать когнитивные и мотивационные искажения, которые снижают продуктивность обучения иностранным языкам (Устинова 2023). На стыке указанных аспектов также поднимаются вопросы формирования лингвоэкологической культуры, что невозможно без ориентации на принцип безопасности языкового развития (Глушкова 2023). Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи, по мнению которых возникает необходимость соотнесения языкового образования с системой ценностей личности, ее представлениями о внутреннем языковом «я» и профессиональной самореализации (Krupchenko, Zharkova, Inozemtseva 2020; Лазарева 2025).

Кроме того, актуальность проблемы лингвистической безопасности в системе дополнительного образования обусловлена как внешними, так и внутренними факторами влияния. С одной стороны, наблюдается усложнение корпоративной языковой среды, в которой функционирует взрослый обучающийся. Языковая среда становится поликультурной, многоязычной, нередко гибридной, по причине чего требуется развитие способностей к безопасному и эффективному функционированию в условиях языкового многообразия (Choi, Cross, Davies 2022). С другой стороны, сам обучающийся как субъект образовательного процесса должен осознавать ценности и смыслы лингвистической безопасности (Савченко, Устинкин 2020; Беляева 2022). Формирование методики обучения в контексте лингвистической безопасности становится необходимым условием обеспечения не только когнитивного и профессионального, но и личностного благополучия обучающегося. В противном случае плюрилингвизм из ресурса развития может превратиться в фактор, катализирующий внутренние конфликты и усиливающий возможные противоречия (Сысоев, Потапова 2022).

Учитывая все вышесказанное, отметим, что, несмотря на возрастающий интерес к проблеме лингвистической безопасности, степень изученности дан-

ной области остается фрагментарной; имеет место недостаточная систематизация подходов к рассмотрению лингвистической безопасности в контексте теории и методики иноязычного языкового образования. Так, в отечественной и зарубежной науке в целом можно выделить несколько направлений, в рамках которых предпринимались попытки анализа и описания феномена лингвистической безопасности. Социолингвистическое, в котором особое внимание уделяется исследованию языковых рисков в условиях многоязычной среды; психолого-педагогическое, сопряженное с изучением тревожности, выгорания и интерференций в языковом обучении; а также лингводидактическое, выраженное в анализе методических подходов к обеспечению языковой безопасности.

При этом нераскрытыми остаются базовые условия обеспечения лингвистической безопасности в системе дополнительного образования взрослых (Алямкина, Рибокене, Флеров 2020; Лазарева, Безукладников 2023; Ларина, Киргинцева 2024). В теоретическом отношении проблема обеспечения лингвистической безопасности опирается на идеи гуманистической педагогики, культурной медиативности, плюриграмотности, межъязыкового взаимодействия (Piccardo 2017; Fleming et al. 2023). Предполагается, что по итогам освоения иностранного языка не только формируется иноязычная компетенция, но и обеспечиваются самореализация, укрепление идентичности, формируется чувство уверенности и безопасности в динамичном языковом пространстве.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные и лингводидактические подходы, направленные на выявление и систематизацию педагогических условий, способствующих формированию лингвистической безопасности взрослых в системе дополнительного образования. Проведены анализ, библиографическое описание и интерпретация научной литературы по темам плюрилингвального образования, андрагогики, лингводидактики, лингвистической безопасности и др. Особое внимание при этом было уделено работам, раскрывающим специфику реализации данных феноменов в корпоративной среде и в условиях дополнительного образования.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Сущностные характеристики лингвистической безопасности формировались в последние десятилетия на стыке нескольких научных направлений. Концепт был введен в научный оборот в качестве ответной реакции на проявления языковой дискриминации, ассимиляции, утраты идентичности, речевой тревожности и интерференции, возникающие как на уровне социума, так и на уровне личности (Трофимова 2012; Сергиенко, Вдовиченко 2016; Соболев 2024).

Современные исследователи трактуют лингвистическую безопасность как интегративную характеристику образовательной среды и субъекта обучения, отражающую способность обучающегося к многоязычному функционированию без возникновения нестабильных речевых, когнитивных и эмоциональных проявлений (Устинова 2023). Фактически обеспечивается предотвращение внешних рисков (языкового давления, дискриминации, ассимиляции) и формирование внутренней «устойчивости», отражающей способность подстраиваться к постоянно изменяющимся условиям коммуникации при сохранении языковой идентичности (Piccardo 2017; Arenare 2024).

Соответственно, обеспечение лингвистической безопасности предстает не только актуальным, но и системно значимым направлением в лингводидактике; решение указанной задачи невозможно в отрыве от реализации педагогических условий, среди которых выступают 1) плюрилингвизм; 2) индивидуальное сопровождение; 3) аксиологический и 4) дифференцированный подходы. Рассмотрим каждое из условий более подробно.

Условие первое — плюрилингвизм в формировании лингвистической безопасности взрослых, изучающих иностранные языки. Отметим, что в контексте лингвистической безопасности плюрилингвизм может быть рассмотрен в виде не только методологического подхода к обучению нескольким языкам, но и педагогической установки, формирующей языковую идентичность обучающегося, его ценностное отношение к культурному и языковому разнообразию, а также готовность к коммуникативному взаимодействию в многоязычной среде (Fleming et al. 2023; Arenare 2024).

С точки зрения формирования лингвистической безопасности плюрилингвизм выступает в виде условия, способствующего снижению тревожности, повышению уверенности обучающегося и развитию его способности воспринимать языки как равноценные, согласованно-комплементарные инструменты познания мира и взаимодействия с ним (Galante, dela Cruz 2021; Устинова 2023). Иными словами, плюрилингвальный подход обеспечивает устранение дискурсивной и речевой дискриминации, формирует у обучающегося уважительное отношение к иноязычному опыту окружающих, а также позволяет обучающимся переосмыслить собственный языковой репертуар с позиции ресурса, служащего обогащению речи.

В плюрилингвальном обучении взрослых выделяется важный этический компонент, сущность которого выражается в признании права каждого человека на использование собственного языка в процессе коммуникации, что в особенности востребовано в корпоративной и мультикультурной среде при взаимодействии нескольких языков и культур. В данном случае поддержание плюрилингвального пространства обеспечивает безопасность речи, исключает

стереотипизацию, влияет на снятие напряжения и формирование атмосферы языковой толерантности (Piccardo 2017; Kang, Matthews, Yip, Wong 2021).

Кроме того, за счет ориентации на плюрилингвизм удается преодолевать негативные установки и предубеждения. Плюрилингвальный подход нормализует многоязычие, поскольку строится по принципам освоения нескольких иностранных языков с привязкой к родному (Onutz 2019). Обучающийся не только осваивает языки, но и получает опыт взаимодействия с иными языками и культурами, что оказывает «санирующее» влияние на возникновение возможных конфликтов и барьеров в коммуникации (Хлыбова, Томичева, Гиренко 2021). Именно в плюрилингвальной модели обучения возможно формирование уважительного отношения к культурным особенностям собеседника, что напрямую связано с безопасностью речи и снижением недопониманий.

Помимо прочего, в контексте плюрилингвального обучения взрослым предоставляется возможность самостоятельно выбирать наиболее комфортные формы языковой активности, переключаться между языками в зависимости от уровня владения, коммуникативной задачи или иных обстоятельств. Свобода выбора стимулирует и соответствует актуальным потребностям в обучении взрослых (Лазарева, Безукладников 2023; Лазарева 2025). При этом в контексте плюрилингвизма обязательно учитывается индивидуальный языковой опыт обучающегося, поощряется многоязычие; напротив, не допускаются проявления любой дискриминации. Фактически происходит переход от нормативно-оценочной модели преподавания к поддерживающей, фасилитирующей, ориентированной на развитие сильных сторон обучающегося (Халпина, Шостак 2019).

Второе условие — индивидуальное сопровождение взрослых обучающихся. Его реализация в системе дополнительного образования направлена на персонализацию языкового обучения и создание безопасной, поддерживающе-сопровождающей субъектно-ориентированной среды. Основу при обеспечении лингвистической безопасности составляет выработка соответствующей запросам обучающегося стратегии обучения с обязательным формированием позитивного самоотношения и преодолением негативных установок, сформировавшихся в том числе по причине некогда полученного отрицательного опыта (Сысоев, Потапова 2022; Лазарева 2025). Иначе говоря, сущность индивидуального сопровождения заключается в построении целенаправленного педагогического взаимодействия, основанного на изучении и принятии особенностей личностного, профессионального и языкового опыта обучающегося. Основной целью индивидуального сопровождения становится создание условий для постепенного «встраивания» обучающегося в многоязычную образовательную среду без возникновения ощущений неудачи, отсутствия успехов или фрустрации; траектория обучения, напротив,

выстраивается с опорой на сильные стороны обучающегося (Беляева 2022; Лазарева 2023; Аманова, Оразгелдиева 2025). Для реализации условия предполагается: 1) проведение первичной диагностики и учет уровня владения языком; 2) обеспечение соответствия содержания и форм обучения особенностям восприятия и фактически поступившему запросу; 3) активное включение обучающегося в принятие решений о выборе форм, темпа и средств обучения; 4) поощрение самостоятельной активности и ее стимулирование при оказании поддержки; 5) построение и реализация индивидуального образовательного маршрута с его предоставлением обучающемуся.

Как показывают исследования (Семенова 2016; Китова 2022), индивидуализация языкового образования обеспечивает возникновение положительного отношения к изучаемому языку. Достигается подобный эффект тем, что индивидуальное сопровождение позволяет переориентировать внимание с ошибок на прогресс. При этом учитываются другие важные в корпоративном обучении взрослых в системе дополнительного образования особенности — личностные, культурно-национальные, профессиональные (Алямкина, Рибокене, Флеров 2020).

Третьим является условие, связанное с формированием ценностного отношения к иностранному языку (иностраннным языкам), что достигается посредством учета идей и положений аксиологического подхода. Общеизвестным является то, что за аксиологическим подходом скрывается развитие личностных смыслов, ценностей и мировоззренческих установок. В рамках реализации плюрилингвального обучения аксиологический подход приобретает особое значение, поскольку становится не только условием, но и фактическим средством обеспечения лингвистической безопасности (Туркпенова 2022; Лазарева 2023; Исаева, Черкасова 2023). Лингвистическая безопасность, как состояние субъективной уверенности, речевой защищенности и языковой идентификации, напрямую зависит от того, в какой мере обучающийся ощущает ценность изучаемого языка, а также осмысленность и значимость собственной языковой активности. Таким образом аксиологический подход способствует формированию уважения к изучаемым языкам, развитию позитивного отношения к собственной многоязычности (Глушкова 2023). Итак, основные положения аксиологического подхода включают в себя:

- признание субъективной значимости языка для обучающегося;
- интеграцию культурных и нравственных проявлений в содержание образования;
- формирование ценностного отношения к языковому многообразию и культурному разнообразию;
- развитие способности к рефлексии и самопониманию через язык как средство познания.

В условиях плюрилингвального обучения, ориентированного на обеспечения лингвистической безопасности обучающихся, указанные положения реализуются посредством формирования плюрилингвального языкового репертуара, в который включаются не только языки — функциональные системы, но и связанные с ними культурные, социальные и эмоциональные смыслы. Обучающийся осваивает культуру общения, модели поведения, системы ценностей, присущие носителям изучаемого языка (Galante, dela Cruz 2021; Choi, Cross, Davies 2022; Храбскова, Томичева 2022). Аксиологическая составляющая особенно необходима именно при обучении взрослых, поскольку степень их участия в процессе определяется не столько внешними требованиями, сколько наличием осознанной потребности в самореализации, которая может и должна подкрепляться ценностями. Поэтому важно обеспечивать соотношение изучаемого языка с внутренним миром обучающегося, его опытом, взглядами, профессиональными и личными ценностями (Лазарева, Безукладников 2023). Кроме того, интеграция принципов, присущих аксиологическому подходу, позволяет включать в образовательный процесс темы этики общения, уважения, предупреждения языковой дискриминации и формирования речевой культуры, что неразрывно связано с обеспечением лингвистической безопасности (Трофимова 2012; Калинина, Калинина 2023). Фактическое применение аксиологического подхода возможно посредством включения в содержание учебных материалов текстов, раскрывающих ментальные особенности изучаемых лингвокультур; организации обсуждений и дискуссий, посвященных вопросам языка и идентичности; поощрения выражения собственного мнения на изучаемом языке; моделирования ситуаций межкультурного выбора.

Последним фундаментальным педагогическим условием является реализация принципов дифференцированного обучения. Предпосылкой и обстоятельством его выделения служит то, что взрослые обучающиеся имеют различный уровень владения языками, различный жизненный и профессиональный опыт, потребности и иные характеристики (Казакова 2015; Комарова 2022). В какой-то мере дифференциация представляется логически связанным с индивидуализацией условием, поскольку сущность дифференцированного обучения проявляется в варьировании содержания, методов, темпа, средств и форм обучения в зависимости от индивидуальных характеристик обучающихся. При этом обязательно учитываются возрастные, профессиональные, личностные и культурные особенности взрослого, как неоднократно подчеркивалось нами ранее. Отказ от их принятия способствует возникновению нежелательных проявлений — проблем обучения иностранным языкам, противоречащим идее обеспечения лингвистической безопасности (Устинова 2023; Калинина, Калинина 2023).

К тому же, с учетом первого условия (плюрилингвизма), дифференциация должна осуществляться не только с точки зрения уровня владения конкретным языком, но и уровня плюрилингвальной компетентности — способности к межкультурному переносу и межкультурной навигации. Требуется разработка диагностических инструментов и подходов к обучению, которые позволят учитывать разные траектории языкового развития обучающихся (Onutz 2019; Лазарева 2023). На прикладном уровне дифференцированное обучение реализуется посредством устоявшихся практик, а именно через:

- формирование разноуровневых заданий, в том числе в рамках одного занятия;
- создание микрогрупп с учетом уровня сформированности иноязычной компетенции и предпочтений обучающихся;
- предоставление возможности выбора контрольно-оценочных форм;
- подстраивание тематики и контекста под профессиональные интересы обучающихся.

Кроме того, дифференциация предполагает признание языкового и культурного многообразия, поскольку опыт обучающихся, владеющих разными исходными языками, отличающихся превалированием различных стратегий информации, не должен нивелироваться (Piccardo 2017; Халяпина, Шостак 2019).

Обобщая приведенные условия, представим способы их практической реализации в условиях формирования лингвистической безопасности взрослых в системе дополнительного образования.

Таблица. Педагогические условия формирования лингвистической безопасности взрослых в системе дополнительного образования и способы их реализации, составлено авторами

№	Условие	Особенности	Способы реализации
1	Плюрилингвизм	Способствует снижению тревожности, устранению дискриминации, поддержанию языковой идентичности и формированию плюриграмотности. Развивает межкультурную эмпатию и культурную медиативность обучающихся	Признание права каждого человека на использование собственного языкового фонда; поддержание плюрилингвального пространства, нормализация многоязычного мышления; формирование уважительного отношения к культурным особенностям собеседника; возможность самостоятельно выбирать наиболее комфортные формы языковой активности; поощрение многоязычия, недопущение коррекционных форм обучения; переход от нормативно-оценочной модели преподавания к поддерживающей, фасилитирующей и др.

Окончание таблицы

№	Условие	Особенности	Способы реализации
2	Индивидуальное сопровождение	Снижает речевую тревожность, устраняет ощущение неуспешности, подстраивает обучение под личный опыт, уровень владения языком и потребности в его изучении. Способствует позитивной языковой самоидентификации	Диагностика и учет речевых установок, тревожности, уровня владения; подстраивание содержания и форм обучения под особенности восприятия; включение обучающегося в принятие решений с выбором форм, темпа и средств обучения; поощрение самостоятельности и метапознания; формирование индивидуальных учебных планов и дорожных карт и др.
3	Аксиологический подход	Определяет значимость изучения языка на уровне ценностей, формирует уважение к многоязычию и усиливает субъективное принятие. Снижает тревожность, вызванную формализмом и речевыми рисками, кризисом ценностей. Фактически осмысливается роль обеспечения собственной лингвистической безопасности	Включение в содержание учебных материалов текстов, раскрывающих культурные и нравственные смыслы языков; организация рефлексивных обсуждений и дискуссий, посвященных вопросам языка и идентичности; поощрение выражения собственного мнения на изучаемом языке как формы субъектной позиции; моделирование ситуаций межкультурного выбора, в которых язык выступает в качестве не только средства, но и носителя ценностей и др.
4	Дифференцированное обучение	Формирует зону ближайшего развития, укрепляет языковую идентичность и плюрилингвальные стратегии обучения; подкрепляет позитивные практики развития иноязычных компетенций	Формирование разноуровневых заданий, в том числе в рамках одного занятия; создание микрогрупп с учетом уровня и предпочтений обучающихся; предоставление выбора форм контроля и оценки; подстраивание тематики и контекста под профессиональные интересы обучающихся; варьирование языков-посредников и др.

4. Заключение

Таким образом, лингвистическая безопасность выступает в качестве системообразующего условия, определяющего успешность языкового образования взрослых в системе дополнительного образования. Формирование лингвистической безопасности должно осуществляться на основе интеграции методологических, педагогических и ценностных подходов. Предложенная

система педагогических условий, среди которых плюрилингвизм, индивидуальное сопровождение, аксиологический и дифференцированный подходы, обеспечивает формирование такой образовательной среды, в которой обучающийся чувствует себя защищенным, включенным и компетентным в многоязычной коммуникации. Условия функционируют совместно, усиливают друг друга и создают базис формирования языковой идентичности, уважительного отношения к многоязычию и преодоления возможных проявлений тревожности, интерференции, языковой дискриминации и др. Рассматривая лингвистическую безопасность, можно сделать несколько выводов о ней как феномене в контексте обучения иностранным языкам взрослых в дополнительном образовании:

1. Лингвистическая безопасность должна выступать одной из целей и задач преподавания иностранных языков взрослым в системе дополнительного образования, что особенно актуальной в плюрилингвальной и мультикультурной среде.

2. Плюрилингвизм как дидактическая установка поддерживает формирование среды обучения, в которой приняты уважение к разнообразию языков и культур, что влияет на формирование метаязыкового сознания.

3. Индивидуальное сопровождение позволяет подстроить процесс обучения под особенности обучающегося, снижать тревожность и усиливать профиль актуальных потребностей к освоению языка с упором на лингвистическую безопасность.

4. Аксиологический подход наполняет обучение смыслом, определяет ценностную связь между личностью и изучаемым языком, делает языковое образование фактором личностного безопасного развития.

5. Дифференцированное обучение реализует принципы персонализации и вариативности, предотвращает проблемы отчуждения.

Таким образом, исследование лингвистической безопасности в обучении взрослых иностранным языкам подтверждает необходимость дальнейшего изучения и оценки эффективности выработанных базовых педагогических условий с их последующим уточнением.

Список литературы / References

- Алямкина Е. А., Рибокене Е. В., Флеров О. В. Профессионально-педагогические особенности корпоративного обучения иностранному языку // Наука и школа. 2020. № 2. С. 75–88. [Alyamkina, Ekaterina A., Ribokene, Yelena V., & Flerov, Oleg V. (2020) Professionalno-pedagogicheskiye osobennosti korporativnogo obucheniya inostrannomu yazyku (Professional and Pedagogical Features of Corporate Foreign Language Training). *Science and School*, 2, 75–88. (In Russian)].

- Аманова М. Х., Оразгелдиева О. Современные методы и подходы в обучении иностранному языку: инновации в методике и технологиях // Наука и мировоззрение. 2025. № 1 (33). С. 32–36. [Amanova, Merdzhen Kh., & Orazgeldieva, Ogulsuray. (2025) Sovremennyye metody i podkhody v obuchenii inostrannomu yazyku: innovatsii v metodike i tekhnologiyakh (Modern Methods and Approaches in Foreign Language Teaching: Innovations in Methodology and Technologies). *Science and Worldview*, 1 (33), 32–36. (In Russian)].
- Беляева О. А. Речевая тревожность как психолого-педагогическая проблема современных обучающихся // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 5–13. [Belyaeva, Olga A. (2022) Rechevaya trevozhnost kak psikhologo-pedagogicheskaya problema sovremennykh obuchayushchikhsya (Speech Anxiety as a Psychological and Pedagogical Problem of Modern Learners). *Systems Psychology and Sociology*, 2 (42), 5–13. (In Russian)].
- Глушкова Н. Г. Лингвоэкологическая культура будущих педагогов: дефиниции и структурные компоненты // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 19–21. [Glushkova, Nina G. (2023) Lingvoekologicheskaya kul'tura budushchikh pedagogov: definitsii i strukturnyye komponenty (Linguoecological Culture of Future Teachers: Definitions and Structural Components). *The World of Science, Culture and Education*, 5 (102), 19–21. (In Russian)].
- Исаева Т. Е., Черкасова М. Н. Формирование аксиологического поля учебного материала в процессе преподавания иностранного языка (лингвометодическая подготовка англоязычных текстов) [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 10. С. 25–41. URL: <http://e-koncept.ru/2023/231093.htm> (дата обращения: 12.02.2025). [Isaeva, Tatyana E., Cherkasova, Marina N. (2023) Formirovaniye aksiologicheskogo polya uchebnogo materiala v protsesse prepodavaniya inostrannogo yazyka (Formation of the Axiological Field of Educational Material in Teaching Foreign Languages). *Scientific-methodological electronic journal "Koncept"*, 10, 25–41. Retrieved from <http://e-koncept.ru/2023/231093.htm> (2025, February 12). (In Russian)].
- Казакова О. П. Факторы дифференциации методик обучения иностранным языкам для специальных целей // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 40–45. [Kazakova, Olga P. (2015) Faktory differentsiatsii metodik obucheniya inostrannym yazykam dlya spetsialnykh tseley (Factors of Differentiation in Methods of Foreign Language Teaching for Specific Purposes). *Pedagogical Education in Russia*, 10, 40–45. (In Russian)].
- Калинина М. В., Калинина М. А. Конфликтотенность форм цифровой коммуникации в аспекте лингвистической безопасности (на материале комментариев к блогам платформы «Яндекс-Дзен») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2023. № 2. С. 17–27. [Kalinina, Margarita V., & Kalinina, Marina A. (2023) Konfliktotennost form tsifrovoy kommunikatsii v aspekte lingvisticheskoy bezopasnosti (Conflict Potential of Digital Communication Forms in the Context of Linguistic Security). *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2, 17–27. (In Russian)].
- Китова Е. Б. Практические аспекты обучения взрослых слушателей английскому языку // Известия Байкальского государственного университета. 2022. № 32 (4). С. 787–792. [Kitova, Elena B. (2022) Prakticheskiye aspekty obucheniya vzroslykh slushateley angliyskomu yazyku (Practical Aspects of Teaching English to Adult Learners). *Bulletin of Baikal State University*, 32 (4), 787–792. (In Russian)].
- Комарова Ю. А. Многоуровневое структурирование дифференцированного подхода к обучению иностранным языкам в системе дополнительного образования [Электронный

- ресурс] // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2022. № 11. С. 26–35. URL: https://lk.pspu.ru/Shared/Гуманитарные_исследования_2022_11.pdf (дата обращения: 10.02.2025). [Komarova, Yulia A. (2022) Mnogourovnevoye strukturuvaniye differentsirovannogo podkhoda k obucheniyu inostrannym yazykam v sisteme dopolnitelnogo obrazovaniya (Multilevel Structuring of the Differentiated Approach to Foreign Language Teaching in Continuing Education). *Humanitarian Studies. Pedagogy and Psychology*, 11, 26–35. Retrieved from https://lk.pspu.ru/Shared/Гуманитарные_исследования_2022_11.pdf (2025, February 10). (In Russian)]. <https://doi.org/10.24412/2712-827X2022-11-27-35>.
- Лазарева А. С. Методические особенности обучения взрослых иностранным языкам [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2025. № 1 (73). С. 269–275. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5672/ (дата обращения: 03.02.2025). [Lazareva, Anna S. (2025) Metodicheskiye osobennosti obucheniya vzroslykh inostrannym yazykam (Methodological Features of Teaching Foreign Languages to Adults). *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (73), 269–275. Retrieved from https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5672/ (2025, February 3). (In Russian)].
- Лазарева А. С. Реализация ценностной парадигмы в дополнительном иноязычном образовании взрослых в корпоративной среде // Язык и культура. 2023. № 64. С. 155–168. [Lazareva, Anna S. (2023) Realizatsiya tsennostnoy paradigmy v dopolnitelnom inoyazychnom obrazovanii vzroslykh v korporativnoy srede (Implementation of the Value Paradigm in Additional Foreign Language Education for Adults in Corporate Settings). *Language and Culture*, 64, 155–168. (In Russian)].
- Лазарева А. С., Безукладников К. Э. Андрагогика как базис мультилингвального корпоративного обучения // Язык и культура. 2023. № 62. С. 263–276. [Lazareva, Anastasiya S., & Bezukladnikov, Konstantin E. (2023) Andragogika kak bazis multilinvualnogo korporativnogo obucheniya (Andragogy as a Basis for Multilingual Corporate Training). *Language and Culture*, 62, 263–276. (In Russian)].
- Ларина Т. В., Киргинцева Н. С. Андрагогический подход к повышению качества обучения иностранному языку в военном вузе // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 197–199. [Larina, T. V., Kirgintseva, N. S. (2024) Andragogicheskiy podkhod k povysheniyu kachestva obucheniya inostrannomu yazyku v voyennom vuze (Andragogical Approach to Improving Foreign Language Teaching Quality at a Military University). *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 4 (107), 197–199. (In Russian)]. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-197-199.
- Малинин В. А., Сороковых Г. В., Шестакова С. М. Формирование лингвистической безопасности личности как условие воспитания молодежи // Московский педагогический журнал. 2024. № 3. С. 18–29. [Malinin, Valeriy A., Sorokovikh, Galina V., & Shestakova, Svetlana M. (2024) Formirovaniye lingvisticheskoy bezopasnosti lichnosti kak usloviye vospitaniya molodyozhi (Formation of Linguistic Security of the Individual as a Condition for Educating Youth). *Moscow Pedagogical Journal*, 3, 18–29. (In Russian)].
- Савченко И. А., Устинкин С. В. Языковая политика и лингвистическая безопасность // Власть. 2020. № 6. С. 286–291. [Savchenko, Irina A., & Ustinkin, Sergey V. (2020) Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost (Language Policy and Linguistic Security). *Vlast'*, 6, 286–291. (In Russian)].
- Семенова Е. Ю. Обучение взрослых иностранному языку // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 2. С. 96–102. [Semenova, Yelena Y. (2016) Obucheniye vzroslykh

- inostrannomu yazyku (Teaching Foreign Languages to Adults). *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2, 96–102. (In Russian)].
- Сергиенко Н. А., Вдовиченко Л. В. Проблемы лингвистической безопасности речевой коммуникации (на материале лингвистических исследований Научно-образовательного лингвистического центра СУРГУ) // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 26-2. С. 21–26. [Sergiyenko, Natal'ya A., & Vdovichenko, Larisa V. (2016) Problemy lingvisticheskoy bezopasnosti rechevoy kommunikatsii (Problems of Linguistic Security in Speech Communication). *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike*, 26-2, 21–26. (In Russian)].
- Соболь Н. В. Взаимосвязь лингвообразования и лингвистической безопасности государства // Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (13). С. 76–80. [Sobol, Natal'ya V. (2024) Vzaimosvyaz lingvoobrazovaniya i lingvisticheskoy bezopasnosti gosudarstva (Interrelation of Language Education and Linguistic Security of the State). *Al'manah Permskogo voennogo instituta voysk nacional'noj gvardii*, 1 (13), 76–80. (In Russian)].
- Сысоев П. В., Потапова Е. Н. Корпоративное обучение профессиональному иностранному языку [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 256–271. URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/2022-2/22-02/> (дата обращения: 09.02.2025). [Sysoyev, Pavel V., & Potapova, Yelena N. (2022) Korporativnoye obucheniye professionalnomu inostrannomu yazyku (Corporate Training in Professional Foreign Language). *Perspectives of Science and Education*, 2 (56), 256–271. Retrieved from <https://pnojurnal.wordpress.com/2022-2/22-02/> (2025, February 9). (In Russian)].
- Трофимова Г. Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Русистика. 2012. № 1. С. 24–29. [Trofimova, Galina N. (2012) Lingvisticheskaya bezopasnost: k probleme tolkovaniya (Linguistic Security: On the Issue of Interpretation). *Russian Language Studies*, 1, 24–29. (In Russian)].
- Туркпенова Д. К. Аксиологический потенциал методик и курсов в изучении иностранного языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2022. № 1 (233). С. 32–38. [Turkmenova, Dinara K. (2022) Aksiologicheskii potentsial metodik i kursov v izuchenii inostrannogo yazyka (Axiological Potential of Methods and Courses in Foreign Language Learning). *Vestnik of the Orenburg State University*, 1 (233), 32–38. (In Russian)].
- Устинова Т. В. Плюрилингвизм как конститутивный признак коммуникации в глобальном мире // Век глобализации. 2023. № 2 (46). С. 31–40. [Ustinova, Tatyana V. (2023) Plyurilingvizm kak konstitutivnyy priznak kommunikatsii v globalnom mire (Plurilingualism as a Constitutive Feature of Communication in the Global World). *Age of Globalization*, 2 (46), 31–40. (In Russian)]. DOI: 10.30884/vglob/2023.02.04.
- Халяпина Л. П., Шостак Е. В. Плюрилингвальный и транслингвальный подходы как новые тенденции в теории интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам студентов технических вузов // Вестник ПНИПУ. 2019. № 2. С. 119–130. [Khalyapina, Lyudmila P., & Shostak, Ekaterina V. (2019) Plyurilingvalnyy i translingvalnyy podkhody kak novyye tendentsii (Plurilingual and Translingual Approaches as New Trends). *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University*, 2, 119–130. (In Russian)].
- Хлыбова Н. А., Томичева И. В., Гиренко И. В. Педагогическое сопровождение стратегий изучения иностранного языка: обзор методологии исследования // Гуманитарные науки. 2021. № 3 (55). С. 75–87. [Khlybova, Nataliya A., Tomicheva, Irina V., & Girenko, Irina V. (2021) Pedagogicheskoye soprovozhdeniye strategiy izucheniya inostrannogo

yazyka (Pedagogical Support of Foreign Language Learning Strategies). *Humanitarian Sciences*, 3 (55), 75–87. (In Russian)].

Храбскова Д. М., Томичева И. В. Переключение кодов во франкоязычных текстовых сообщениях как инструмент аффилиации в современном обществе // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. 2022. № 2 (88). С. 109–120. [Khrabskova, Danuta M., & Tomicheva, Irina V. (2022) Pereklyucheniye kodov vo frankoyazychnykh tekstovyykh soobshcheniyakh kak instrument affilyatsii (Code-Switching in French-Language Text Messages as a Tool for Affiliation). *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 2 (88), 109–120. (In Russian)].

Ястребова О. И., Гарцуева О. А. Лингвистическая безопасность как социально-психологический феномен // Наука. Образование. Современность. 2024. № 2. С. 40–44. [Yastrebova, Olga I., & Gartsueva, Olga A. (2024) Lingvisticheskaya bezopasnost kak sotsialno-psikhologicheskiy fenomen (Linguistic Security as a Socio-Psychological Phenomenon). *Science. Education. The Present*, 2, 40–44. (In Russian)]. DOI: 10.24412/2658-7335-2024-2-21.

Arenare, Giovanna. (2024) (Why) See Yourself as Plurilingual: Intercomprehension and Motivation Towards the Learning of LOTE in Young Learners. *Journal of Language, Identity & Education*, 1–20. Retrieved from <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15348458.2023.2281947> (2025, February 4).

Choi, Julie, Cross, Russell, & Davies, Larissa M. (2022) Looking Towards Plurilingual Futures for Literacy Assessment. *Australian Journal of Language and Literacy*, Vol. 45, 325–340. Retrieved from <https://link.springer.com/article/10.1007/s44020-022-00021-3> (2025, February 6).

Fleming, Douglas, Mbida, Leilah, Bangou, Francis, Fleuret, Carole, Masson, Marie-Emilie, Thibeault Joël, & Arnott Stephanie. (2023) Plurilingualism: A Review of Theory and Current Practice. *TESL Canada Journal*, Vol. 40 (2), 63–76. Retrieved from <https://teslcanadajournal.ca/index.php/tesl/article/view/1541> (2025, February 5).

Galante, Angelica, & dela Cruz, John W. N. (2021) Plurilingual and Pluricultural as the New Normal: An Examination of Language Use and Identity in the Multilingual City of Montreal. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 45 (4), 868–883. Retrieved from <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01434632.2021.1931244> (2025, February 8).

Kang, Xin, Matthews, Stephen, Yip, Virginia, & Wong, Patrick C. M. (2021) Language and Non-language Factors in Foreign Language Learning: Evidence for the Learning Condition Hypothesis. *npj Science of Learning*, 6, 28. Retrieved from <https://www.nature.com/articles/s41539-021-00104-9> (2025, February 6).

Krupchenko, Anna, Zharkova, Tat'yana, & Inozemtseva, Kira. (2020) Axiology of Foreign Language Education. In Nefedova, Liliya A. (ed.), *Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects*, Vol 86. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 467–474. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.55 (2025, February 4).

Onutz, Teodora. (2019) Foreign Languages in Non-Formal Adult Education — A New Trend. In Chis, Vasile (ed.) *Education, Reflection, Development – ERD 2019. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, Vol 85, 507–519. Retrieved from <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.06.51> (2025, February 8).

Piccardo, Enrica. (2017) Plurilingualism as a Catalyst for Creativity in Superdiverse Societies: A Systemic Analysis. *Frontiers in Psychology*, 8, 2169. Retrieved from <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2017.02169/full> (2025, February 3).

УДК 372.881.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-167-177

МЕТОДИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИКИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРЕХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ (на базе английского и русского языка как родного)

А. В. Бурла, Е. П. Глумова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье обосновывается актуальность преподавания турецкого языка в качестве второго и третьего иностранного с опорой на языки, которыми владеют обучающиеся. Анализируется научная проблема соизучения нескольких иностранных языков. При выявлении особенностей организации процесса обучения лексической стороне речи турецкого языка учитывается недостаточная представленность методической и учебной литературы по турецкому языку по сравнению с условиями преподавания европейских языков, в обучении которым накоплен серьезный научно-методический опыт. Рассматриваются перспективы изучения турецкого языка обучающимися российских вузов с позиций его практического применения в профессиональной деятельности. Проведено исследование возможностей опоры на уже известные обучающимся языки при изучении турецкого языка, при этом сделана попытка выделить превалирующий в данном процессе язык. Приводится сопоставление систем языков для определения, на основе какого из них обучающимся будет легче овладевать новым иностранным языком, усваивать и запоминать значения имеющихся в нем понятий. Акцентируются проблемы содержания современных отечественных и зарубежных учебно-методических комплексов по турецкому языку с точки зрения актуальности их языкового наполнения, а также эффективности применения на занятиях. Приводится список тематических разделов учебников с целью анализа лексических единиц, обеспечивающих коммуникацию в рамках выделенных сфер общения на турецком языке. Основываясь на изучении существующих типологий лексических единиц английского и русского языков, разработанных отечественными методистами, предлагается авторский вариант типологического деления лексических единиц турецкого языка с опорой на русский язык как родной и английский как первый иностранный с целью более эффективного усвоения их обучающимися. В основе типологии лежат лингвокультурологические особенности турецкого языка. Приведенные в данном разделе лексические единицы отражают важные явления и понятия, знание особенностей которых не только облегчит усвоение и запоминание нового языкового материала, но и позволит обучающимся лучше понимать традиционные культурные смысловые ценности жителей страны изучаемого языка.

Ключевые слова: турецкий язык; второй иностранный язык; третий иностранный язык; взаимодействие языковых систем; соизучение иностранных языков; методическая типология лексики, приемы семантизации.

Цитирование: Бурла А. В., Глумова Е. П. Методическая типология лексики турецкого языка в условиях взаимодействия трех языковых систем (на базе английского и русского

языка как родного)// Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 2 (70). С. 167–177. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-167-177.

**Methodological Typology of Turkish Vocabulary
in the Context of Three-Language Interaction
(with English as a Foreign Language and Russian as a Native Language)**

Anna V. Burla, Elena P. Glumova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article substantiates the relevance of teaching Turkish as a second or third foreign language by leveraging learners' existing language proficiencies. It examines the scholarly challenge of simultaneous multilingual language acquisition. When analyzing the specificities of teaching Turkish vocabulary, the study considers the limited availability of Turkish methodological and instructional materials compared to European languages, which benefit from extensive established teaching methodologies. The research explores the prospects of Turkish language acquisition by Russian university students from the perspective of its practical professional applications. It investigates how learners' prior language knowledge can facilitate Turkish language learning, with particular attention to identifying which existing language (English or Russian) serves as the dominant reference point in this process. A comparative analysis of language systems is conducted to determine which base language provides more effective scaffolding for acquiring new Turkish vocabulary and conceptual meanings. The study critically evaluates contemporary Russian and international Turkish language teaching materials, assessing both the relevance of their lexical content and their classroom effectiveness. A thematic breakdown of textbook units is provided to analyze vocabulary items essential for communication in key Turkish language domains. Building upon existing typologies of English and Russian lexical units developed by Russian methodology experts, the authors propose an original typological classification of Turkish vocabulary. This framework strategically utilizes Russian as the native language and English as the first foreign language to optimize acquisition efficiency. The typology is grounded in the linguocultural particularities of Turkish, with the presented lexical units reflecting crucial phenomena and concepts whose mastery facilitates not only language learning but also a deeper understanding of Turkey's traditional cultural values.

Key words: Turkish language; second foreign language; third foreign language; interaction of language systems; simultaneous multilingual language acquisition; methodological typology of vocabulary; semantization techniques.

Citation: Burla, Anna V., & Glumova, Elena P. (2025) Methodological Typology of Turkish Vocabulary in the Context of Three-Language Interaction (with English as a Foreign Language and Russian as a Native Language). *LUNN Bulletin*, 2 (70), 167–177. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-70-2-167-177.

1. Введение

Происходящие в современном мире глобальные события и изменения в геополитике неизбежно приводят к изменениям в направлении изучения иностранных языков. В настоящее время можно наблюдать достаточно широкий выбор языков, доступных для изучения на разных этапах образования. В отличие от советского времени, когда при обучении иностранным языкам в школах и вузах доминирующую роль играли только английский, немецкий и французский языки, сейчас лингвистический репертуар значительно расширился. Помимо традиционных для изучения популярных европейских языков большим интересом стали пользоваться также восточные языки. Это явление можно объяснить расширением сотрудничества России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья. В ближайшие десятилетия в российском языковом образовании вряд ли возможно говорить о полном замещении европейских языков, поскольку имеется значительный методический опыт и методическая преемственность в обучении, однако есть тенденция к все большей популяризации восточных языков. Это связано с широким выбором профессий в разных сферах, расширением возможностей в сфере туризма, социальными контактами и другими факторами. Следует отметить, что Россия и Турция на протяжении последних лет являются постоянными политическими и экономическими партнерами, поддерживают довольно прочные отношения. Это дает повод многим людям рассматривать перспективы изучения турецкого языка в качестве дополнительного иностранного.

Исследованию процесса обучения второму иностранному языку посвящены работы многих отечественных ученых: И. Л. Бим (Бим 2001), Н. Д. Гальскова (Гальскова 2008), Н. В. Барышников (Барышников 2003) А. В. Щепилова (Щепилова, Спичко 2018) и др. При этом недостаточно изученным остается вопрос преподавания турецкого языка как второго или третьего иностранного на базе европейских. Это связано с тем, что в нашей стране на данный момент практически отсутствует преподавание турецкого языка в рамках школьного образования (исключением могут являться школы в отдельных регионах нашей страны, например в Республике Татарстан), однако оно возможно на уровне вузов, где турецкий язык изучается реже в качестве первого и чаще — второго и третьего иностранного. Примерами таких вузов являются МГЛУ, МГИМО, НИУ ВШЭ и другие. В НГЛУ им. Н. А. Добролюбова турецкий язык может быть выбран студентами в качестве третьего иностранного в рамках факультативной дисциплины. В случае изучения турецкого языка в качестве дополнительного первым иностранным языком студентов чаще всего является английский. Таким образом, возникает необходимость рассмотрения процесса обучения турецкому языку с опорой на родной язык обучающихся — русский, и первый иностранный — английский. Изучению иноязычной лексики следует

уделять большое внимание, поскольку словарный запас осуществляет связь языка с действительностью (Гальскова 2017). Этим объясняется актуальность данного исследования.

2. Характеристика материала и методов исследования

2.1. Актуальность проблемы исследования

В настоящее время существует проблема недостатка учебно-методических комплексов, предназначенных для овладения турецким как вторым или третьим иностранным. Как правило, преподавателям приходится использовать на своих занятиях имеющийся у них методический опыт преподавания европейских языков или выстраивать учебный процесс интуитивно, опираясь на содержание используемых в работе учебных материалов.

При этом также следует отметить проблему качества имеющихся учебников по турецкому языку для русскоязычных обучающихся. Как правило, учебники российских авторов (Л. Н. Дудина «Турецкий язык (практический курс)», П. И. Кузнецов, Ю. В. Щека «Учебник турецкого языка», Н. П. Сидорина «Турецкий без репетитора») (Дудина 2006; Сидорина 2008; Кузнецов, Щека 2010) подходят больше для самостоятельного изучения или факультативных занятий, однако опыт работы с ними показывает отсутствие практической ориентированности на реалии использования языка и процесс естественного общения. Предлагаемая авторами российских издательств лексика зачастую имеет устаревший и специфический характер, что может поставить обучающихся в трудную ситуацию в процессе реальной коммуникации с носителями языка. Таким образом, преподавателям турецкого языка приходится в качестве основы пользоваться УМК, разработанными турецкими авторами и издательствами и ориентированными на преподавание турецкого языка иностранцам.

2.2. Особенности изучения турецкого языка в качестве второго или третьего иностранного

При обучении таким языкам, как немецкий, французский и испанский, как вторым или третьим иностранным отечественные методисты видят возможным в большей степени опираться на уже знакомые обучающимся понятия из хорошо известного им английского языка, так как все эти языки относятся к группам одной языковой — индоевропейской — семьи. Имеющийся у обучающихся опыт позволяет им без труда опознавать похожие лингвистические явления, а также осуществлять положительный перенос на разных уровнях (Бим 2001). Однако относительно турецкого языка сложно применить подобный подход, так как турецкий язык относится к другой языковой системе (юго-западная

(западно-огузская) подгруппа тюркских языков), поэтому непосредственное сопоставление с романо-германскими языками не будет способствовать положительным результатам из-за имеющихся различий языковых систем.

Обучение иностранному языку строится в первую очередь на основе правильного понимания и способности употребления в речи иноязычной лексики. Целью работы над лексической стороной иноязычной речи является последовательное овладение обучающихся лексикой в устных монологических и диалогических высказываниях, а также свободное понимание ее при чтении и аудировании иноязычных текстов (Шамов 2008).

В современных УМК по обучению турецкому языку иностранцев *Yedi İklim Türkçe, Yeni İstanbul* (Hayati Develi 2015; Mehmet Yalçın Yılmaz 2022) тематические разделы, как правило, охватывают примерно идентичные лексические темы: «Знакомство», «Местонахождение предметов», «Повседневные занятия, хобби», «Семья и окружение», «Покупки», «В кафе и ресторане», «Физкультура и спорт», «Массмедиа», «Искусство». Подобное разделение способствует соблюдению принципа частотности употребления лексических единиц в речи — изучается только самое необходимое для повседневного общения.

При первом знакомстве с турецким языком преподаватели всегда отмечают важный исторический факт, способствовавший упрощению системы языка в целом. После основания Турецкой Республики в 1923 г. ее лидер, Мустафа Кемаль Ататюрк, стремился сделать образование доступным для большего количества граждан страны. Первым шагом к этому стал переход на латинский алфавит в 1928 г. Современный, общенациональный вариант турецкого языка стал использоваться после языковой реформы 12 июля 1932 г. — до этого был создан специальный комитет турецкого языка, целью которого было упростить язык для наилучшего его усвоения, избавить от большого количества арабско-персидских заимствований (Напольнова 2020). Применение латиницы в турецком языке облегчает процесс обучения чтению (необходимо привыкать лишь к нескольким буквам, не относящимся к латинице или имеющим другой звук при произношении — *c* (дж), *ç* (че), *ğ* (*yıttıışak ge*, отдельного звука не имеет, но удлиняет предыдущий гласный). Упоминание данной исторической справки создает дополнительную мотивацию к изучению языка, поскольку многие изначально имеют опасения, что будут испытывать трудности уже на начальной стадии изучения (ошибочно сопоставляя турецкий с арабским, персидским и т. п.). При этом процесс развития турецкого языка не предусматривал изолированности. Таким образом, его лексическое наполнение является достаточно эклектичным и позволяет изучающим его обращаться к знакомым словоформам и понятиям, а именно сопоставлять турецкие лексические единицы с лексическими единицами родного — русского — и английского языков. Отсюда возникает потребность в создании

типологии турецкой лексики с учетом имеющегося у обучающихся лингвистического опыта.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Среди отечественных методистов большое признание получили типологии лексических единиц, предложенные Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым (Верещагин, Костомаров 1990), Н. В. Николаевым (Николаев 1963), С. Г. Тер-Минасовой (Тер-Минасова 2008). При этом данные исследования посвящены русскому и английскому языкам. Говоря о лексике турецкого языка, исходя из его особенностей, нам видится целесообразным представить более расширенную типологию, опираясь на типологию Николаева, но при этом изменив в ней некоторые пункты. Нами впервые разработана методическая типология лексических единиц турецкого языка с опорой на английский язык как первый иностранный и русский как родной язык. В данной типологии мы учитываем возможности сопоставления лексики турецкого языка в первую очередь с английским как первым иностранным, так как его влияние на овладение турецким сильнее, чем родного — русского языка. Таким образом, мы можем разделить лексические единицы турецкого языка на следующие типы:

I. Маркированная по национально-культурному компоненту лексика:

1. Фоновая лексика: *kreş* — *nursery* — ясли, *anaokul* — *preparatory school* — подготовительный этап перед школой, *ilkokul* — *primary school* — начальная школа, *orta okul* — *secondary school* — этап основного общего образования.

2. Слова, обозначающие предметы быта, специфичные для культуры Турции: *cezve* — турка (заваренный в турке кофе является элементом турецкой культуры), *çay bardağı* — стаканчик для чая в форме тюльпана (есть в каждом турецком доме, а также в них подают чай в кафе), *çaydanlık* — двухэтажный заварочный чайник, *kolonya* — одеколон (наливается или брызгается на руки гостям при входе в дом, а также используется в быту для дезинфекции рук, освежения — при этом одеколон используют даже в качестве первой помощи, если человек испытывает проблемы со здоровьем, по какой-то причине теряет сознание), *gir-gir* — специальная щетка для чистки ковра.

3. Гастрономическая лексика:

а) продукты питания, являющиеся символами турецкой культуры: *simit* (*gevrek* в Эгейском регионе) — бублик с кунжутом, *salça* — томатная паста, *balık ekmek* — рыбный сэндвич, *sacık* — холодный кисломолочный салат-соус, *kısır* — традиционное блюдо из булгура, *pide*, *lahmacun*, *gözleme* — лепешки с разными начинками, *sütlaç* — рисовый молочный пудинг, *çiğ köfte* — сырые овощные котлетки или тефтели из овощей, *salep* — горячий молочный напиток на основе экстракта орхидеи, употребляется в зимнее время года. Опора отсутствует. Прием семантизации — дефиниция, толкование.

б) региональные блюда: *pişmaniye* — Измит, *dondurma* — Кахраманмараш, *kadayıf dolması* — Эрзурум, *künefe* — Хатай, *tantuni* — Мерсин, *etli ekmek* — Конья. Опора отсутствует. Прием семантизации — дефиниция, толкование.

4. Топонимы: *Çeşme*, *Balıkesir*, *Karadeniz*, *Uludağ*, *Yanardağ*. Опора отсутствует. Прием семантизации — толкование.

5. Достопримечательности: *Topkapı Sarayı* — Дворец Топкапы, Стамбул, *Dolmabahçe Sarayı* — дворец Долмабахче, Стамбул, *Sultanahmet Camii* — мечеть Султанахмет, Стамбул, *Ayasofya Camii* — мечеть Айя-София (собор Святой Софии), Стамбул, *Kızılay meydanı* — площадь Кызылай, Анкара.

6. Общественный транспорт: *vapur* — *ferry* — паром, *dolmuş* — *minibus* — маршрутное такси. Опора отсутствует. Прием семантизации — сопоставление трех языковых систем и культур. В некоторых случаях возможно сопоставление с аналогичными явлениями в английском и русском языках. Но при семантизации такого понятия, как *metrobüs* — ветка скоростного автобуса в Стамбуле, опора отсутствует, соответственно, возможными приемами семантизации будут являться дефиниция и толкование.

7. Имена (каждое имя в турецком языке имеет свое значение): *Deniz* (море), *Yaprak* (лист), *Yağmur* (дождь) — данные имена используются и в мужском, и в женском неизменяемых вариантах; *Sevgi* (любовь), *Umut*, *Ümit* (надежда) — чаще всего мужские имена; *Irmak* (река). Также многие имена используются и в качестве фамилий. Опора отсутствует. Прием семантизации — дефиниция, толкование.

8. Слова, входящие в коммуникативное ядро, но отражающие специфику религии: *camii* — мечеть, *minare* — минарет, *günah* — грех, *namaz* — процесс совершения молитвы, *ezan* — азан, *imam* — имам. Опора отсутствует. Прием семантизации — дефиниция, толкование.

9. Лексические единицы, не имеющие прямого эквивалента в других языках, специфичные конкретно для Турции: *yakamoz* — отражение луны на водной глади (в 2007 г. данное слово на конкурсе в Германии было признано самым красивым в мире), *işenmek* — испытывать слишком сильную лень, чтобы сделать что-то, *şıpsevdi* — быстро влюбляющийся, *mis gibi* — что-то приятное на вкус, запах и т. п., *depremzede* — пострадавший в зоне землетрясения. Опора отсутствует. Прием семантизации — дефиниция, толкование.

10. Шаблонные выражения, не имеющие прямых соответствий в других языках: *Kolay gelsin* — пожелание легкой работы, *hayırlı olsun* — «пусть будет во благо», пожелание благополучия, *geçmiş olsun* — «пусть станет прошедшим», «пусть пройдет», пожелание скорейшего выздоровления или решения проблемы. Опора отсутствует. Прием семантизации — дефиниция, толкование.

II. Немаркированная по национально-культурному компоненту лексика:

1. Интернациональные и заимствованные слова с совпадающим значением в трех языках: *doktor* — *doctor* — врач, *sekreter* — *secretary* — секретарь, *profesör* — *professor* — профессор, *pilot* — *pilot* — пилот, *film* — *film* — фильм, *park* — *park* — парк, *otel* — *hotel* — отель, *ideal* — *ideal* — идеальный. Прием семантизации — сопоставление трех языковых систем, турецкой, английской и русской.

2. Слова, не являющиеся интернациональными, но имеющие похожее звучания в трех языках: *lamba* — *lamp* — лампа, *vazo* — *vase* — ваза, *salon* — *salon* — салон, зал, *mikrofon* — *microphone* — микрофон, *zürafa* — *giraffe* — жираф. Прием семантизации — сопоставление трех языковых систем, турецкой, английской и русской.

3. Производные и сложные слова, а также сочетания слов, компоненты которых знакомы обучающимся: *çamaşır makinesi* — *washing machine* — стиральная машина, *telefon kulübesi* — *phone booth* — телефонная будка, *cep telefonu* — *mobile telephone* — мобильный (тур. карманный) телефон, *edebiyat fakültesi* — *faculty of literature* — литературный факультет. Прием семантизации — сопоставление трех языковых систем, турецкой, английской и русской.

4. Слова, объем которых не противоречит семантическому объему слов в английском и русском языках: *patates* — *potatoes* — картофель, *göz* — *eye* — глаз, *masa* — *table* — стол, *kitap* — *book* — книга. Прием семантизации — сравнение трех языковых систем, турецкой, английской и русской.

5. Слова, имеющие общий корень, но отличающиеся по значению в разных языках. В парах турецкий — русский: *bayan* — женщина, *bardak* — стакан, *karakter* — персонаж, *durak* — остановка, *kulak* — ухо. Прием семантизации — сравнение с родным языком. В парах турецкий — английский — русский: *dramatik* — *dramatic* — драматичный, *magazin* — *magazine* — магазин, *şans* — *chance* — шанс. Прием семантизации — сравнение трех языковых систем, турецкой, английской и русской.

6. Лексические единицы, объем которых шире объема значений соответствующих слов родного языка, но которые могут быть сравнимы с лексикой английского языка: *etmek*, *kılmak*, *yapmak* — все три лексические единицы обозначают глагол «делать», но употребляются согласно контексту, аналогично англоязычным глаголам *do* и *make*. Прием семантизации — сопоставление с английским языком.

7. Лексические единицы, объем которых уже объема значений соответствующих слов родного языка: *el* — кисть руки (но полное соответствие английскому *hand*) / *kol* — рука (но полное соответствие английскому *arm*), *ayak* — стопа (но полное соответствие английскому *foot*) / *bacak* — нога (но полное соответствие английскому *leg*). Прием семантизации — опора на английский язык.

8. Лексические единицы, обозначающие одно понятие, но имеющие несколько синонимичных слов для выражения в разных контекстах — в прямом и переносном смысле и в устойчивых выражениях: *kalp, yürek* — сердце, *can, gönül* — душа, *adam, insan, kişi* — человек. *Canım istemiyor* — мне не хочется (дословно: моя душа не хочет), *gönüllü* — волонтер (дословно: работающий от сердца).

В процессе овладения турецким языком в качестве второго иностранного самое важное место зачастую занимает первый этап — когда обучающиеся только знакомятся с новой для них системой языка. В этот момент для преподавателя важно показать обучающимся, что многие имеющиеся в турецком языке явления и процессы уже знакомы им из родного и первого иностранного языка. Таким образом, многие учебники включают в свои начальные разделы много интернациональной общеупотребительной лексики (название профессий, предметов быта и т. п.). При этом обучающиеся иногда непроизвольно пытаются составить для себя ассоциации для запоминания новых слов — какие-то из них звучат похоже на слова из родного языка, совпадая с ними по значению (*şoför, vişne, pazar, çay, limon*), какие-то являются «ложными друзьями переводчика», имея совершенно другое, иногда сильно противоречащее родному языку значение (*saray* — дворец, *bayan* — женщина, *bardak* — стакан, *kulak* — ухо, *tabak* — тарелка, *durak* — остановка и др.). Во втором случае, то есть при несовпадении значения, запоминание новых лексических единиц происходит достаточно быстро на основе создания ассоциации. Также при сопоставлении некоторых лексических единиц турецкого языка с русским возможно появление интерференционных ошибок — некоторые слова в турецком языке хоть и имеют похожее звучание, но ударение в них стоит на другом слоге (чаще всего, традиционно для турецкого языка, на последнем): *şapka, doktor, sekreter, otobüs*.

При переходе же к изучению глаголов турецкого языка происходит большее сопоставление с английским языком, поскольку многие действия выражаются несколькими глаголами в разных контекстах (в русском языке «слушать» и «слышать», являются однокоренными, в английском и турецком выражаются разными словами: *listen, hear* (АЯ), *dinlemek, duymak* (ТЯ); в турецком, как и в английском языке, глаголы «смотреть», «видеть», «смотреть ТВ / фильм» также выражаются с помощью разных, отдельных лексических единиц (сравн. *look, see, watch TV* (АЯ) — *bakmak, görmek, izlemek* (ТЯ)).

4. Заключение

Задача преподавателя турецкого языка состоит в том, чтобы выделить знакомые опоры, помочь избежать возможных стереотипных ошибок. Таким

образом, в процессе изучения турецкого языка обучающиеся смогут самостоятельно определить, какой основы лучше придерживаться при запоминании новой лексики: в одних случаях будет легче опираться на родной язык, в других же — на первый иностранный. Также всегда следует помнить о том, что на занятиях происходит обучение языку не только как лингвистической системе, но и как феномену культуры. Обучающиеся получают знания о социальных явлениях Турции, имеющих как черты сходства, так и значительные отличия от традиционных европейских культур — таким образом, у них развиваются умения осуществлять межкультурный диалог. Овладение лексикой турецкого языка на основе сопоставительного подхода будет способствовать осуществлению компарации языков и культур и позволит обучающимся чувствовать себя органично в условиях поликультурного общения.

Список литературы / References

- Барышников Н. В. Методика обучения второму иностранному языку в школе. М.: Просвещение, 2003. [Baryshnikov, Nikolay V. (2003) *Metodika obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku v shkole* (Methods of Teaching a Second Foreign Language at School). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского). Обнинск: Титул, 2001. [Bim, Inessa L. (2001) *Kontseptsiya obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku (nemetskomu na baze angliyskogo)* (The Concept of Teaching a Second Foreign Language (German based on English)). Obninsk: Titul. (In Russian)].
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. [Vereshchagin, Evgenij M., & Kostomarov, Vitalij G. (1990) *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* (Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language). 4th ed., revised and additional. Moscow: Rus. yaz. (In Russian)].
- Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика М.: Академия, 2008. [Gal'skova, Natalya D. (2008) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* (Theory of Teaching Foreign Languages. Lingvodidactics and Methodology). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Гальскова Н. Д. Основы методики обучения иностранным языкам: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2017. [Gal'skova, Natalya D. (2017) *Osnovy metodiki obucheniya inostrannym yazykam: Uchebnoe posobie* (Fundamentals of Methods of Teaching Foreign Languages: Textbook). Moscow: KNORUS. (In Russian)].
- Дудина Л. Н. Турецкий язык (практический курс). М.: КомКнига, 2006. [Dudina, Liudm'la N. (2006) *Turetskiy yazyk (prakticheskiy kurs)* (Turkish Language (Practical Course)). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Кузнецов П. И., Щека Ю. В. Учебник турецкого языка. Начальный курс. М.: Восточная книга, 2010. [Kuznetsov, Petr I., & Shcheka, Jurij V. (2010) *Uchebnik turetskogo yazyka. Nachal'nyy kurs* (Textbook of the Turkish Language. Beginner Course). Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russian)].

- Напольнова Е. М. Отражение идентичности в лексике турецкого языка // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2020. № 1. С. 50–67. [Napol'nova, Elena M. (2020) Otrazheniye identichnosti v leksike turetskogo yazyka (Reflection of Identity in the Vocabulary of the Turkish Language). *Moscow State University Bulletin. Series 13. Vostokovedenie*, 1, 50–67. (In Russian)].
- Николаев Н. В. Типология лексического материала, подлежащего усвоению в восьмилетней школе (на материале англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 1963. [Nikolayev, Nikolay V. (1963) *Tipologiya leksicheskogo materiala, podlezhashchego usvoyeniyu v vos'miletney shkole (na materiale angl. yaz.)*: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk (Typology of Lexical Material to be Learned in an Eight-Year School (Based on the English Language): Extended Abstract of PhD Thesis in Pedagogy). Moscow. (In Russian)].
- Сидорина Н. П. Турецкий без репетитора. М.: ООО «Издательство Толмач», ООО «Дом Славянской книги», 2008. [Sidorina, Natalya P. (2008) *Turetskiy bez repetitora* (Turkish without a Tutor). Moscow: ООО «Izdatel'stvo Tolmach», ООО «Dom Slavyanskoy knigi». (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: Слово, 2008. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2008) *Voyna i mir yazykov i kul'tur: voprosy teorii i praktiki mezh'yazykovoy i mezhkul'turnoy kommunikatsii* (War and Peace of Languages and Cultures: Issues of Theory and Practice of Interlingual and Intercultural Communication). Moscow: Slovo. (In Russian)].
- Шамов А. Н. Методика преподавания иностранных языков: общий курс. М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. [Shamov, Alexandr N. (2008) *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov: obshchiy kurs* (Methods of Teaching Foreign Languages: a General Course. Moscow: AST: Vostok – Zapad. (In Russian)].
- Щепилова А. В., Спичко Н. А. Результаты апробации обновленного содержания предметов «Иностранный язык» и «Второй иностранный язык» // Обновление содержания основного общего образования: теория и практика. М.: Авторский Клуб, 2018. С. 75–80. [Shchepilova, Alla V., & Spichko, Natal'ya A. (2018) Rezul'taty aprobatsii obnovlenogo soderzhaniya predmetov «Inostranny yazyk» i «Vtoroy inostranny yazyk» (Results of testing the updated content of the subjects “Foreign Language” and “Second Foreign Language”). In *Obnovlenie soderzhaniya osnovnogo obshchego obrazovaniya: teoriya i praktika* (Updating the Content of Basic General Education: Theory and Practice). Moscow: Avtorskiy Klub. (In Russian)].
- Hayati Develi. (2015) *Yedi İklim Türkçe A1 Ders Kitabı*. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yayın Matbaacılık ve Ticaret İşletmesi. (In Turkish).
- Mehmet Yalçın Yılmaz. (2022) *Yeni İstanbul uluslararası öğrenciler için Türkçe ders kitabı A1. 7. baskı*. İstanbul: Kültür sanat yayınevi. (In Turkish).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурла Анна Владимировна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, avburla@lunn.ru

Габитов Шамиль Рафикович, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, shamil9907@mail.ru

Глумова Елена Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, glumova@lunn.ru

Демидова Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, frenjar@yandex.ru

Дмитриева Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, eldmitrieva@yandex.ru

Жигалев Борис Андреевич, доктор педагогических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, zhigalev@lunn.ru

Кабанова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, kabanova@lunn.ru

Княжева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, knel@cs.vsu.ru

Кострова Мария Алексеевна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, mkostrova@yandex.ru

Лазарева Анна Сергеевна, кандидат педагогических наук, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия, lazareva@mail.ru

Лобков Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, aelobkov@sevsu.ru

Полуэктова Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия, poluektovatan@kspu.ru

Сандлер Юлия Натиновна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, sandler390@gmail.com

Соснин Алексей Владимирович, доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, avsosnin@lunn.ru

Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, kafedra_pil@mail.ru

Чжао Гуоюэ, Педагогический университет Янцзы, Чунцин, Китай, doctorzss@hotmail.com

Чжу Шисон, Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китай, doctorzss@hotmail.com

Шнякина Наталья Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, zeral@list.ru

Штырова Валерия Эдуардовна, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия, shtirova2014@gmail.com

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 2 (70)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Компьютерная верстка
С. В. Туманов

Подписано в печать 27.06.2025. Дата выхода в свет 30.06.2025.
Формат 60×90 1/16. Печ. л. 11,25. Тираж 500 экз.
Свободная цена. Заказ № 11625.

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269